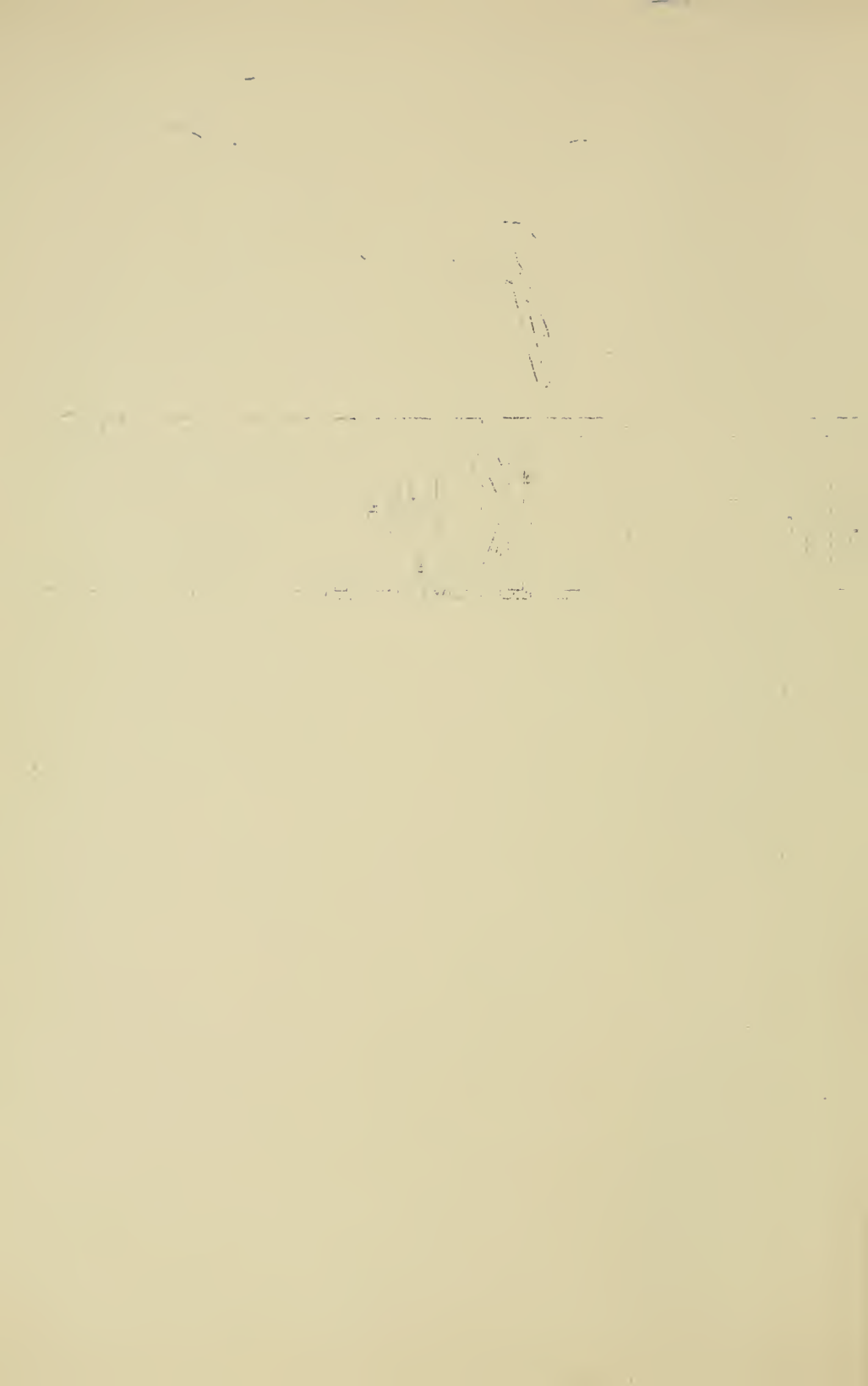
Кадетская

ПЕРЕКЛИЧКА

No 28



КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов зарубежом, Нью-Йорк, США

№ 28 Нью-Йорк Май 1981

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Founder
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
V. Glinin
43 Dickson St.
Glen Cove, N. Y.
11542

—

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прошлое, Настоящее, Будущее. В. Бодиско. 3
Библиотека Первого Кад. Корпуса. Жанна Комарницкая. 13
Красный террор в Крыму. П. Пагануцци. 28
Уход. Р. Сазонов. 43
Чудесная Пасха. Б. Ганусовский. 50
Воспоминания 65-летней давности. С. Ольденбергер. 55
Чему Господь свидетелем меня поставил.
Л. Сердаковский. 73
Список жертвователей в фонд журнала. 86
Эвакуация русской белой эмиграции. В. Данилов. . . 87
Чтобы боль каждого. В. Астафьев. 95
Мальтийский крест. Н. Веденяпин. 97
Владимирское Соревнование. 99
Хроника. 104
Письмо в редакцию. 105
Памяти ушедших. 112
Приложение: Список кадет Донского корпуса. . . . 114

Подписывайтесь и распространяйте

«Кадетскую Перекличку»

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ.

Миновал седьмой съезд в Париже. Как и на всех предыдущих съездах устроители определили в должной дозировке и «делу время», и «потехе час». «Потеха» была все та же, — встречи старых друзей, воспоминания, разговоры, застолья, экскурсии. А вот «дело» на этом съезде было несколько иное, чем раньше, ибо представлены были на нем два доклада, которые не только позволили вспомнить прошлое, но заставили подумать и о настоящем, и о будущем.

Съезд был посвящен Белому Делу и в течение двух дней в предобеденные часы, капитан К. М. Перепеловский отличным языком, со множеством данных, цитат и даже со схемами боевых действий, рассказал молодым и напомнил старым о возникновении, развитии и скорбном конце этой эпопеи, заставив вновь склонить головы перед патриотизмом, самозабвением, жертвенностью и героизмом «отцов и братьев наших».

А на третий день Н. В. Козякин говорил о редактируемой им «Кадетской Перекличке» и вместо привычных сетований на материальные и технические затруднения, острие своего доклада направил на идеологические вопросы, ясно показав, что изменение состава русской эмиграции в последние годы принесло и перемену в ее взглядах на историческое прошлое нашей родины, все более проникающую в эмигрантскую прессу, а через нее и в печать свободного мира. Увы, пришло время бороться не только против системы установленной в России, но и за само понятие России в этнографическом, историческом, культурном и моральном аспектах.

Последовательность этих двух докладов, из которых первый говорил о светлом прошлом, а второй — о необходимости защищать его от поругания, заставила крепко задуматься о судьбах русской эмиграции, о развитии ее идеологии и о том наследии, которое оставит она будущей России. И невольно мысль пришла к основным этапам жизни русских в рассеянии, к пресловутым «волнам».

Мы принадлежим к первой волне и сам этот факт доказывает наше особое положение в среде эмиграции. Русские корпуса в Югославии существовали, постепенно сокращаясь, до 1945 года и дали 28 выпусков, из которых четыре последних окончить корпус не успели. Крымская эвакуация была

в 1920 году и простая арифметика говорит, что зарубежные кадеты прибыли в эмиграцию в огромном большинстве юношами или мальчиками, а те что кончали корпус с середины тридцатых годов и родились заграницей. Какая из последующих «волн» может рассчитывать сохранить свое национальное лицо в двух и даже трех очередных поколениях? Не доказывает ли наше русское самосознание, сколь глубока была любовь к родине наших отцов и дедов, сколь велико было их культурное богатство, позволившее в чужой и часто враждебной обстановке, воспитывать детей и внуков русскими?

Мы безусловно принадлежим к первой «волне», но в мировоззрении ее основателей, отцов и дедов, и ее первого сыновьего поколения — нас, есть и существенная разница. В огромном своем большинстве наши отцы были участниками событий времен первой мировой войны, революции, Белого Дела. Они несли в себе непоколебимую верность императорской России, ее устоям, заветам, истории. Им было просто немыслимо критически подходить к причинам русского катаклизма, искать их корни в несовершенстве существовавшего строя, экономического и социального неравенства различных слоев населения.

На тех же идеях воспитывались и мы. Как наши отцы, так и старшие товарищи полностью и беспрекословно включили нас в культ императорской России, Белой борьбы, великого исхода. Эта было легко и естественно, ибо жила тогда эмиграция на чемоданах, ожидая скорого возвращения, кадеты кончавшие курс седьмого класса почти поголовно шли в Николаевское Училище, чтобы при первом же развертывании Белой Армии на территории России, занять подобающее место во главе взвода лихих гусар, улан или драгун, а воинские части, в полном порядке и с соблюдением строгой дисциплины, работали под командой своих офицеров на постройках югославских дорог или на охране границ. Для нас, тогда малышей, Белое Дело было свято во всех отношениях, а участники его — поголовно героями. Ведь среди кадет Крымского Корпуса было 46 георгиевских кавалеров, а последний крест Генерал Врангель приколол на грудь Сергея Слюсарева в нашем присутствии, вызвав его из строя второй роты.

Несомненно, не вся первая эмиграция была военной и крайне правой в своих убеждениях. В Париже и Праге обо-

сновались большие группы либерально настроеных деятелей, которые не пели «осанна» прошлому строю, подчас остро его критиковали, но при всем том не чернили историю России огулом, умели уважать прошлое своего народа, порицая недостатки, но признавая и достоинства. Один из парижан, правда, защитник консервативных взглядов, профессор И. А. Ильин, говоря о прошлом России прямо сказал что «народ, не уважающий своего прошлого, не достоин светлого будущего».

Понятно что в стенах корпуса все больные вопросы проходили мимо нас. Мы твердо верили, в непогрешимость старых устоев, в святость Белой борьбы, в необходимость быть готовым в любой день и час встать в ряды борцов за эти идеалы. Раздумье пришло позже, в студенческие годы, когда открылись для нас двери библиотек и мы смогли познакомиться со всем, что было написано в свободном мире о революции, ее причинах и следствиях.

Слава Богу об исторической России написано много правды, начиная от Карамзина и кончая Платоновым. Эти серьезные исторические исследования не погибнут под вулканическими пластами советской лжи и по истечении нашего безвременья серьезные ученые смогут установить истину о прошлом России, во всей ее красе, ибо «лишь истина прекрасна», как сказал Буало.

Еще больше, пожалуй, написано о революционном безвременьи и о периоде, ему предшествовавшем. Министры двух последних императоров, включая графов Витте и Коковцева, оставили обширные воспоминания. К ним нужно присоединить записки общественных деятелей, духовных лиц, юристов, литераторов, артистов, словом представителей всех профессий, хоть сколько нибудь связанных с печатью. Все мемуары всегда субъективны, все, пишущие воспоминания, неизменно оказываются правы в своих мыслях и действиях и читающему эту литературу не легко составить верное представление об описываемых событиях. Но общая картина вырисовывается определенно, а с нею причины и следствия происшедшего.

Ясно, что далеко не все из нас, по окончании корпуса, прочли всю эту литературу. Не менее ясно, что прочитанное на разных людей произвело различное впечатление, начиная от крайних консерваторов — «революцию сделали евреи и масоны, руками прогнившей насквозь интеллигенции», кончая

самым левым крылом — «Россия была беременна революцией. Жаль только, что приняла она такие формы». Думается что вывод большинства проходил где то по середине. Несомненно экономическое и социальное неравенство основных слоев населения было грозной предпосылкой для революции. Несомненно и то, что политика, проводившаяся в самом начале века, была крайне неудачной и, что следствием ее явились японская война, поражение, потеря престижа заграницей и потеря авторитета внутри страны, «первая революция», куцые реформы, которые никого не удовлетворили. При этом положении вступление в мировую войну, пусть полностью оправданное с моральной точки зрения, было больше чем ошибкой. Прав Солженицын, усматривая первый поворот своего «Красного Колеса» в «Августе 14-го».

Нет сомнения в том, что русская интеллигенция добросовестно рубила сук, на котором сидела. Однако неоспоримо и то, что большую ответственность за революцию несут и правящие круги, не понимавшие происходивших событий, не сумевшие или не пожелавшие предотвратить надвигавшуюся катастрофу своевременными и полноценными реформами. А когда события разразились, правительство, обладавшее полнотою власти, не нашло в себе сил и решимости предотвратить развал крутыми, но вполне оправданными мерами.

Думается, что к такому заключению пришло большинство нашего поколения, хотя нет сомнений и в том, что очень значительная часть и по сей день винит во всем «прогнившую» интеллигенцию. Тут есть расхождения. Но даже самые крайние из нас не поносят прошлое своей родины в целом, умеют среди теневых сторон отыскать и светлые, солнечные. Всем ясно, что «шестая часть земли, с названьем кратким — Русь» не могла создаваться на основе одних ошибок или злодеяний и, что у русских людей есть гораздо больше оснований гордиться своей историей, чем ее стыдиться. И это относится, как к далекому прошлому, так и к тем временам, что предшествовали превращению России в СССР, когда крестьянское или общинное земледелие начинало уступать место фермам, Русско-Балтийский завод выпускал автомобили, легко соперничавшие с европейскими и американскими, Сикорский конструировал свои первые аэропланы, а огромные заграничные капиталовложения ясно показывали степень доверия, которым пользовалась страна.

Неудачная война, «бабий бунт», которому позволили перерасти в революцию, отречение Государя за себя и за сына, отречение следующего по старшинству представителя династии, падение власти, беззаконие, маниловщина думских правительств, траги-комическая роль «главноуговаривающего», Смольный, дворец Кшесинской и ,наконец, выстрел Авроры и бесцельная жертва юнкеров и женского батальона в Зимнем Дворце.

«Поддалась лихому наговору, отдалась разбойнику и вору, подожгла посады и хлеба, разорила древнее жилище и пошла, поруганной и нищей, и рабой последнего раба» писал о России тех дней Волошин. Россия гибла, Россию нужно было спасать. За дело спасения исторической России взялись Белые Вожди, за дело спасения «достижений революции» — Ленин со своим Совнаркомом, Троцкий с Реввоенсоветом. Гражданская война принесла победу красным, а все последующие события показали, что правда была на стороне белых. Первые «за что боролись, на то и напоролись», вторые унесли в изгнание сознание своей правоты и не их вина, что горячие призывы к народам свободного мира понять сущность коммунизма, остались «гласом вопиющего в пустыне».

По обе стороны границы началась идеологическая борьба. Сущность ее сводилась к одному вопросу: нужна ли была революция, что принесла она народу. На красной стороне ответ был один: прошлое России было настолько мерзким, что и саму память об этой стране нужно уничтожить; нет России, есть Советский Союз, а те, кто против него боролись, защищали свои сословные или имущественные привилегии. Эту идею выдвинул Ленин, перенял Сталин, потом Хрущев, а теперь держится за нее и Брежнев. В руках этих людей огромный пропагандный аппарат, служат им в «добровольно-принудительном» порядке очень талантливые люди, которые через печать, кино, радио, а теперь и телевидение, вдалбливают эту ложь в умы очередных поколений, с тем большим успехом, чем дальше отстоит это поколение от революционных лет. Уже нет русских, а есть «советские» люди, история этой страны начинается с 1917-го года, культура там тоже «советская» и только один патриарх, будучи воистину советским, продолжаст именоваться Московским и всея Руси. Гражданская война, а с нею и Белое Дело, в «советскую» историю вошли, так как происходили после пресловутого семнадцатого года. Но в этих описаниях вся прав-

да, геройство и самоотречение было на стороне красных. Белые же были исчадием ада в силу своего зверства, продажности и шкурничества Общее впечатление от советской исторической литературы, это желание во что бы то ни стало оправдать революцию, доказать ее необходимость и правоту. Желание вполне понятное для первых лет советской власти, но казалось бы излишнее, когда этой власти стукнуло уже шестьдесят три года.

Совсем иной тон был у эмигрантской печати. Здесь шла подробная дискуссия о причинах русского катаклизма, о роли отдельных лиц и их ответственности, о пропущенных возможностях повернуть колесо истории на другую колею. В дискуссии участвовали все, начиная от монархистов-легитимистов, кончая социалистами всех оттенков. Споры зачастую были горячими, но никогда не переходили в ругань и никто из спорящих, включая и крайних левых, не позволял себе говорить о прошлом России в недопустимых выражениях.

О Белом Движении высказывания были тоже разными. Многие осуждали его вождей за неопределенность политической платформы, за развал тыла и за неумение привлечь на свою сторону народные массы. Но самоотверженность, жертвенность и героизм белых воинов для всех были несомненны. Для мыслящей эмиграции было совершенно ясно, что идти на раны и на смерть в угоду помещикам и капиталистам могли лишь умалишенные, что казачество воевало, защищая вековой уклад своей жизни, а русские добровольцы боролись за честь России, стараясь спасти ее от надвигавшегося кровавого хаоса. Характерно и то, что русская эмиграция никогда не обвиняла своих противников в продажности или корыстолюбии, всегда признавая что красные шли на смерть борясь за свои идеи, в чью правоту безусловно верили. Другое дело, что последующие годы ясно показали ошибочность этих идей, бесплодность принесенных жертв.

В Испании есть один памятник, о котором всегда вспоминаю с чувством глубокого уважения. В полутора сотнях километров от Мадрида, приблизительно, лежит дикая скалистая местность. Горы, камень, почти никакой растительности. Одну из гор по приказу Франко прорыли накрест двумя тунелями, метров десять шириной, метров пять в высоту. На скрещении тунелей получился просторный зал, где установили католический алтарь. Служить можно лицом к любому из гротов, в которых поставлены скамьи для молящихся, в

стенах же сверху и до низу выдолблены ниши-могилы, в которых похоронены испанцы, павшие на полях гражданской войны, вне зависимости от того на чьей стороне они боролись. Родственникам достаточно было только заявить о своем желании, чтобы тело было перенесено в «Долину Павших» и это немедленно выполнялось. Генерал Франко понял и громко заявил, что на смерть идти могут лишь те, кто честно и твердо верит в правоту своих идей и, что все, кто там похоронен жизнь свою отдали за Испанию. Похоронен там и сам Франко.

Это в Испании, стране с огромным историческим прошлым, богатой и культурой и традициями. Но даже и в Венецуэле, в маленьком городе Маракае, на кладбище есть памятник пяти студентам, принимавшим участие в каком то восстании против очередного диктатора и погибшим в бою с войсками. На памятнике надпись: «Мать родина, ты нас призвала, мы явились и здесь служим тебе вечно». Поставлен памятник тем самым диктатором, против которого они восстали. Далеко левым диктаторам, до сих пор именующим белых воинов «белобандитами», до их идеологических противников.

Cujus regio, ejus religio, говорит латинская поговорка, в свободном переводе: «чья область того и верование». Так и получилось, что зарубежная Русь жила любовью к России и уважением к ее прошлому. Советская же Русь должна была учиться Россию ненавидеть и ее прошлое презирать. Первая встреча русских людей оттуда и отсюда произошла в годы второй мировой войны, а затем в лагерях ди-пи и странах нового рассеяния. Сразу же почувствовалась некоторая отчужденность, разница во взглядах. Вместо однородной массы, прибывшей из Крыма, появились украинцы, белорусы, кавказцы, для которых Россия не была общей родиной, а страной узурпатором, которую не за что уважать, с которой нужно бороться. Да и коренные русские относились к прошлому своей страны весьма критически, находя в настоящем много преимуществ морального порядка по сравнению с минувшим. Все же общая жизнь сравнительно скоро сгладила шероховатости, а возможность для ново-прибывших ознакомиться с тем, что о революции сказала первая эмиграция, заставила их во многом изменить свои взгляды. Это было не так уж трудно, ибо воздействию советской пропаганды

вторая эмиграция была подвержена всего около двадцати лет.

Совсем другой дух принесла с собою «третья волна», родившаяся, выросшая и воспитанная под советским режимом. Состоящая в огромном большинстве из людей интеллигентных, очень быстро освоившихся в свободном мире, принесшая с собою значительное число профессиональных литераторов и публицистов, эта «волна» очень скоро заполнила эмигрантскую прессу, создала большое количество собственных издательств, альманахов и журналов и проникла в печать всех стран свободного мира. Как ни горько это признать, но теперь от имени русской эмиграции говорят почти исключительно новоприбывшие.

Три основных причины обусловили успех «третьей волны» в мировой прессе. Первая — это живое свидетельство о жизни во всех ее аспектах, настроении и чаяниях советских людей. Вторая — это созвучие в политических взглядах «волны» и большинства журналистов свободного мира, принадлежащих к социалистическому, часто про-коммунистическому лагерю. Третья — это невольное наличие среди новоприбывших настоящих героев, борцов за свободу русского и других народов, политических эмигрантов в полном смысле слова, из них же первый — А. И. Солженицын. Их вполне заслуженная слава отблеском легла и на тех, кому хвастаться нечем.

Читая самую распространенную русскую газету, парижский еженедельник и прочие повременные издания, невольно приходишь к выводу, что новейшая эмиграция настроена категорически враждебно к практике советского строя, но, отнюдь, не к его теоретическим обоснованиям. Критика действий Сталина, Хрущева или Брежнева звучит ясно и убедительно, но критики идей и решений Ленина почти не слышно. Зато поношения прошлого России, хоть отбавляй. Один из идеологов почел нужным сравнить законодательство императорской России и Советского Союза в отношении защиты существующего строя и пришел к выводу, что разница между ними незначительна, забыв упомянуть о том, как применялись эти законы до и после революции. Другой, вспоманая о Шаляпине, не нашел нужным отметить роль великого артиста в мировой культуре, а пространно описал случай, когда ему пришлось опуститься на колени при исполнении оперным хором русского гимна в присутствии Императора, чтоб не

торчать демонстративно каланчей на сцене. Третий договорился до того, что назвал Россию сукой, видимо перепутав свою родительницу с нашей общей родиной, как правильно заметил редактор «Переклички», выступая на съезде в Монреале.

Так пишут о прошлом России люди явно к нему враждебные. Но даже и большие писатели, правильно оценивающие исторические события, невольно, просто по незнанию, искажают прошлое. Примером тому «Август Четырнадцатого» Солженицына, где кадровые офицеры русской армии ведут себя и говорят языком офицеров советских, где полковник Генерального Штаба переходит на «ты» после полу-часового разговора, старшие «тыкают» младшим, молодой полковник разносит старших начальников в присутствии Великого Князя и т. д. Какая огромная разница с тем, что писали об офицерской среде Деникин, Краснов, Галич, чему учились и мы, состоя в ячейках Северских драгун, Белгородских улан или Ахтырских гусар в студенческие годы в Белграде.

Даже язык эмиграции изменился. Еще недавно редакторы газет ревностно следили за его классической чистотой в статьях, фельетонах или повествованиях, допуская англицизмы, галлицизмы или сербизмы лишь в объявлениях или «сторонних сообщениях». Теперь же доклады «зачитываются», в «заплывах», вместо изящных плозиц, выступают бесформенные «пловчихи», одетые в «купальники», дамы сменили панталоны на «трусы», а если кому нибудь желают успехов, то непременно «творческих». Невольно вспоминаешь Паустовского: «До какого же холодного безразличия к своей стране, своему народу, до какого невежества и наплевательского отношения к истории России, к ее настоящему и будущему, нужно дойти, чтобы заменить живой и светлый русский язык речевым мусором». Как жаль, что Нобелевская премия, вместо этого большого и воистину русского писателя, досталась подхалиму Шолохову. Как больно и грустно наблюдать за тем, что русская эмиграция, более полу-века бывшая хранительницей всех ценностей русского прошлого, так легко сдает свои позиции, превращается в эмиграцию советскую.

Так что же нам делать? Спорить, полемизировать, писать статьи в газеты и журналы, заведомо зная, что почти все они окажутся в корзинах редакторов, для которых писания «новых» ближе и интереснее с практической точки зрения? Думается — не стоит. Адлай Стивенсон, будучи кандидатом на

должность президента Соединенных Штатов, как то сказал, обращаясь к своим противникам: «Обещайте не говорить лжи обо мне, и я обязуюсь не говорить правды о вас». Увы, повторить эту фразу мы не можем. Замалчивать правду об истоках, развитии и последствиях русского коммунизма, было бы преступлением. А ожидать прекращения хулы на наше прошлое тоже не приходится, ибо хулителям «промывали мозги» почти с колыбели и для них ложь — правда.

Как то, в одну из поездок в Советский Союз, ужинали мы в Москве у одного моего приятеля, повидимому старого члена партии. По просьбе этого супружества пространно говорил я им о русской эмиграции, нашем воспитании в Корпусах, верованиi, надеждах, чаяниях, о том, что сделала эмиграция для сохранения памяти о прошлом России. А когда кончил, то супруга приятеля, в прошлом педагог, обращаясь к мужу сказала: «Какое счастье, что где то есть еще русские люди, которые сохранят для будущего все то, что нас заставляют забыть, что хоть маленькая часть русского народа избежала участи Ивана, не помнящего родства».

Нас мало. Голос наш слаб, но правда с нами. И думается мне, что последней нашей обязанностью является не спор с «новыми», а настойчивый и последовательный рассказ о нашем прошлом, который на страницах «Переклички» или других изданий сохранится в библиотеках, архивах и книгохранилищах, дойдет сейчас до беспристрасного читателя, а в будущем послужит историкам для извлечения «из под глыб» правды об исторической России и ее последних защитниках.

Владимир Бодиско.

«ПРАВДА О ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ЗЛОДЕЯНИИ»

книга проф. П. Н. Пагануцци,

которая является расширенным изданием статьи «Екатеринбургское Злодеяние» впервые напечатанной в 22-ом номере нашего журнала, вышла из печати. Издание на русском языке можно выписать от

HOLY TRINITY MONASTERY BOOKSTORE
Jordanville, N. Y. 13361. U.S.A:

по цене 10 дол. в мягком переплете или 15 дол. в твердом.

Английская версия выйдет из печати через пол года.

БИБЛИОТЕКА ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА В САНКТ ПЕТЕРБУРГЕ.

Библиотека Первого Кадетского Корпуса — единственное дошедшее до наших дней полностью книжное собрание XVIII века — является уникальным свидетельством умственной, культурной, общественно-политической жизни русского общества.

Это ценнейшее культурное достояние чудом сохранилось в периоды исторических катаклизмов XIX и XX веков — не погибло вместе с другими книжными собраниями, не было распылено в фондах больших библиотек.

После революции 1917 года в России, книги и рукописи Первого Кадетского Корпуса, запертые в военно-исторической библиотеке Ленинграда в здании Главного Военного Штаба на дворянской площади и хранившиеся под ключом, были на долгие годы забыты, недоступны, неисследованы.

Рука человека до недавнего времени не касалась страниц этих старинных томов, не перелистывала кадетские «журналы» — дневники, исписанные юношескими почерками и проверенные директором корпуса — графом Ангальтом.

Как это часто бывает, «открытие» кадетского книжного собрания принадлежало «чудаку» — старому библиотекарю, потратившему несколько лет жизни на доказательство необходимости передать книги в гражданские руки, на хождение по инстанциям, уговоры, жалобы, просьбы. Он победил в неравной борьбе, этот больной и старый человек, влюбленный в книгу, и сокровище было переведено в 1965 году с Дворцовой площади в отдел редкой книги Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки на Садовой улице.

Старое здание публичной библиотеки Ленинграда, одной из богатейших библиотек мира, давно уже задыхается от недостатка места и неспособно вместить все новые поступления. Может быть, именно этим можно объяснить яростное нежелание администрации принять книги, дать им место. В конце концов, около 9 000 томов, за которые любая библиотека мира отдала бы с радостью миллионы, были сложены в здании на Садовой улице частично на стеллажах, частично на полу, где и оставались более десяти лет в неразобранном виде. Лишь в последние два года их стали очень медленно

— расставлять по местам и приступили к подготовке каталога.

На книгах, а многие из них представляют собою уникальные экземпляры, многочисленные пометы — владельческие надписи, печати, гербы, маргиналии: замечания на полях, впечатления о прочитанном, собственные суждения.

Огромные фолианты и маленькие томики, переплетенные в кожу, могут многое рассказать внимательному исследователю о тех, кто брал их в руки — людях, прославивших в будущем свое отечество в различных областях, об истории самых знаменитых русских фамилий. С этих страниц смотрит сама вековая итория и культура народа.

365 рукописных томов — кадетские журналы конца XVIII века — сразу попали в другой отдел библиотеки, Отдел Рукописей, где были бережно расставлены в старинных шкафах и зарегистрированы. Заполнявшиеся ежедневно кадетами, эти отлично сохранившиеся тома на каждой своей странице несут подписи — фамилии, известные каждому, знакомому с русской историей: Волконский и Оболенский, Вяземский и Глинка, Голицын, Толь, Шаховской, Лунин, Горголи, Полетика, Кульнев и многие, многие другие.

Здесь много загадок, которые еще предстоит разрешить: в одном из томов две соседние страницы подписаны Пушкиным и Пущиным. Это, конечно не первый поэт России и его друг — декабрист, учившиеся в императорском лицее. Но кто они, дружившие и занимавшиеся вместе в Первом Кадетском Корпусе?

Великое множество интереснейших исторических загадок хранят страницы исписанные французским языком XVIII века. Изучение записей, сделанных кадетами, пополнило бы во многом наши знания русской истории, литературы, науки конца XVIII — первой половины XIX веков.

И еще одно: эта статья о первом Кадетском Корпусе в Санкт Петербурге готовилась для одного научного издания, которое должно было выйти в свет в конце 1980 года. Статья уже лежала в редакционном портфеле, обсужденная и одобренная в различных инстанциях, но судьба распорядилась иначе: научные труды людей, покидающих Советский Союз, не публикуются. Появление этих людей в Отделе Рукописей Публичной библиотеки не поощряется, даже, если этот человек — единственный, проявивший интерес и желание изучать национальные сокровища.

До этого я в течение двух лет с лупой в руках занималась исследованием материалов Первого Кадетского Корпуса, с восторгом наблюдала за интеллектуальным и общественным развитием и мужанием юношей, для которых любовь к Родине, ее благу, ее народу становилась главным смыслом всей жизни. Многие из них доказали это на деле, сражаясь с наполеоновской гвардией в 1812 году, поднимаясь на вооруженное восстание на Сенатской площади против рабства в 1825 году.

И я была бы счастлива, если бы исследование, проведенное мною и, кратко пересказанное в этой статье, заинтересовало бы внуков и правнуков кадет Первого Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге.

---

15 декабря 1825 года, на следующий день после восстания декабристов на Сенатской площади, в здание Первого Кадетского корпуса, который размещался на Васильевском острове в Меншиковском дворце, явился разгневанный Николай I. «Государь выслушал рапорт директора, — вспоминал один из воспитаников корпуса, будущий писатель Н. С. Лесков, — и изволил громко сказать: «здесь дух нехороший... отсюда Рылеев и Бестужев». Следствием высочайшего появления был приказ «запереть библиотеку» корпуса, которая явилась рассадником вольномыслия.

Сухопутный шляхетский корпус был учрежден в Санкт-Петербурге 29 июня 1731 года по приказу Анны Иоановны. Указом 1800 года он был переименован в Первый Кадетский. Это специальное военное училище с самого своего основания сделалось энциклопедическим.

В 1763 году после того, как был опубликован сенатский указ о том, что «корпус, по силе изданных о нем узаконений, заключает в себе не одно военное, но и политическое и гражданское училище» — тенденция роста корпуса в сторону универсальной, научной подготовки юношей стала особенно заметной.

В учебную программу, кроме военных наук, математики, астрономии, физики, архитектуры и прочих предметов, были введены юридические и политические науки, иностранные языки, даже восточные, и так называемые «художества» — живопись, ваяние, гравирование и т. д..

«Наставьте господина Кошена, — писала императрица Екатерина II в 1767 году Фальконе, — он думает, что мои

кадеты приготовляются единственно, для войны: может быть Парижская военная школа ввела его в это заблуждение. Мои кадеты сделаются всем тем, чем пожелают быть и выберут себе поприще по своим вкусам и наклонностям».[1])

При главном директоре князе В. Н. Репнине, — сообщал историограф корпуса А. В. Висковатов, — «те из кадетов, которые обучались по склонности, юриспруденции, были освобождены от занятий другими науками, и назначались прямо в гражданскую службу. Менее, нежели через десять лет по учреждении корпуса, отечество уже чувствовало всю пользу сего заведения».

Состав библиотеки корпуса ярко отражает и эту энциклопедичность образования, и общественно — политическую обстановку, складывавшуюся в XVIII — начале XIX века в стране.

Начало книжному собранию корпуса положил его первый директор-соратник Петра I, барон Люберас, который подобрал небольшую библиотеку, преимущественно, из книг на латинском языке.[2])

Затем библиотека корпуса постоянно пополнялась за счет учебных пособий, книг по военному делу, математике, словарей, исторических сочинений на французском и немецком языках, описаний путешествий и т. д.

Для корпуса приобретали книги, не считаясь с ценой. За «Дела воинские» Моле было уплачено по 4 рубля за экземпляр, за «Историю с примечаниями Французской Академии» — 8 рублей 50 копеек. За 69 книг, купленых по одному из счетов, корпус заплатил 202 рубля 20 коп. — сумма огромная по тому времени.

Для учащихся выписывали также русские, немецкие и французские периодические издания.

При Екатерине II уставом было определено «иметь библиотеку не токмо для употребления кадетам, но и самим офицерам, учителям и воспитателям».[3])

Самым же значительным обогащением библиотека обязана графу Ангальту исполнявшему обязанности главного начальника кадетского корпуса с 1787 по 1794 г.г.

---

[1]) Сборник Русского Исторического Общества т. 17, стр. 3».

[2]) Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. СПБ. 1857, стр. 14.

[3]) Лалаев М. С. «Исторический очерк военно-учебных заведений». СПБ, 1880, стр. 60.

Граф Федор Евстафьевич Ангальт — сын наследного принца Ангальт — Дассауского, родственник императрицы Екатерины II (принцессы Ангальт-Цербской) был личностью необыкновенной — человеком необычайной доброты и благородства, ясного ума, энциклопедической образованности. Это был замечательный воспитатель, во многом предвосхитивший мысли великих педагогов XIX века, последователь педагогических идей Руссо (в новом уставе корпуса им были помещены правила из «Эмиля»).

Деятельность графа Ангальта на посту начальника корпуса и его педагогические труды заслуживают, несомненно, более детального изучения в будущем. При Ангальте книжное собрание корпуса пополнилось за счет военной библиотеки, принадлежавшей ранее коменданту города Данцига — Эггерсу (семь тысяч книг на русском, немецком и французском языках), хранившихся в Мраморном дворце при библиотеке покойного графа Орлова.

Имеется также недоказанное предположение о том, что граф Ангальт используя свои родственные отношения с императрицей Екатериной II, отобрал для корпусного собрания часть книг из библиотеки Дидро, купленной у французского философа и поступившей в Россию в 1785 году.

К 1794 году библиотека корпуса представляла собой столь значительное явление, что в «Описании столичного города Санкт-Петербурга» за 1794 год имеется указание о ее составе и функционировании: «Корпус имеет библиотеку, разделенную на три части, из коих первая содержит Российские книги, вторая — книги на иностранных языках и третья — военную библиотеку генерала Еггерса, пожалованную корпусу Ее Императорским Величеством в 1787 году. Покупкою новых книг увеличивается библиотека мало — помалу ежегодно. Всем кадетам военных возрастов, учителям и прочим особам корпусным позволяется брать для чтения на расписку книги из библиотеки; и по заведению графа Ангальта открыта библиотека для всей публики, кроме праздничных дней, по понедельникам, средам и субботам от 8 до 12 часов до полудни. Всякому позволяется тогда требовать от библиотекаря книги, какие пожелает, и читать или делать из оных выписки в особливой, на то учрежденной комнате, но с собою брать оные не позволяется».[4])

---

4) Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПБ. 1794, стр. 372.

Там же прилагаются сведения о том, что «Все учебные книги печатаются при корпусной типографии и продаются в книжной лавке корпуса».

Управление графа Ангальта признается самым светлым периодом в истории корпуса, который вообще являлся крупным очагом просвещения на протяжении XVIII века.

Следующий директор, выпускник Гессенского Университета — Клингер один из видных деятелей «Штурм унд Дранг» периода в Германии, сделавшись педагогом и, вероятно, опасаясь влияния своих сочинений, сам позаботился о запрещении их впуска в Россию.

После 1917 года книжное собрание Первого Кадетского корпуса хранилось в военно-исторической библиотеке Ленинграда и было, по существу, недоступно. Книги на русском языке, которых должно было быть около шести тысяч томов, дошли до нас в незначительном количестве (много томов было передано в 1944 году в библиотеку Ленина в Москве, где они были разъединены в огромных фондах и не сохранились, как единое целое). Иностранная же часть библиотеки, особенно издания XVII, XVIII веков дошли до нас полностью.

В 1965 году в публичную библиотеку Ленинграда (ГПБ) поступило восемь тысяч восемьсот пятьдесят три единицы, в том числе 848 книг на русском языке, 7640 — на иностранных и 365 рукописных томов.

Среди книг на русском языке, оказавших огромное влияние на мировозрение юношей — кадет, было напечатанное в типографии корпуса собрание отрывков, подготовленное Петром Семеновичем Железниковым, бывшим воспитанником этого учебного заведения, а затем и преподавателем словесности в нем.

Составленная им «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого Кадетского корпуса» представляла собой 4-рехтомную хрестоматию отрывков из целого ряда переводных произведений, извлечения из сочинений величайших авторов различных стран и времен.

«Многие избранные места всей книги из лучших авторов, — по словам самого Железникова, — могут служить воспитанникам и образцами штиля, и материею для размышлений».[5])

---

[5]) П. С. Железников, Сокращенная библиотека в пользу г-дам воспитанникам Первого Кадетского корпуса. СПБ, 1780 г., т. 1, предисловие автора.

Значение этой, ставшей сегодня библиографической редкостью, книги для образования молодого поколения кадет признавалось многими известными русскими деятелями.

Рассказывая о воспитанике Первого Кадетского корпуса — будущем декабристе К. Ф. Рылееве, Н. И. Греч, журналист и писатель, редактор журнала «Сын отечества» в 1812-1838 г.г. сообщал: «Откуда зашли в него либеральные идеи? Из книги «Сокращенная библиотека», составленной для чтения кадет учителем корпуса Железниковым, который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов... Большей частью были в числе их (мятежников) воспитанники Первого Кадетского корпуса, читатели библиотеки Железникова. Заманчивые идеи либерализма, liberté, egalité республиканских доблестей ослепили молодого недообразованного человека.[6])

Среди материалов помещенных в «Сокращенной библиотеке», особое внимание воспитанников вызывали три большие статьи, посвященные деятелям молодых Соединенных Штатов Америки. В одной из них — «Васгинтон» (так читалось в России того времени имя Вашингтона) автор рекомендует кадетам брать пример с великого Американца: «Ты должен быть твердым и щедрым, соединить благоразумие с великостью души. Ты должен рассудок образовать проницательным и твердым... Заставь солдат своих любить тебя, но любовью, смешанной с уважением и почтением, награждай с разборчивостью и наказывай без страсти.

Предугадай нужды войска, дабы отеческими своими стараниями наслаждалось оно довольством без излишества, которое укрепляет солдат, не изнеживая. Таковыми качествами сделаешься великим полководцем и уподобишься бессмертному Васгинтону».[7])

«Одним из важнейших феноменов нашего века» П. Железников называет В. Франклина. «Электрическая сила и Американские Соединенные области, — пишет он, — останутся неизгладимою печатью его творческого ума и бессмертия».[8])

Но особое место в «Сокращенной библиотеке» отводится большой статьей о Джефферсоне, «одном из знаменитейших людей нашего времени». Имея ум необыкновенный, вообра-

---

[6]) Из записок Н. И. Греча, — Русский Вестник, 1868, июнь (№ 6), с. 378.
[7]) П. С. Железников. Сокращенная библиотека в пользу воспитанникам Первого кадетского корпуса. СПБ, 1780. т. 1, стр. 136.
[8]) Там же; стр. 204.

жение пылкое, гордую душу и талант красноречия, он был главным орудием американской свободы, первым оратором в славном Конгрессе, управлявшем Республикой; первый вместе с генералом Ли, его товарищем в Виргинской Депутации, произнес слово независимости... Джефферсон доныне заслуживает удивление всех истинных патриотов мудростью своего правления, твердостью системы, редким беспристрастием и чистою любовью к родине...

Одним словом, достоин великого сана и первенства в сильной республике. Так говорят его современники, так скажет и потомство».[9])

«Сокращенная библиотека» пробуждала и воспитывала интерес кадет к Америке, ее истории, борьбе американских колоний за независимость, к Конституции «республики, которая ныне обращает на себя взоры всех друзей человечества и должна действами природы и своих политических учреждений быть некогда главою другой части мира».[10])

Об открытии Америки учащиеся младших возрастов узнавали из сочинений немецкого писателя Кампе. На учрежденных в корпусе «умным и опытным гувернером Лебланом кампейских вечерах кадеты... переносились мысленно за океан, по которому летел Колумб к берегам Нового Света. Летели за ним и мысли наши», вспоминал С. Н. Глинка, поэт и журналист издатель журнала «Русский Вестник», «Каждый из нас порывался в его спутники. Мы содрагались, когда Колумб обрек себя на смерть, если через три дня не увидят земли, а когда загремел радостный клик: «берег, берег» мы единодушно кликнули: «Берег, берег!».[11])

Изучение состава библиотеки говорит о том, что она постоянно пополнялась лучшими образцами французской литературы по различным отраслям знаний. Кадеты могли использовать для своих занятий трактаты по физике Реомюра, Жакото, Ноле, труды химиков — Лавуазье и Лемери, математические курсы Лакруа, Леклерка и Франкера, многочисленные издания по различным инженерным дисциплинам, географии, архитектуре, экономике, даже по медицине и сельскому хозяйству.

---

[9]) Там же, стр. 285-287.
[10]) Там же, т. IV, стр. 210.
[11]) Записки С. Н. Глинки. СПБ, 1895, стр. 65.

Необычайно широко, в различных изданиях в этой библиотеке представлены сочинения французских просветителей, в сплошных пометах внушительные тома «Энциклопедии или словаря науки, искусств и ремесел».

Среди исторических сочинений — многочисленные обзоры Анкетиля, Роллена, Милло, Буленвилье и других. Еще в корпусе молодожь должна была задуматься над проблемами возможности социальных потрясений. Их суждения о событиях в Западной Европе и Соединенных Штатах находили свое новое преломление после раздумий и бесед о книгах Вольнея, Бурламаки, после чтения «Истории революций в Швеции» аббата Верто, «Американской революции» Рейналя, речей Мирабо, сочинений о революциях в Англии и испании. Открыто стояли на полках книжных шкафов запрещенные царской цензурой — «Mercure de France» за 1787-1791 годы и «Jornal encyclopédique» 1780-1792 годы.

Занимаясь в корпусе, воспитанники могли познакомиться с «Путешествием в Грецию» Пуквилля, с философскими поэмами Делиля, со стихами Грессе и Ж.-Б. Руссо, с сочинениями Расина, Корнеля, Бомарше, Мольера.

Но особенно богатым был военный раздел библиотеки, включавший в себя все, что выходило во Франции и Германии XVIII — первой четверти XIX веков по артиллерии, фортификации, кавалерии, военной истории, военной архитектуре, военному искусству. Кадетский корпус давал своим воспитанникам солидные знания в военно-теоритической и военно-исторической областях. С достижениями передовой западной военной мысли кадеты знакомились по трудам известных французских теоретиков — Жомини, Вобана, Лесписаса, Бошана, Саразена, Гримоара, Дрюмона де Мелифора и других. Проэцируя в дальнейшем свои знания военной теории, полученные в корпусе, на опыт передового русского военного искусства, кадеты — будущие офицеры — участвовали в создании национальной военной науки, военной литературы.

Об основательности образования, даваемого в корпусе, было широко известно: «В конце минувшего века — указывал Д. Кропотов, известный военный писатель и историк, — это заведение в образовательном отношении всегда занимало у нас второе место после Московского Университета. В смысле же воспитательного заведения и по военной специальности равных оно не имело. В те времена еще не сущест-

вовало в Петербурге Университета, и поэтому все лучшие преподаватели избирали для своего педагогического служения Первый Кадетский корпус.[12])

365 томов — журналы кадет, их «читательские дневники» находятся в настоящее время в Отделе рукописей публичной библиотеки Ленинграда. Заполнились они в течение шести лет — с 1789 по 1794 г., когда сквозь толстые стены в корпус проникали отзвуки Великой Французской буржуазной революции.

«В корпусе, а не по выходе из него, — писал Сергей Глинка, — я узнал о всех лицах, действовавших тогда на обширном европейском театре». Интерес к событиям во Франции, к произведениям просветительской литературе был настолько велик, что в корпусе была отведена специальная комната, где читались последние парижские издания и велись споры о прочитанном.

Все 365 томов — одного формата, одинаково переплетаны, в прекрасном состоянии. На каждом вытеснен большой двуглавый орел. На форзаце наклейка на французском языке «Bibliothèque du I corps des cadets». В каждом томе — от 120 до 200 страниц, заполненных разными почерками, полудетскими в первых книгах, установившимися, твердыми в последующих. «В эту тетрадь, — рассказывал Сергей Глинка, — мы должны были выписывать то, что встречали примечательного в книгах, которые читали. Кому удавалось сделать хороший выбор мыслей, изречений, отрывков исторических, замысловатых слов, анекдотов, тетрадь того удостаивалась и переплета, и приписки графа».[13])

Записи велись, в основном, на французском языке. Исключение составляли немногочисленные выписки из немецких и русских книг.

Какой же «выбор мыслей» одобрялся в корпусе? Из тетради в тетрадь развивается тема высокой нравственности, благородства, мужества, добра, любви. Почти каждый выписывает для себя две строчки на русском языке:

И слабым можно быть,
Но подлым быть недолжно.

---

[12]) Дм. Кропотов. Несколько сведений о Рылееве по поводу Записок Греча. Сб. писатели-декабристы в воспоминаниях современников в 2 т. Т. 11 М., 1980, стр. 12.

[13]) Глинка С. Н. Кадетские воспоминания, стр. 17.

Через многие записи проходит мысль о главенствующей роли человеческого разума, о высокой цене мудрости, высвобождающей ум от оков фанатизма: «Ne demandez à Dieu ni grandeur, ni richesse. Mais pour vous gouvernez demandez la sagesse.[14])

Особенно настойчиво повторяется тема равенства людей независимо от их рождения и положения в обществе. Звучит призыв помнить об этом естественном праве человека и жить, как братья, друзья, равноправные граждане: Les hommes sont égaux, ce n'est point la naissance, c'est la seule vertue qui fait leur différence.[15])

Многочисленные строки говорят о пламенной любви этих юношей, почти мальчиков, к своей родине: «Готов ли ты отдать всю жизнь свою, всю кровь свою за Родину прекрасную?»

Почти каждый из них записывает французское четверостишие:

Le bonheur le plus grand
Le plus digne d'envie
Est celui d'être utile
A sa Patrie[16])

Записи свидетельствуют об огромном интересе воспитанников к произведениям французских просветителей — дневники перегружены цитатами из Руссо, Даламбера и особенно из сочинений Вольтера. Да и на уроках инспектор Фромандье читал им Вольтерова «Задига», в корпусном театре ставили «Брута», а сам Ангальт давал кадетам читать отрывки из «Генриады».

Об увлечении русской литературой говорят нам стихи Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, знакомство воспитанников с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева, с сатирическим журналом Крылова «Почта духов».

Трагедии Княжнина и Сумарокова, оды Державина читал кадетам вслух Петр Плавильщиков, актер и драматург.

Об очень хорошем знании французских классиков — Расина, Корнеля, Буало, Мольера, Лафонтена — говорят мно-

---

14) ГПБ ОР, ф. 1057, ед. хр. 40 р. 67, запись от 16 июля 1790 г., ед. хр. 50 р. 87, запись от 24 сентября 1790 г.

15) ГПБ ОР, ф. 1057, ед. хр. 49, р. 111, запись от 17 сентября 1790 г., ед. хр. 50, р. 20.

16) ГПБ ОР, ф. 1057, ед. хр. 40, р. р. 7, 17, 79, записи от 16 июля 1790 г., ед. хр. 49, р. 70, запись от 17 сентября 1790 г.

численные цитаты из их книг. С любовью выписывались максимы Ларошфуко, афоризмы Монтеня и Лабрюера — писателей-моралистов XVII века. Прекрасно знакомы кадеты с творчеством Мармонтеля, Фонтенеля и любимого Ангальтом — Фенелона. (Немного позднее кадет Петр Железников переводит на русский язык Фенелоновы «Странствования Телемака»).

Можно отметить увлечение стихами Ж. Б. Руссо, Пирона, сочинениями Малерба, Кребийона, Неккера, Скарона и т. д..

Пристальное внимание кадет вызывают доблести античных деятелей, примеры свободолюбия и тираноборчества. «Голос добродетелей древнего Рима, — писал С. Н. Глинка, — голос Регулов и Катонов громко откликался в пылких и юных душах кадет», и страницы рукописных томов пестрят цитатами из Цицерона, Тацита, Фукидида, Сенеки, «Жизнеописаний» Плутарха — все это на французском языке, т. к. знакомство с римскими и греческими авторами шло в России в основном, через французские переводы.

«Обильное богатство познаний» воспитанников Ангальта и «основательное изъяснение их на языках иностранных» — замечали многие современники. Но без «мимо-классных (т. е. внеклассных) пособий», изобретенных графом Ангальтом, — «мыслящая сила некоторых кадет никогда бы не пробудилась».

Некоторые из педагогических «изобретений» гр. Ангальта описаны им самим в двух книгах, изданных в типографии Первого корпуса в 1790 и 1791 годах. Книги были предназначены для раздачи кадетам при выпуске на память и являются своего рода детской энциклопедией на французском языке «La Muraille parlante» («Говорящая стена») — собрание всего того, что было написано и нарисовано, по повелению графа, на огромной стене, отделявшей корпус от остального мира. Вся стена снизу доверху (одно только описание ее занимает сто тридцать страниц текста) была тесно исписана наиболее интересными цитатами из книг французских философов — просветителей, античных деятелей, военных писателей; сведениями о различных изобретениях, географических открытиях, чудесах света; стихами, поговорками, сентенциями, исполненными мудрости советами самого Ангальта.

Прогуливаясь и играя в саду, кадеты всех возрастов постоянно имели перед глазами «говорящую стену», и позднейшие воспоминания некоторых из них свидетельствуют о

том удовольствии, с которым прочитывались и запоминались ими различные исторические факты и даты, стихи и афоризмы, правила и цифры.

Школьная премудрость укладывалась в голове без напряжения и надолго, запоминалась наизусть, а затем переносилась, часто по памяти, в журналы-дневники. Знания становились прочными, входили в плоть и кровь.

Текст на стене иллюстрировался и рисунками, схемами, цифрами. Да и вообще все записанное на стене было облечено в понятную и увлекательную форму.

Во второй книге Ангальта — «Salle de Récréation» («Зал отдыха») дается описание огромного зала, где кадеты проводили свободные от занятий часы. Юношей окружали бюсты философов, античных деятелей, писателей — Александра Македонского, Катона, Вольтера, Руссо и т. д. В зале находились двадцать два стола с разложенными на них «необходимыми для просвещения разума» справочными изданиями, таблицами, альманахами, каталогами, словарями.

По стенам были развешаны рисунки и гравюры с изображениями военных крепостей. В стеклянном ящике помещался огромный макет крепости Вобана, демонстрирующей самые мелкие детали и привлекающий к себе постоянно кадет младших возрастов. Для старших кадет военных возрастов — наглядно представлены в картинах, планах, макетах, чертежах достижения современной им военной науки.

Все это, конечно, располагало к напряженной умственной работе, возбуждало страсть к познанию, интерес к проблемам науки, политики, литературы.

Духовная атмосфера в корпусе была насыщена идеями свободолюбия и тираноборчества, размышлениями о судьбах России. Покидая корпус в 1795 г. С. Н. Глинка увозил с собой в Смоленск «мечты романтической юности» и две книги — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева и «Вадима» Княжнина, оказавшего огромное влияние на дворянскую молодежь. Сам Яков Княжнин был также воспитанником Первого Кадетского корпуса, а другие замечательные русские писатели — Херасков, Сумароков, Озеров — преподавали в нем.

Воспитанниками корпуса, оставившими многочисленные записи в журналах — дневниках, были видный ученый и писатель генерал Гогель, герой 1812 года — граф Толь, которого французы называли «первым русским тактиком»;

прославленный в сражениях Яков Кульнев; Щулепников, умерший от ран, полученых в Бородинском сражении; Энгельгард, поднявший своих крестьян на партизанскую войну и казненный затем наполеоновскими солдатами. Его подвиг был высечен на мраморной доске в церкви корпуса.

Это и Тутолмин, и Востоков, и мореплаватель Коцебу, и многие, многие другие.

Многие страницы в журналах заполнены Петром Ивановичем Полетикой, будущим дипломатом, государственным деятелем, участником литературного общества «Арзамас», российским послом в Америке. Собрав во время своей деятельности в Соединенных Штатах огромный фактический материал о стране, Полетика закончил свою книгу, изданную затем анонимно на французском языке в Лондоне. Когда книга Полетики[17]) была опубликована в 1826 году в Соединенных Штатах, ее издатель дал самую высокую оценку эрудиции автора, его глубокому знакомству с положением в США, объективности сделанных замечаний и т. д..

Книга Полетики никогда не была опубликована в России в полном виде. Позднее в Первом Кадетском корпусе получили военное образование и многие будущие декабристы — К. Рылеев, Г. Батеньков, В. Раевский, Ф. Глинка, А. Розен, С. Краснокутский, В. Тизенгаузен, П. Аврамов, члены общества Соединенных славян: Веденяпин, Шахирев и другие.

Сегодня библиотека Первого Кадетского корпуса — ценнейшее и неисследованное до сих пор собрание, содержащее книги, которые чаще всего упоминаются декабристами, как наиболее повлиявшие на развитие их мировоззрения, является одним из важнейших источников для изучения формирования общественно-политических, литературных, военных взглядов передовой русской дворянской молодежи XVIII — первой половины XIX веков.

---

[17]) A sketch of the Internal Conditions of the USA and their Political Relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826.

Жанна Комарницкая.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Статья «Библиотека Первого Кадетского Корпуса в Санкт Петербурге» была получена нами от автора, г-жи Жанны Комарницкой, которая покинула Советский Союз только несколько месяцев назад. Узнав из статьи Р. Полчанинова, на-

печатанной в газете «Новое Русское Слово», о существовании нашего журнала, г-жа Комарницкая любезно предложила рассказать нам о своей работе над диссертацией, посвященной вопросам воздействия французской книги на мировоззрение русских декабристов, которая привела ее к неисследованным до сих пор материалам, относящимся к истории Первого Кадетского Корпуса.

Мы напечатали эту уникальную статью без всяких изменений, в полной уверенности, что она представляет незаурядный исторический интерес, не только в изучении культурного наследия Первого Корпуса, но и как ценный вклад, определяющий причины буйного культурного развития послепетровской России.

Надеемся г-жа Комарницкая поделится с нами и содержанием записей сделанных в кадетских дневниках, впоследствии, прославившимися кадетами: военным писателем ген. Гогелем, первым русским послом в США. П. Полетика, ген. Толем, Энгельгардом, Мореплавателем Коцебу, Тутолминым, Востоковым и будущими декабристами: Рылеевым, Батеньковым, Раевским, Глинкой, Пущиным и другими.

Н. В. К.

Борис Пылин

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ

Книгу можно выписать из Редакции «Кадетской Переклички». Цена. $ 4.00 (Ам.) с пересылкой.

И. А. Автамонов

«ПО ДОРОГАМ».

Цена $ 5.00 с пересылкой

Выписывайте из Редакции.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В КРЫМУ ПОСЛЕ ВРАНГЕЛЯ.

«Поддалась лихому наговору,
Отдалась разбойнику и вору
Подожгла посады и хлѣба,
Разорила древнее жилище,
И пошла, поруганной и нищей,
И рабой послѣдняго раба».

«Я ль в тебя посмѣю бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебѣ ль не поклонюсь,
Слѣд босой поги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная
Во Христѣ юродивая Русь!»

М. В.

К 60-ТИЛЕТИЮ ОСТАВЛЕНИЯ КРЫМА 1920 - 1980

I

Ровно 60 лет тому назад, 26 октября 1920 года, во время заседания правительства Юга России в Севастополе, генерал Врангель получил срочную телеграмму в которой ген. Кутепов сообщал о прорыве красными Перекопских позиций. То, чего опасалось Белое Командование, но не хотело верить, произошло. Шаг за шагом отходила Белая Армия к черноморским портам, оставляя за собой кровавый след. А за Белыми, предвкушая дикую расправу и кровавый пир, рвались большевистские полчища, все еще надеясь отрезать армии генерала Врангеля путь к отступлению. Этого не произошло. И разнузданные красные орды ворвались в опустевший Севастополь и другие города Крыма. Нужно было отомстить кому-то, выместить свою злобу хотя бы на тех, кто дышал одним воздухом с Белыми. И началось зверское уничтожение невинного населения не знающее прецендента в истории человечества. Тех, кого по каким то причинам, не успели ликвидировать выслали на далекий север, а остальных начали морить голодом. Почти 3 года после ухода Белых из Крыма, люди умирали от истощения. Человеческий разум отказывается понимать такое безрассудное зверство и верить этому. Но не верить невозможно! Слишком много было свидетельств и улик, чтобы хотя бы на момент усомниться. У пишущего эти строки в Севастополе умерли от голода две престарелые тетки и старая няня, простая русская крестьянка, вынянчившая деда автора.

Через три дня после прорыва Перекопских позиций, 29 октября генерал Врангель подписал следующий

«ПРИКАЗЪ

Правителя юга Россіи и Главнокомандующего Русской Армией.

29 октября 1920 года.

Русскіе люди. Оставшаяся одна въ борьбѣ съ насильниками, Русская армія ведетъ неравный бой, защищая послѣдній клочекъ русской земли, гдѣ существуетъ право и правда.

Въ сознаніи лежащей на мнѣ отвѣтственности, я обязанъ заблаговременно предвидѣть всѣ случайности.

По моему приказанію уже приступило къ эвакуаціи и посадкѣ на суда въ портахъ Крыма всѣхъ, кто раздѣлялъ съ арміей ея крестный путь, семей военнослужащихъ, чиновъ гражданскаго вѣдомства, съ ихъ семьями, и отдѣльныхъ лицъ, которымъ могла бы грозить опасность въ случаѣ прихода врага.

Армія прикроетъ посадку, памятуя, что необходимыя для ея эвакуаціи суда также стоятъ въ полной готовности въ портахъ, согласно установленному расписанію. Для выполненія долга передъ арміей и населеніемъ сдѣлано все, что въ предѣлахъ силъ человѣческихъ.

Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности.

Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны. Откровенно, какъ всегда, предупреждаю всѣхъ о томъ, что ихъ ожидаетъ.

Да ниспошлетъ Господь всѣмъ силы и разума одолѣть и пережить русское лихолѣтье.

Генералъ Врангель».

Одновременно было выпущено сообщение правительства:

«Въ виду объявленія эвакуаціи для желающихъ офицеровъ, другихъ служащихъ и ихъ семействъ, правительство Юга Россіи считаетъ своимъ долгомъ предупредить всѣхъ о тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, какія ожидаютъ выѣзжающихъ изъ предѣловъ Россіи. Недостатокъ топлива приведетъ къ большой скученности на пароходахъ, причемъ неизбѣжно длительное пребываніе на рейдѣ и въ морѣ. Кромѣ того совершенно неизвѣстна дальнѣйшая судьба отъѣзжающихъ, такъ какъ ни одна изъ иностранныхъ державъ не дала своего согласія на принятіе эвакуирован-

ныхъ. Правительство Юга Россіи не имѣетъ никакихъ средствъ для оказанія какой либо помощи какъ въ пути, такъ и въ дальнѣйшемъ. Все заставляетъ правительство совѣтывать всѣмъ тѣмъ, кому не угрожаетъ непосредственной опасности отъ насилія врага — остаться въ Крыму».

Что касается войск и всех военнослужащих, то им Главнокомандующий предоставил полную свободу выбора. Все оставшиеся из этой категории лица были немедленно арестованы и расстреляны. Спаслись только те, кому удалось скрыться, а таких были единицы.

Поздно ночью 29 октября радиостанция Белых в Севастополе приняла большевистскую депешу. Главковерх «товарищ» Фрунзе предлагал генералу Врангелю сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Генерал Врангель оставилъ без ответа предложение Фрунзе и приказал закрыть все радиостанции, за исключением одной, обслуживаемой офицерами. Узнав о предложении Фрунзе Ленин выразил ему свое неудовольствие и потребовал что-бы все враги советской власти в Крыму понесли суровую кару.

Ниже мы приводим текст радио-депеши Фрунзе и телеграммы Ленина:

ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ ФРОНТА К ВРАНГЕЛЮ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПРЕКРАТИТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ

11 ноября, 1920 г.

Главнокомандующему вооруженными силами юга России генералу Врангелю.

Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота, военными запасами, снаряжением, вооружением и всякого рода военным имуществом.

В случае принятия вами означенного предложения, Революционный военный совет армий Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой. Всем нежелающим остаться и работать в социалистической России будет дана возможность беспрепятственного выезда

за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти. Ответ ожидаю до 24 часов 11 ноября.*)

Моральная ответственность за все возможные последствия в случае отклонения делаемого честного предложения, падет на вас.

Комадующий Южным фронтом **Михаил Фрунзе.**

Члены Ревсовета.

ЦГАСА, ф. 101, опч 1, д. 36, лл.134-

Автограф. М. В. Фрунзе.**)

---

*) В документах ошибочно — декабря.

**) Подписи отсутствуют, опубликовано в книге «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны», стр. 439-440.

№ 569

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНА РЕВВОЕНСОВЕТУ ЮЖНОГО ФРОНТА

12 ноября 1920 г.

шифром

По прямому проводу.

РВС Южфронта

Копия Троцкому

Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться.

Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их то надо реально обеспечить взятие флота и не выпускать ни одного судна.

Если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно.

Ленин.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 6.

Размеры большевистского террора в Крыму, после ухода ген. Врангеля, превзошли все предвидения, даже крайних пессимистов, и Крым получил название **Всероссийского кладбища.** Сколько было уничтожено и замучено красными, после ухода всех тех, которые считали себя как-то скомпрометированными перед большевиками и опасались за свою безопасность? Принимая во внимание сообщения самих большевиков, всегда занижавших число своих жертв, можно довольно точно установить их количество.

Давая показания Лозанскому суду писатель Шмелев сооб-

щил, что, по большевистским сведениям, число жертв исчисляется в 56 тысяч. А Шмелев был свидетелем важным. Разыскивая своего пропавшего сына, расстрелянного также большевиками в Крыму, он приехал туда в разгар красного террора и пережил голод.

На Швейцарском суде писатель заявил, что в Крыму, по сведениям которые он тщательным образом собирал, большевики расстреляли или убили другими способами (вешали, зарубали шашками, топили в море, разбивали головы камнями и т. д.) «больше 120 тысяч мужчин, женщин, старцев, детей».

Редактор «Нового Журнала» и писатель Роман Гуль в одной из глав своей книги «Я унес Россию...» (Сент. 1978) дал приблизительно те же цифры. Вот, что он писал на страницах 23-24 своего журнала:

«Известно, что Бела Кун, венгерский еврей, коммунист, в гражданской войне руководитель интернационалистических отрядов ходил в Кремле на самых верхах». Бела Кун был послан в Крым не один: С ним «на руководящую работу» (как официально выражаются большевики) приехала «Землячка», псевдоним — женщина (Розалия Семеновна Залкинд), большевичка с 1903 года, фурия большевизма, не имевшая никакого отношения ни к «пролетариату», ни к «беднейшему крестьянству», а происходившая из вполне буржуазной еврейской семьи. Эта гадина была кровожадна и беспощадна так же, как и Бела Кун, и Троцкий.

В Крыму верховный руководитель террора Бела Кун и его напарница Землячка расстреляли больше 100 тысяч (!) бывших военнослужащих (белых), которым сначала была «дарована амнистия».

В это число жертв вероятно не вошли: гражданские лица (как и женщины, дети, старики и т. д.).

По сообщению Р. Гуля, профессор Ященко, находясь в эмиграции в Берлине, в 1923 году получил с нарочным письмо из Крыма от «Макса» Волошина, у которого в доме поселился «сам» Бела Кун. К письму были приложены «Стихи о терроре». И можно ли всему выше изложенному удивляться, сомневаться и не верить? Нам хорошо известно крылатое заявление «косоглазого, лысого, картавого сифилитика» Ленина:[1])

[1]) Так назвал Ульянова-Ленина большой русский писатель Иван Бунин в своих «Воспоминаниях», Париж, 1950 г.

«Пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до революции».

Или большевистский лозунг:

«Гимн рабочего класса отныне будет гимном ненависти и мести!» «Красная Газета» после убийства Урицкого писала: «Сотнями будем убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в своей собственной крови».

Хотя убийца — Канегиссер был эсером из евреев, расстреливали почти что исключительно царских офицеров и бывших военных. Таким образом за «преступление» (конечно с большевистской точки зрения, т. к. мы считаем, что юный Канегиссер был карающей рукой) еврея, левого социалиста, платили своей кровью люди, принадлежавшие к совсем другим мировоззрениям, ничего общего не имевшие с идеологией, которую исповедовал Канегиссер.

В 1923-24 годах известный историк и исследователь причин русской смуты С. П. Мельгунов выпустил в Берлине тщательно и детально документированную книгу «Красный террор в России», которая выдержала несколько изданий и была переведена на иностранные языки. К сожалению, про существование этого жуткого, но важного свидетельства чудовищных зверств большевиков в России, мало кто знает.

Организованные расстрелы и другого рода убийства массового характера происходили в Крыму:

1) Первоначально по регистрационным карточкам.
2) Затем по анкетам.
3) При помощи массовых облав.
4) После арестов по доносам.

Как уже говорилось, абсолютное большинство офицеров и солдат боевых частей Белой армии (в Крыму: Русской армии) не рискнуло и не пожелало остаться на милость красным победителям. Между тем во многих сообщениях и информациях упоминалось о десятках тысячах военных, ликвидированных в Крыму палачами Бела Куна. В действительности, осталось немало людей мобилизованных или добровольно служивших в тыловых учреждениях и по гражданскому ведомству. Все эти лица не имели никакого отношения к Белому Движению, иногда даже относились к нему враждебно. Они то, вместе с гражданским населением и стали главными жертвами большевистского террора.

Расстреливали больше всего в Севастополе. Расстреливали людей всех сословий, не только офицеров и солдат, но и

врачей, медсестер, инженеров, учителей, профессоров, крестьян, священников, женщин, стариков и даже детей. Расстреляли около шестисот своих же пролетариев-портовых рабочих, за участие в погрузке судов Врангелевской армии, при эвакуации.

И не только расстреливали, но и вешали десятками, сотнями. Иностранцы, вырвавшиеся из Крыма во время красного разгула, описывали потрясающие картины чекистских жертв. Исторический бульвар, Нахимовский проспект, Приморский бульвар Большая Морская и Екатеринская улицы были буквально завешаны качающимися в воздухе трупами. Вешали везде: на фонарях, столбах, на деревьях и даже на памятниках. Если жертвой оказывался офицер, то его обязательно вешали в форме при погонах. Невоенных вешали полураздетыми. В Севастополе и в Ялте выносили раненых и больных из лазаретов и тут же расстреливали.

В Симферополе в течении первых нескольких ночей расстреляли около 6-ти тысяч. За еврейским кладбищем попадались убитые женщины с грудными младенцами. 19-20 декабря в городе была произведена массовая облава в которую попало 12 тысяч человек. Мало кто из схваченных вышел на относительную свободу.

В Алупке чекисты расстреляли 275 медсестер, докторов, служащих Красного Креста, журналистов, земских деятелей. Не пощадили большевики и своих бывших приятелей: секретаря Плеханова с. д. Любимова и социалиста Лурье.

В Керчи устраивали «десант на Кубань»; вывозили на боржах в море и там топили. «Обезумевших от горя матерей и жен гнали ногайками, а иногда и расстреливали». Керч окружили кольцом чекистских заградительных отрядов и заставили буквально всех жителей регистрироваться.

В Феодосии население оставляло свои дома близкие к местам расстрела, не будучи в состоянии вынести ужаса убийств. Кроме того нередко недобитые, под покровом ночи подползали к домам и стонали о помощи. А за оказанную помощь сердобольные жители платили своей головой.

И все-таки такие люди были. Пишущему эти строки пришлось слышать кошмарный рассказ от одного такого «недобитого», попавшего в Сербию с немецкими войсками в 1944 году.

Когда покончили с городами, то принялись за села. Кроме расстрелов брали заложников и требовали, чтобы каждое

село сдало известное количество спрятанного оружия. За неисполнение «нормы», что по правилу случалось, убивали заложников.

Тех, кому жизнь была случайно сохранена отправляли в концлагеря севера. А затем население Крыма начали вымаривать голодом. Такими, неслыханными в истории человечества, зверствами Бела Кун и Розалия Залкинд вполне оправдали доверие не менее кровожадного Троцкого.

II

Вырвавшись из Советской России заграницу писатель И. Шмелев выпустил в Париже книгу «Солнце мертвых», посвященную **«Окаянным дням»** в Крыму. Это произведение Томас Манн, корифей современной германской литературы объявил одним из сильнейших произведений русского искусства. В советской литературе «Солнцу мертвых» советский писатель Гладков противопоставил «Пьяное солнце», о том «как радостно восходило в те дни солнце для красных на побережьи того-же Черного моря». По мнению критика и литературоведа И. Тхоржевского трагический литературный талант Шмелева бесконечно ярче, Гладков перед ним, — ничтожество ! ! ! Тхоржевский считает, что в эмигрантской белой литературе нет ничего сильнее «Солнца мертвых», нет ничего более обличающего зверства большевиков.

Крупными штрихами автор сделал с натуры зарисовки целого ряда персонажей, принадлежавших к разным социальным слоям русского общества того времени, от «бывших» (буржуев) до настоящих пролетариев. Почти всех их сравняла теперь, нависшая над ними угроза голодной смерти и они умирают один за другим на глазах у автора книги. Писатель обращается к создателям нового (сверхзвериного) порядка со следующими словами:

> «Новые творцы жизни, откуда вы? С легкостью безоглядной расточили собранное народом русским! Осквернили гробницы Святых и чуждый вам прах Благоверного Александра, борца за Русь, потревожили в вечном сне. Рвете самую память Руси, стираете имена-лики. Самое имя взяли пустили по-миру безымянной, родства не помнящей. Эх, Россия! Соблазнили Тебя — какими чарами? Споили каким вином?!»

В одной из первых глав Шмелев говорит нам о человеческих бойнях, устроенных красными в Крыму, а один из его героев, обезумевший от голода маститый доктор-химик, со-

здает свою собственную систему подсчета количества жертв в тоннах человеческого мяса:

«Ну было устроить бойни, заносить цыфры для баланса, подводить итоги. ... показать, как «железная метла» метет чисто, работает без отказу. Убить надо было очень много. Больше ста двадцати тысяч. Убить на бойнях. Не знаю сколько убивают на чикагских бойнях. Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто-просто: выкидывали в море. По воле людей, которые открыли тайну: сделать человека счастливым. Для этого надо начать — с человеческих боен».

«Я даже высчитал: только в одном Крыму за какие нибудь три месяца! — человечьего мяса, растреленного без суда! — восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! поездов триста», подсчитал обезумевший от голода химик.

«Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса. Сто двадцать тысяч го-лов! че-ло-ве-ческих ! !», закончил свой кровавый подсчет ученый.

Крым опустошен и разорен, «вычищен до тла железной метлой» зловещего Бела Куна и его чрезвычайки:

«Пустынной набережной иду, мимо пожарища, мимо витрин, побитых и заколоченных. На них клочья приказов, линючие, трещат на ветре: расстрел... расстрел... без суда... на месте... Ни души не видно. И их не видно...»

Жалуются на судьбу свою, на советские порядки, бывшие люди, жалуются и чистейшей воды пролетарии. Пашка-рыбак вспоминает доброе старое, Царское время: «Свобода то тогда была. У меня тройка триковая была, часы на двенадцати камнях, сапоги лаковые...»

С возмущением, Пашка, говорит о кровавом терроре, который учинили его пролетарские братья:

«А что народу погубили! Которые у Врангеля были по мобилизации солдаты, раздели до гульчиков, разули, голыми погнали... И все это проклятый Бэла Кун, у него полюбовница была... секретарша, «землячка» прозывается, а настоящая фамилия неизвестна... вот зверь, стерва!»

Расстрелы и другие виды убийства, по мнению «авторитетных» чекистов не достигли нужного результата: еще остались недобитые буржуи, ускользнувшие от всевидящего ока

чрезвычайки, еще не уничтожены непокорные пролетарии. И на помощь палачам приходит голод. Ходит голод по городам и селеньям, долинам и холмам, забирается в горы и никого не щадит. Не хотят сдаваться «доходяги», хватаются за каждую соломинку, чтобы как то сохранить или продлить свое голодное существование, да мало кому это удается!

Не удается избежать голодной смерти старому мастеру Кулешу, который выкраивает из старого железа мангалы и меняет их на картошку. А хороший был мастер Кулеш до революции: у самого «Миколая Миколаевича» в Ливадии работал. И никто не мог резать из железа как он. Не может забыть старый мастер царского орла:

«Орлик наш русский, могущий... И где ты теперь летаешь?»

А как пришла красная «свобода», освободили Кулеша от всего и начал он голодать да силы терять. Идет Кулеш в больницу, а его не принимают и говорят: «Это же не болезнь, когда человек с голоду помирает. Вас таких полон город»!!! И помер с голоду старый мастер Кулеш, пролетарий в красном пролетарском государстве.

Не лучше живется и знаменитому профессору-академику Ивану Михайловичу. Ходит он рваный, весь оборванный и побирается. «А когда то Академия Наук премию ему дала и золотую медаль, за книгу о Ломоносове».

Осуждены на голодную смерть не только взрослые, но и дети. Трагически жуток рассказ одной женщины о детях, как шакалы, питающихся падалью:

> «А сичас иду по бугорочку, у пристава дачи, лошадь то зимой пала... Гляжу — мальчишки... Чего такое с костями делают? Гляжу... лежат на брюхе, копыто гложут! Грызут-урчат! Жуть взяла... чисто собаченки».

«Помер Андрей Кривой с нижних виноградников», говорит автор, «помер и Одарюк...» Замерз дядя Андрей после «ванны»,[2]) обессиленный голодом. А совсем недавно какой то «бравый» матрос орал на митинге:

«Теперь, товарищи трудящиеся всех буржуев прикончили мы... которые убегши — в море потопили! И теперь наша совецкая власть, которая коммунизм называется! Так что до-жили! И у всех будут даже автомобили, и все будем жить... Так что... все будем сидеть в пятом этажу и розы нюхать...»!

---

[2]) Вид пытки.

III

Красный террор в Крыму ярко отразился в произведениях двух русских поэтов. Один из них, Максимилиан Волошин, в Белой Борьбе участия не принимал, скорее был нейтрален, но и сам чуть не пострадал:

«И красный вождь и белый офицер
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета».[3])

Сразу же после революции 1905 года поэт написал своего «Ангела Смерти», который помещается ниже в отрывке:

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распахнную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя как кровь.

.....

Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «свобода»!,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красивость.
И в душу мстителя вопьется страшный бред.
Меч страведливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе. И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других, но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева
Принявший меч погибнет от меча
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачем иль жертвой палача.

Под свежим впечатлением только что разразившейся большевистской революции, Волошин, в отчаянии, пишет стихотворение «Мир» (23 ноября 1917)

С Россией кончено..... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,

[3]) Новый Журнал, стр. 26, сент. 78.

Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи.
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до страшного Суда!

Однако в 1920 году, несмотря на реки пролитой крови, поэт все еще верит в Возрождение России, что видно из стихов «Заклятие»:

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

И, наконец, в 1923 году, он прислал в Берлин «Стихи о терроре»:

Терминология

«Брали на мушку», «ставили к стенке», «Списывали в расход» —
Так изменялись из года в год
Быта и речи оттенки.
«Хлопнуть, угробить», «отправить в шлепку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» —
Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.

Правду выпытывали из-под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
«Шили погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей».
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разорить и поднять на ножи
Армии, царства, народы.
Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластанным-пулей в затылке
И со штыком в животе».

Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.
С утра раздавали солдатам водку,
Вечером при свече
Вызывали по спискам мужчин, женщин,
Сгоняли на темный двор,
Снимали с них обувь, белье, платье,
Связывали в тюки.
Грузили на подводы. Увозили.
Делили кольца, часы.
Ночью гнали разутых, голодных,
По оледенелой земле.
Под северо-восточным ветром
За город, в пустыри.
Загоняли прикладами на край обрыва,
Освещали ручным фонарем,
Полминуты работали пулеметы, приканчивали
штыком.
Еще не добитых валили в яму,
Торопливо засыпали землей,
А потом с широкой русской песней
Возвращались в город, домой.
А к рассвету пробирались к тем же оврагам,
Жены, матери, псы,
Разрывали землю, грызлись за кости,
Целовали милую плоть.

Другим поэтом был Иван Савин,[4]) Певец в Стане Белых Воинов, участник Белого Движения в рядах 12 Белгородского уланского полка. Заболев тифом в тяжелой форме, Савин остается в Джанкое при отходе Белых и чудом спасается от расстрела:

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон, да острог.

Не только Иван Савин, но и четверо его братьев приняли участие в борьбе с большевиками. Двое из них пали смертью храбрых, а двое попали в плен и были расстреляны. Их гибели в те окаянные дни поэт посвятил следующие трогательные строки:

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,

Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул «Что начнем?»
Как голый мальчик, чтоб уже не думать
Над ямой стал и горло проколол гвоздем.

Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал «ложись»
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.

И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,

Вдруг начал петь — и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
«Всех убиенных помяни Россия,
Егда Приидеши во Царствие Твое».

---

[4]) Хорошую статью, посвященную Ивану Савину написал проф. Протопопов. См. «Нашу Страну», 29. XI. 77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о революции 1917-20 годах и гражданской войне в России многие западные историки и просто писаки, с определенным умыслом, утверждали и продолжают утверждать, что обе стороны, т. е. белые и красные применяли широко пытки и другие нечеловеческие методы, вплоть до уничтожения своих врагов. Таким образом красный террор и суровые но, по времени, оправдывающие меры Белых против чекистов, политкомиссаров и других лиц, погрязших по локти в крови невинных людей, эти авторы хотят подвести под один знаменатель: хороши, мол, одни и другие.

К их хору присоединяются и русские авторы из лагеря левых (социалистов), главным образом, как и мягкотелые либералы, желающие во что-бы то ни стало доказать объективность к своим врагам.

Гуманней, чем поступало Белое Командование в условиях бесчеловечной гражданской войны, при дьявольской жестокости, которую красные все время навязывали, поступать было невозможно. Белые карали смертью только убийц, но никогда не надругались над своими жертвами. Они никогда не проводили массового террора, да и не имели аппарата вроде Чрезвычайки, ЧОН-а, ГПУ, что-бы такой террор проводить. Белые никогда не брали заложников (а значит их и не расстреливали), не преследовали родных и родственников своих врагов. Они щадили женщин, детей, стариков и, конечно, не причиняли никакого зла гражданскому населению, даже не сочувствующему Белому Движению.

Если в рядах Белых и случались какие то вспышки жестокости, совсем не массового характера, то их можно спокойно отнести к эксцессам мелких властей на местах и, главным образом, к так называемой «атаманщине».

«Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора, как системы власти. Где и когда звучали голоса с призывом к систематическим официальным убийствам? Где и когда это было в правительстве ген. Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля?», говорит профессор Мельгунов, подчеркивая, что нельзя было «пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Это система нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в

жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение», и объяснение к несуществовавшему «белому» террору.

Октябрь 1920, Севастополь.

Октябрь 1980, Роудон. **Павел Пагануцци**

—

УХОД

От автора:
В основу приводимого ниже очерка, легло первое классное сочинение, написанное в школе по прибытии в Сербию — непосредственные и не претендующие на историческую точность, воспоминания кадета 7-ой роты Севастопольского Морского Корпуса, покинувшего Россию в конце 1920 года.

Медленно выходили переполненные людьми корабли на внешний рейд Севастопольской бухты. Был вечер какого-то дня в конце октября месяца. В городе были слышны одиночные выстрелы. Далеко за бульварами горела мельница Родоканаки, где были военные склады. Красные блики пожара освещали Корабельную Сторону, стены Лазаревских Казарм, Офицерские Флигеля Черноморского Флотского экипажа, где еще вчера была наша квартира, и неподвижные ряды «мертвых кораблей» — былых защитников Севастополя. Броненосцы: «12-ть Апостолов», «Ростислав», «3 Святителя», славные имена, занесенные на страницы Истории нашего Флота. Мы уходили, они оставались в своем гордом и молчаливом спокойствии.

По пристаням, по берегу, на бульварах, чернели толпы, провожавшие взглядами и криками двигающиеся по бухте суда. Но Севастополь покидали не только большие корабли. Самые разнообразные маленькие суденышки, перегруженные до отказа вещами и людьми, иногда с досками вместо весел, тоже плыли, как могли, к выходу из бухты.

Пароход «Кронштадт», на котором мне суждено было уйти из России, благодаря своим солидным размерам, выходил из Южной Бухты одним из последних. На нем находились Севастопольский Морской Госпиталь, в штат которого был включен мой отец, офицерский состав Черноморского экипажа с семьями, Минно - Артиллерийская школа, несколько Гардемарин и кадет Морского Корпуса (включая и автора),

некоторое число кадет различных сухопутных Корпусов, Рота Особого Назначения под командой кап. Семенова, группа военных летчиков и много других, военных и штатских с семьями и без. Командовал кораблем кап. 1-го ранга, имени которого я не запомнил, но кроме него на мостике находились еще ... 6 адмиралов, из которых я знал только одного — Контр-Адмирала Вяткина.

Выйдя из бухты, корабли расположились на внешнем рейде, где должны были ожидать сигнала к общему отплытию. К раскачиваемым сильной волной большим судам, то и дело подплывали разные катера, баркасы и шлюпки, обитатели которых умоляли принять их на борт. Трапы были спущены и прием новых пассажиров продолжался до тех пор, пока повидимому в бухте не осталось ни одного предмета способного передвигаться по воде, кроме неподвижно стоявших французских и английских военных судов, пускавших легкий дымок из своих широких труб. Их экипажи могли с эпическим спокойствием наблюдать за переломом в ходе Российской Истории.

Последним сошел по ступеням Графской Пристани ген. П. Н. Врангель, окруженный чинами штаба и представителями «союзных» армий. Сразу, после данного приказа к общему отходу, со всех кораблей послышались звуки церковных песнопений — служили напутственный, последний молебен, перед тем как покинуть Родину. Мы шли на полную неизвестность, на милость, так наз. союзников, навстречу мытарствам в чужих нам странах. Но в то время, в моем юном возрасте, все происходившее представлялось мне довольно занятным приключением и никакого страха перед будущим я абсолютно не испытывал, вероятно потому, что был не один, а с родителями. Новая жизнь в новых странах сулила и новые впечатления. После молебна, уже к вечеру, «караван» в несколько десятков кораблей снялся с якорей.

Плаванье для «Кронштадта» сложилось не очень удачно. Дойдя до мыса Фиолент, от которого обойдя «минное поле», полагалось свернуть под определенным углом и взять курс на Босфор, «Кронштадт», из-за чьей-то ошибки на мостике, не сворачивая столкнулся с небольшим Болгарским транспортом по имени «Борис», пробил ему бок и пустил ко дну. Несмотря на наступившую темноту, всех болгар удалось выловить и волей-не-волей всей их команде пришлось плыть с нами.

Бурная погода, отсутствие тяжелых грузов в нижних трюмах и буксируемые нами миноносец «Жаркий», два Истребителя и яхта С. М. К. «Забава» сильно замедляли ход корабля и создавали серьезные затруднения. Благодаря качке, буксирные канаты рвались один за другим и, в течении ночи, оба истребителя и яхта, после нескольких отрывов, в конце концов, затерялись в море. Так как они шли без команд то искать их не стали.

До турецких берегов «Кронштадт» дотянул только миноносец, с которого невзирая на сильные волны, первой же ночью пришлось снять часть груза и команды. На нем остались только командир (ст. лейт. фон Манштейн), механики исправлявшие дефекты машин и рулевые, один из которых (кн. Н. Эристов) был кадетом какого-то Петербургского к. корпуса. Для многих других судов плавание было еще тяжелее в некоторых отношениях чем для нас. Переполненность помещений здоровыми, ранеными и больными людьми, недостаток угля в топках, воды и съестных припасов, нередко ставили и команды и пассажиров в весьма затруднительное положение.

Но так или иначе, одни раньше, другие позже, все суда нашей Эскадры добрались до цели и в одно ясное утро вошли в Босфор. За время нашего плавания машины миноносца «Жаркий» были исправлены и он, отцепившись от нас, самостоятельно вошел в гавань. Немыслимо было для такого доблестного Командира, каким был Манштейн, войти **на буксире** в чужой порт!

Как не вязался внешний вид наших обшарпанных кораблей со сказачной красотой Босфора и Золотого Рога! Между бросающими якоря серыми и черными громадами сновали щегольские катера. Одетые с иголочки иностранные моряки, покуривая трубки с интересом разглядывали, толпившихся вдоль бортовых перил странных заморских гостей; так в зоологических садах смотрят на диковинных зверей.

На многочисленных корабельных мачтах появились сигнальные флажки: — «хлеба», «воды», «доктора», «медикаментов» — все это было необходимо в первую очередь. Но раньше ожидаемой от союзников помощи, нахлынули турецкие «каики» буквально облепившие наши суда. Сидящие в них турки и греки, крича непонятное, высоко поднимали над головами в фесках различные «сокровища» — белые круглые хлебцы, халву, фрукты, кувшины с водой и многое дру-

гое. Вдоль бортов на веревках потянулись вверх-вниз, вереницы корзинок. Голодные и жаждущие мореплаватели платили неслыханные цены за «восточные сладости»; нередко кольцами и нательными крестами, за стоимость которых можно было купить содержимое десятка «каиков» заодно с их владельцами! Но некоторые торговцы принимали и... «колокольчики». Правда, очень немногие.

К счастью, появление больших военных катеров положило конец этому грабежу. Нам привезли все необходимое. На борт поднялись иностранные моряки, представители разных миссий и Красного креста, вступившие в деловые разговоры с нашим командным составом. Какое-то время все наши корабли должны были пробыть в карантине и съезд на берег в этот период нам запретили. И все-же, кое-кто, пользуясь знанием языков сумели, не дожидаясь конца такового, расстаться с «Кронштадтом».

Постепенно корабль начал пустеть и вскоре на нем остались только те, кто намеревался позже идти с флотом в Бизерту.

В ожидании отхода, о времени которого мы не знали, каждодневная жизнь шла своим чередом; назначались какие-то дежурства, заработали какие-то канцелярии, а мне, в компании еще двух кадет сухопутных корпусов, поручили заведывание корабельной почтой, что в существующей обстановке, оказалось сложным, но интересным занятием. Доставка писем на вельботе по разным судам нашей Флотилии, давала возможность повстречать утерянных было знакомых, наладить прерванные связи и держать моих родителей в курсе самых невероятных и часто, противоречивых слухов.

«Кронштадт» поправлялся, чистился и готовился к своему, увы, последнему плаванию. Готовились к нему и мы — для меня далекая Африка была полна романтики, а надежда на продолжение там учения в Морском Корпусе, делало ее еще краше.

Но судьба судила иначе. Неожиданное решение Главного Командования, связанное с участью Морского Госпиталя, в составе которого был мой отец, изменило все в корне. Приказом по эскадре, Морской Госпиталь переходил в ведение Красного Креста, с назначением отправляться в Сербию, где перспективы для него были лучше чем в Африке. Вынесенное на семейном совете решение — «не расставаться» моментально превратило мои мечты о морской карьере в расплыв-

чатый туман, но отделяться от родных мне тоже не улыбалось. Сербия, так Сербия!

Как неожиданно, как быстро и как непоправимо все произошло... 29-го октября утром, совершенно не подозревая о назревших уже переменах в моей судьбе, я на катере, ходившем от Графской пристани на Северную Сторону бухты, отправился в М. К. что-бы включиться в работу по «переселению» рот в главное корпусное здание (из временно занятых нами Офицерских Флигелей), постройка какового почти пришла к концу. Высадившись на маленькой корпусной пристани я сразу-же был поражен необычным зрелищем. Недалеко от причала, покачивалась на воде громадная баржа с переброшенными на нее с берега мостками. От нее в верх по берегу, до расположенного на холме белого здания Морского Корпуса, стояли тесной цепью кадеты, образуя живой конвейр, по которому из Корпуса передавали разные вещи. Корпусное имущество самого разнообразного характера и вида спешно грузилось на баржу. Вдоль цепи, то-тут, то-там, стояли вооруженные винтовками старшие кадеты и гардемарины, несшие караул.

На мой вопрос заданный ближайшему кадету я получил в ответ только одно слово: «эвакуация»... Не совсем уясняя значение происходящего я кинулся бегом в Корпус и без стука влетел в комнату дежурного офицера, которым на этот раз был ст. лт. фон Кубэ, хорошо знакомый всей нашей семье. Он осветил мне положение сообщив, что корпусное имущество и весь состав будут погружены на линейный корабль «Генерал Алексеев», а весь флот, пока, пойдет в Турцию. «Съезди домой» — сказал он мне — «поговори с родителями — если пойдешь с Корпусом, возвращайся сюда, как можно скорей; наш катер будет ходить до вечера». Поблагодарив за объяснение я поспешил домой, где застал всех уже за сборами. Согласно приказа по Флотскому Экипажу, наша семья должна была погрузиться на большой транспорт — пловучую мастерскую «Кронштадт», стоявший около раздвижного моста через Южную Бухту. Времени было мало; отбор и укладка необходимых вещей шла лихорадочными темпами. В казармах Ч. Ф. Экипажа сразу-же началось брожение среди матросов, так что на некоторых «ключевых пунктах» были поставлены надежные караулы. Желающих эвакуироваться матросов были единицы, но так-же и не все население Офицерских Флигелей стремилось уехать... и как

поплатилось оно позже за это решение!

Как это ни странно, в наших сборах и упаковке мед. оборудованья амбулатории моего отца, нам сильно помогли его двое вестовых, хотя оба были... пленными красноармейцами. Они-же раздобыли и тележку, на которой и перевезли все вещи через порт к понтонному мосту; по нему все пришлось тащить на руках до самого трапа нашего «Кронштадта». А это было не так просто — мост и сходни были густо забиты вещами и людьми, ждущими с нетерпением возможности попасть на пароход.

Так или иначе, через несколько часов все трудности были преодолены и все мы, со вздохом облегчения, разместились в одном из огромных трюмов — бывшей столовой для рабочих-специалистов.

Наскоро разложив наш багаж мы устремились на палубу; хотелось в последний раз взглянуть на покидаемый Севастополь. И тут имел место маленький эпизод, поставивший, какбы точку, на нашем отбытии.

Когда последние пассажиры еще подымались по трапу, а буксиры уже готовились к отводу транспорта от места стоянки, в воздухе послышался характерный шум аэропланного мотора. Все подняли головы — маленький аппарат летал низко над Южной Бухтой, спускаясь все ниже и ниже прямо к понтонному мосту. Мотор замолк и авиатор ловко посадил свою машину на воду совсем рядом с ним.

Прилетевший, в кожаной куртке, с небольшим чемоданом в руке, легко сошел по крылу на понтон и через несколько минут поднялся на палубу «Кронштадта». Не торопясь он подошел к смотревшему на него, с радостным изумлением, вахтенному офицеру и, небрежно козырнув, отрапортовал:

— «Военный летчик, пор. Афиногенов с фронта прибыл»...

И вот переход «Севастополь — Константинополь» остался позади, но до конца нашего пути было еще очень не близко. Что ожидает нас впереди? Как сложится наша будущая жизнь? Никто ничего определенного не знал и ответа на эти вопросы не было.

На «Кронштадте», в ожидании дальнейших распоряжений, мы пробыли не меньше 2-х недель, пока всех «Сербов» не пересадили на старый турецкий пароход «Ак-Денис», игравший роль распределительного пункта. Народа на нем было больше чем нужно, удобства были сведены к минимуму и через некоторое время расстались мы с ним просто с радостью.

В один из прекрасных солнечных дней к борту «Ак-Денис» пришвартовался большой, под французским флагом, транспорт, носивший однако, странное для такого флага имя, «Austria». Было объявлено о погрузке. Состав Морского Госпиталя (и наша семья вместе с ним) попали на пароход только к вечеру. Руководившие «переселением» французские моряки сразу-же отделили женщин и детей от мужчин, предоставив им трюмы в средней части корабля. «Мужская половина», не особенно довольная разделом, расположилась на корме. А несколько групп, состоящих из дородных дядей с огромным количеством багажа, устроились прямо на палубе, прикрывшись брезентами. Как говорили, они были членами каких-то организаций, вроде Союза Городов, Земгора и т. д. Вероятно поэтому держались они под своими брезентами гордо и независимо.

Очень быстро в трюмах появились различные неизвестного происхождения «коменданты» и «старосты», установились всевозможные дежурства, правила поведения и, к выходу в море, русское население «Австрии» зажило налаженной жизнью. Не мало времени уходило на стояние в разных очередях — за водой, за едой, в умывалку, в гальюн, а очень часто к «Верховному Коменданту» с претензиями, которых у каждого пассажира имелось по несколько. На стенах коридоров, особенно у мест скопления, появились разнообразные распоряжения скрепленные лихими подписями. Кое-где вспыхивали ссоры, почти наладилась одна дуэль, но не произошла по причине плохой погоды.

Французы в эти дела не вмешивались. Так-же не обращали они внимания и на наши жалобы по поводу однообразия пищи. Сами они питались, вероятно, куда лучше. Во всяком случае корабельный повар из-за толщины едва помещался в своем камбузе.

Погода в пути нам не благоприятствовала. Сразу по выходе в Эгейское море задул свежий ветер, вскоре превратившийся в солидный шторм. «Австрия» со своим живым грузом устойчивостью не отличалась. Большая часть пассажиров стала отказываться от еды, зеленеть в лицах и укладываться на самодельных ложах, то тут, то там раздавались «охи и вздохи» — морская болезнь вступила в действие. Шторм временно стих вблизи острова Лемноса, где мы приняли на борт большую группу казаков, принесших с собой кроме стройного хорового пения и ...тифозных больных.

В Ионическом море ветер задул с новой силой, пароход стало форменно укладывать, а при приближении к Албанским берегам, качка приняла настолько опасную форму, что чернобородый командир «Астрии» решил завернуть в Валону, где на спокойном рейде мы переждали бурю.

Албанский порт понравился веселыми красками гор и тихой изумрудной водой большой бухты. Мимо парохода проплывали остроносые лодки со смуглыми людьми, одетыми в узкие белые штаны и темные куртки. На головах у них, как приклеенные, красовались маленькие шапочки; они что-то кричали, размахивая руками и весело скаля зубы. Измученные пассажиры смотрели на них с завистью — те имели свое место на земле! «Каково-то нам будет?» думал невольно каждый. Надвигающиеся перспективы были достаточно неясны.

Валону мы покинули ранним утром и плывя вдоль высоких горных берегов, все ближе и ближе подвигались к конечному пункту нашего пути, к Котарской бухте. И в самом начале декабря 1920 года, в вечерние часы, «Австрия» медленно вошла в самую большую бухту Европы на юге Далматинского побережья и бросила якорь против местечка Мельине.

Еще один из жизненных этапов был пройден; неизвестное будущее стояло перед нами. **Ростислав Сазонов.**

—

«Чудесная Пасха»

Пасха 1945 года застала меня в походе. Догорала вторая мировая война. Бесконечные ночные переходы, когда от усталости и бессонницы голова опускается все ниже — к самой лошадиной гриве, пока лошадь не зацепит меня стременем за какую-нибудь повозку и не заставит очнуться.

Эти дни смешались и, в памяти осталось только ночное, темное, уже теплое балканское небо, да топот лошадиных копыт. Далеко на горизонте бесшумно вспыхивают зарницы, отсветы ракет и артиллерийских выстрелов. Это за холмами идет ночной бой. Уже никому не нужный и бесполезный. У нас тихо. Усиленными маршами мы спешим вырваться из коммунистического окружения в Австрию. Нам сказали, что красных в Австрию союзники не допустят. А союзников мы не боимся — мы против них не воевали, мы боремся только против коммунистов.

О том, что прошла Пасха вспоминаем, только тогда, когда пришли в английскую зону и вздохнули с облегчением, решив, что теперь нам бояться уже нечего, что самое тяжелое и страшное осталось уже позади...

А потом был провал. Десять долгих лет советских концлагерей. Какая уж тут Пасха! А ведь Пасха для русского-православного человека, это самый большой, самый важный Праздник в году. Праздник чудесного Воскресения Христова, праздник нашего грядущего спасения. К Пасхе православные готовятся задолго. Целых семь недель строгого поста, когда нельзя есть не только мяса, но и яйца и даже пить молоко. Только овощи да рыба.

В течении этого поста читается особая молитва, люди исповедуются и причащаются, чтобы встретить «Праздник Праздников» чистыми и достойными.

Ни о чем этом в советских лагерях нельзя было и думать. Замученные голодом и непосильной работой люди не ведут счета дням и не отмечают праздников. Зато, этот счет за них ведет коммунистическое начальство.

Вдруг, иногда, лагерное начальство, по своему отмечало Пасху. Не с того ни с сего, устраивался внеочередной «аврал». Шпарились клопы, миллионами населявшие наши нары, белились грязные, запущенные бараки и нам, выгнанным на мороз устраивали подробнейший, ненужный и унизительный обыск. Заставляли на морозе раздеваться до нага, перетряхивали одежду и отнимали все, что только могло показаться или запрещенным или просто понравилось обыскивающему. Отбирали меленькие самодельные ножички, иголки и ножницы, химические карандаши, из которых делались чернила и перья. Даже фотографии близких, присланные в письмах и уже прошедшие лагерную цензуру, зачастую подвергались изъятию. Все зависело от настроения и произвола обыскивающего.

Мы — заключенные, мрачно чертыхались и недоумевали, к чему бы такой сюрприз? Пока, кто либо из стариков не вспоминал, что на этот день приходилась Пасха.

Так прошли долгие десять лет. Измученный, ставший инвалидом, я попал наконец, в репатриационный лагерь, куда собирали не советских граждан для отправки заграницу на родину.

Режим репатриационного лагеря в Потьме (затерянное в лесах центральной России местечко), конечно, нельзя было

и сравнить с положением в обычном ИТЛ. Начать с того, что весь «надзор-состав» состоял только из офицеров МВД (Министерство Внутренних Дел). Да к тому же, видимо, им была дана инструкция не придираться к репатриируемым без нужды и, как можно меньше вмешиваться во внутреннюю жизнь репатриантов.

Приближалась Православная Пасха и среди заключенных начались разговоры о том, что теперь, пожалуй, можно будет ее встретить по настоящему. Бывший с нами священник отец Алексий — из эмигрантов, запуганный и робкий человек, тяжело вздохнул и согласился отслужить Заутреню.

Православных в лагере оказалось не мало: сербы, греки, русские эмигранты, болгары, несколько армян из Персии и какой то, чудом угодивший в СССР, сирийский араб-православный. Все решили соединиться для такого случая.

К коменданту лагеря была отправлена делегация за разрешением. Сначала долго обсуждали, как разговаривать с начальством по такому необычайному и щекотливому делу, наконец, было решено держаться вежливо, но твердо.

Начальника лагеря — капитана МВД, такая просьба застала врасплох. Он, видимо, не имел понятия о том, как ему поступать. Конечно, проще всего было бы запретить. Но, данная ему инструкция требовала не раздражать и не **скорбля**ть людей, которые не сегодня-завтра уедут заграницу и будут рассказывать о пережитом. Несколько поколебавшись, капитан дал свое согласие: «Валяйте, все равно — вы не наши — не советские»...

Тут закипела работа. Времени до Пасхи оставалось всего несколько дней, а сделать было нужно так много. Во-первых составить хор и разучить песнопения, сделать крест, свечи, соорудить аналой и сшить для священника эпитрахиль и ризу.

Тексты песнопений записывались со слов священника. Работа кипела по всему лагерю.

В женском бараке распарывали платья и кроили из них ризу и покрывало на аналой. По три раза в день, в помещении КВЧ (Культурно-Воспитательная Часть), где со стен хмуро смотрели на нас портреты Ленина и Сталина, происходили спевки, которыми дирижировал о. Алексий. Доносившиеся из окон слова и напевы, как то совершенно неожиданно меняли всю лагерную атмосферу.

Солдаты на вышках, прекращали свое собственное пение

или переругивание с соседом и внимательно прислушивались к словам молитв. Чекисты старались в эти часы не показываться в зоне лагеря. Даже, иностранцев захватил наш восторг. Австрийцы и немцы спрашивали можно ли им присутствовать на Заутрене. Француз принял участие в хоре, благо голос у него был прекрасный. Старик курд-мусульманин, увидав какое-то необычное оживление и хлопоты по всему лагерю, расспросил, и, узнав в чем дело, просил разрешить и ему присутствовать на богослужении.

Бог один — Аллах! И у нас, и у вас. Каждый кто молится — Ему молится. А затем, надо этим собакам показать, что мы все вместе и не боимся, — говорил старик.

Неожиданно возникли осложнения, обер-уполномоченный (начальник секретного надзора) вдруг, потребовал полный текст богослужения, да еще в трех экземплярах. (Исполнить его требование не было никакой физической возможности).

Снова была составлена делегация, которая часа два уговаривала его отказаться от этого требования. Наконец, компромисс был найден: ему предложили присутствовать на богослужении в виде цензора и убедиться, что никакой политики там не будет.

С вечера, перед Заутреней, каждый, как мог и умел, готовился к торжеству. Из казенной картошки, добытой по «блату» на кухне, знатоки приготовляли крахмал, чтобы подкрахмалить ризу сшитую из бязи. В русской секции приготовляли общее розговение. Каждый принес в общую кучу все лучшее, что у него было. С помощью хитрых комбинаций и, при содействии солдат охраны, удалось купить несколько штук яиц. Их сварили в крутую, покрасили акварелью и разложили на накрытом столе с рассчетом — одно яйцо на четырех человек. Это было первое яйцо за десять лет съеденное мною в России.

Австрийцы, получавшие самые лучшие и частые посылки с родины, особенно помогли устройству нашего пира. На кухне были испечены пироги с картошкой и несколько белых булок. Они заменяли нам куличи. Приготовили сладкий(!) чай. Словом, сделали все, что только было в наших силах. Впрочем, главный смысл праздника для всех нас был вовсе не в этой трапезе, которая по традиции следует за окончанием ночного Богослужения и символизирует окончание долгого поста. Самым главным для нас было услышать, так любимые нами, торжественные пасхальные гимны. Отстоять

службу. Поздравить всех с Великим Праздником и похристосоваться.

Наши сердца и души рвались к высшему, к отрыву от земли со всей ее мерзостью и скудостью. Мы все хотели услышать то, чего мы были так грубо и насильственно лишены в течении долгих лет. Облегчить свои сердца хоть на момент приблизившись к Богу.

Анатолий Петровский, бывший югославский офицер, чистил самодельной ваксой свои сапоги из искусственной советской кожи, вызывая смех и шутки. Наш лагерный поэт Коля Воинов, в уголке строчил стишки для торжественного случая. Они были прочтены во время розговения и, если не произвели особенного впечатления на наши **огрубевшие** души то, все таки принесли свою пользу: милая, измученная Муся с сединой в своих черных волосах, наконец, обратила на него свое внимание. Бедные, им обоим отказали в праве на выезд из СССР и теперь они влачат там нищенское существование париев, находя единственное утешение только в том, что они окончательно и до конца вместе.

Из этих знаменитых стихов память сохранила только две первые строчки:

— «Позвольте вам задать вопрос
И получить ответ...»

Ровно в 12 часов ночи началась Заутреня. Помещение барака столовой наполнилось молящимися. Я не могу сказать, как пел хор. Мне казалось, что я в жизни не слышал такого чудесного пения. Стеклянные баночки с постным маслом из посылок вспыхивали звездочками, заменяя лампадки. Для о. Алексия соорудили самодельную свечу. Откуда ухитрились достать для этого воск — до сих пор остается для меня неразрешимой тайной. Было, даже, кадило, сделанное из консервных банок и сосновая чистая смола распространяла клубы синего дыма и чудесный лесной запах.

Два раза заходил и «начальник». Первый раз, не снимая шапки, постоял с полминуты у дверей и вышел. Второй раз шапку снял и простоял минут десять. Что творилось в это время в его душе? Кто может ответить, — только Бог знает. Вероятно он сам не смог бы дать на это ответа.

Мне казалось, что в такой же обстановке, окруженные чужим, враждебным миром, со страхом и опаской, но с тем большей верой и упованием, молились в римских катакомбах первые христиане.

Первые и — последние...

Теперь я встречаю Пасху по иному. В настоящей церкви, где поет хороший хор, духовенство, облаченное в дорогие, золотом шитые ризы, служит неторопливо и истово, не опасаясь ежеминутного грубого окрика и приказа «кончать». Радостная, нарядная толпа с зажженными свечами наполняет храм.

А мне все вспоминается замызганный, грязный, вонючий барак-столовая, неумелый, но такой трогательный хор, огоньки в стеклянных баночках, риза из женского платья... и кажется мне, что в толпе, между нами, в заношенном арестанском платье, никем не узнанный, стоял сам Христос!

В ту ночь, там, Он действительно воскрес в человеческих сердцах.

Б. Ганусовский.

—

Воспоминания 65-летней давности.

Случайно, взглянув на календарь, я заметил, что сегодня 27-ое августа 1979 года, т. е. 14 по ст. стилю. Как каждому кадету дореволюционной России известно, к этому дню собирались кадеты всех корпусов с летних каникул в свои родные гнезда, т. к. 15-го августа день Успения Пресвятой Богородицы считался началом учебного года. Выдержавшие вступительные экзамены в первый класс являлись тоже 14-го августа. День новичков начинался пригонкой формы, разбивкой на параллельные отделения, знакомство с своим офицером-воспитателем и своими обязаностями. Итак 14-го августа по старому стилю 1914-го года, я был приведен отцом в здание Петровского Полтавского Кадетского Корпуса. Собравшихся новичков принимал моложавый капитан Чепурковский и направлял в главный цейхгаус, где корпусной каптенармус пригонял обмундирование. На более высоких пригонка шла быстро и легко, но с маленькими было много затруднений. Так мне выдали сапоги размера на два больше и на мое робкое заявление, что они мне велики, усатый фельдфебель ответил: «до роты доползешь, а в ротном цейхгаузе каптенармус переменит» и отвенувшись стал подгонять форму на следующего. Слова цейхгауз и каптенармус пугали меня, но что было мне делать, расплакаться? Чутьем я ясно понимал, что слезы не вяжутся с погонами на плечах, поэто-

му, скрепя сердце я собрал свой матроский костюмчик, белье и ботинки и вышел из цейхгауза. Кап. Чепурковский, спросив фамилию сказал: «ты назначен в первое отделение, твой воспитатель подполковник Богоевич, а сейчас отдай твою одежду отцу и ступай вон в тот угол, где уже собралось несколько новичков и жди дальнейших распоряжений. «Потом подойдя к отцу представился ему и сказал, что завтра после молебна отец может меня взять в отпуск до вечера, но сегодня все новички будут заняты. Отец подошел поцеловал, погладил по голове и увидев на моих глазах слезы тихо сказал: «не плачь ты же ведь уже кадет».

Думается, что вид новоиспеченного кадета был весьма непрезентабельный. Сапоги, как я уже упомянул были не по ноге и при ходьбе я цеплял с непривычки носком за пол, брюки были тоже велики, т. к. внизу было несколько складок напоминающих гармошку, рубашка была настолько велика, что из рукавов были видны только кончики пальцев, воротник был широк и на животе болтался пояс с тяжелой медной бляхой, который я не умел сузить и потому бляха была ниже положенного ей по уставу места. Кроме того рубашка на животе была в складках, т. к. я не знал как заправить все эти складки назад.

Когда собрались все назначенные в первое отделение, кап. Чепурковский приказал, состоявшему при нем второкласснику отвести нас в роту. В помещении 4-ой роты этот кадет привел нас в классную комнату с партами на двух и рассадил по партам произвольно при помощи двух второгодников, заарендовавших себе парту на «камчатке»; уходя он сказал, что доложит подпоручику Богоевичу, о том что его отделение на месте. Подп. Богоевич был в этот день дежурным по роте. Пока из начальства никого не было, второгодники сообщали нам свои фамилии и потребовали от нас полной субординации, пригрозив увесистыми кулаками. Смельчаков оспаривать такие аргументы не нашлось, тем более что поступавшие в большинстве были 10-11 лет, а второгодник мог быть даже 13 лет. В первый класс принимались мальчики от 10 до 12 лет и как исключение 9 с половиной с подачей своевремено прошения на Высочайшее Имя. (Мальчики в 9 лет, принимались только в те корпуса, в которых был приготовительный класс). Второгодники объяснили нам, что когда подп. Богоевич войдет в класс один из них подаст команду: «встать смирно» и мы должны, выйдя из парты

встать смирно, т. е. не ворочаться, не сгибать колен, руки должны быть по швам брюк, голов не опускать и смотреть прямо в глаза воспитателя; когда же он поздоровается ответить хором: «здравия желаем господин полковник».

Подп. Богаевич, войдя в класс поздоровался с нами, но т. к. второгодники не успели сделать репетицию, то ответ был очень рассыпчатым. Богоевич улыбнулся и сказав: «скоро научитесь» начал с нами знакомиться. Во-первых он назвал себя: Подп. Николай Александрович Богоевич, добавив что имя и отчество легко запомнить, т. к. они тождественны царствующему Императору. Во-вторых он сказал что принимая нас первоклассниками он надеется довести нас до конца 7-го класса, но из опыта знает, что некоторые все же будут отставать оставаясь на второй год, «вот как эти оболтусы» указал он на наших второгодников.

Дальше он приступил к личному опросу, задавая много разных вопросов, ответы записывал в записную книжечку. После сказал, чтоб те у кого есть деньги сдали бы ему на хранение, т. к. кадеты не имеют права в здании корпуса иметь при себе деньги.

Большинство новичков были сыновья офицеров, один оказался сыном полицмейстера (в прошлом офицера) и я единственный сын штатского члена Окружного Суда. Окончив с личным опросом он вывел нас в коридор, где к нам присоединилось 2-ое отделение кап. Чепурковского, нас построили по росту и я оказался предпоследним и получил № 117, а самым маленьким оказался кадет 2-го отделения — Константин Петров и его номер был 118. Эти номера к нам имели только то отношение, что на белье каждого кадета красовался этот номер, а также он был и на табличке (цигеле) кровати, где кроме номера была написана фамилия и имя, на цигеле же висело полотенце и у большинства еще и иконка.

После этого тем кому было плохо пригнано обмундирование, ротный каптенармус пригонял снова из ротного цейхгауза, откуда я уже вышел в хорошо пригнанной форме попутно научившись всем основным премудростям как напр.: приделывать погоны к рубашке, закреплять пуговицы колечками, укорачивать пояс при помощи бляхи, расправлять складки рубашки с живота и боков на спину, и даже чистить бляху и пуговицы мелом или мазью для меди, а сапоги ваксой.

Я почувствовал себя кадетом, собственно 25-го мая, т. е.

после выдержанного мною вступительного экзамена. В этот день отец привел меня в корпус и я, впервые в жизни, оказался в обществе 100 мальчиков. Кто-то нас направил в какой-то зал, где происходил медицинский осмотр. Нам было велено раздеться и доктора приступили к осмотру: слушали сердце, легкие, давили живот, искали грыжу, прощупывали всякие гланды, проверяли зрение, смотрели горло, нос, уши, измерили рост взвесили спрашивали какими болезнями болел. Все это записывали в картотеки, и в результате нескольких мальчиков нашли непригодными для военной службы. После завтрака состоялись экзамены. Экзамены начались с молитвы перед учением, которую прочел корпусной священник протоиерей о. Сергий Четвериков. Первый экзамен был по Закону Божьему. Экзаменовали о. Сергий и дьякон, я попал к о. Сергию. Мои знания молитв, заповедей, сказаний из Ветхого Завета и кое чего из Нового Завета далеко превосходили требования вступительного экзамена, благодаря отцу, который был очень набожным. Вообще я был подготовлен к экзаменам очень хорошо и легко их выдержал. В тот год желающих поступить было больше чем вакансий, но часть отвели на медицинском осмотре, а часть срезалась на экзаменах, но все же был конкурс и не прошедшие по конкурсу отправлялись в другие корпуса, где были вакансии или держали снова экзамены на следующий год. Из всех державших тогда экзамены, я запомнил только двух, и то потому, что они были также как и я в матросских костюмчиках. Это были: Миша Потоцкий и Богомолец оба они попали во второе отделение. Когда нам в присутствии наших родителей прочли списки принятых в 1-ый класс 1914-1915 учебного года, отец погладил меня по голове и сказал: «молодец». Вот с этого момента я стал считать себя кадетом. Выйдя из здания корпуса все в том же матросском костюмчике и в матросской бескозырке с ленточками на которых красовались якоря, я весь был поглощен одной заботой не прозевать ни одного офицера. Я искал глазами встречных офицеров, перебегал на другую сторону улицы и все лишь для того чтоб отдать им честь. Офицеры конечно, не обращали никакого внимания на малыша, но это меня не обескураживало и наконец, о счастье! Один молодой поручик, посмотрев на меня, так серьезно отдающего честь карапуза, понял всю психологическую важность момента и догадавшись, что я только что выдержал

экзамен, не только удостоил меня ответным отданием чести, но и остановившись, спросил: «выдержал экзамен, что ли?» И я радостно ответил: «да». Вдруг к моему ужасу приветливое лицо поручика омрачилось и он строгим голосом поправил — «не «да», а «так точно». Я покраснел, стыдясь своего промаха и повторил за им «так точно». — «Ну а дальше что?» спросил поручик. Окончательно растерявшись, и принимая строгий голос всерьез, я не знал что делать, но поручик улыбнулся, потрепал меня по щеке исказал: «нужно добавлять чин, в данном случае: «господин поручик», потом посоветовал мне пока я не в форме не козырять.

Возвращаюсь к 15-му августа. По случаю двунадесятого праздника подъем был в семь часов утра. Проснувшись от барабанного боя я, как наверное, и большинство, первую минуту не мог понять, в чем дело, но беспрерывно повторяемое приказание дежурного воспитателя: «вставать», сдергивание одеял и подзатыльники второклассников и второгодников вполне доказали пословицу: «назвался груздем — полезай в кузов». Не буду входить в детали умывания, одевания, молитвы и утреннего чая, упомяну лишь то, что многие новички забывали менять ночную рубашку, которая отличалась красной ленточкой на воротнике, на нижнюю дневную и им приходилось переодеваться.

В 9 часов мы уже строем входили в корпусной храм, вмещавший все четыре роты, т. е.450 кадет, весь педагогический персонал с семьями, а также и привезших своих птенцов родителей. После Литургии и молебна по случаю начала учебного года, родители новичков могли взять своих сыновей в отпуск, но должны были привести их к шести часам вечера, т. к. от 6 до 8 час. вечерние занятия на которых в этот день воспитатель выдает учебники, тетради, перья и другие учебные пособия.

И вот я с отцом, уже в кадетской форме, важно шествую по улицам Полтавы и старательно отдаю честь офицерам и старшим кадетам. Вдруг навстречу мне показался такой же как и я первоклассник по фамилии Пилипенко с дамой вероятно его мамой. Не считаясь с тем, что мы в старшинстве одинаковы, я за четыре шага взял руку под козырек, каково же было мое возмущение, когда у Пилипенко округлились глаза от удивления и он прошел мимо не ответив мне на приветствие.

В 5 час. отец привел меня в корпус, перекрестил и по своему обыкновению, прочел мне нотацию, чтобы я не шалил, хорошо учился и т. д., поцеловал и ушел, т. к. ему нужно было попасть на поезд.

Первую минуту я почувствовал себя одиноким и слезы навернулись на глаза, но оглянувшись я увидел, что некоторые из новичков, в том числе Миша Потоцкий и Богомолец, которые повидимому были знакомы и раньше, носятся с криками по коридору, задирают более тихих, хохочут и чувствуют себя абсолютно в своей тарелке. Подбежал Потоцкий и ко мне, толкнул слегка в бок и сказал: «Рыжий красного спросил чем ты бороду красил», и побежал дальше, и я не понимая почему он мне это сказал, т. к. в мою голову не вмещалось, что это относится к цвету моих волос, т. к. я не был рыжий, а блондин, с удивлением посмотрел ему вслед и, вспомнив об обиде нанесенной мне Пилипенко пошел в класс в надежде его там найти. Действительно он оказался там и хотя я был самый маленький, а он из самых высоких, я подошел к нему и сказав: «как ты смел не отдать мне честь «толкнул его посильней в грудь. Повидимому Пилипенко был очень тихий и миролюбивый мальчик, он только непонимающе посмотрел на меня повернулся и убежал, чем обескуражил меня и все мое воинственное настроение пропало. Но этот случай страшно поднял меня в моих глазах и я вообразил, что всегда мне такие нападения будут проходить безнаказно, но вскоре мне пришлось убедиться в противном.

Из моей, последующей жизни в полтавском и затем в Псковском корпусах мне хочется рассказать только о нескольких наиболее ярких эпизодах.

Не помню по какой причине осенью 1914 года или весной 1915 года, корпус был выстроен на улице лицом к фасаду корпуса и 4-ая рота, как и полагается была на левом фланге. Помню, что светило солнце, мы были в парадных мундирах, но не было холодно — значит это не мог быть корпусной праздник 19/6 декабря, но почему то был вынос знамени. Вынос происходил слева, оркестр на правом фланге заиграл встречный марш и была подана команда: «смирно равнение на лево». Молодцеватый вице-унтер офицер знаменщик с двумя ассистентами вынес знамя. Было ветрено, полотнище ветхого знамени, по преданию участвовашего в Полтавской битве, сильно колыхалось. Концы знамени от ветхости обратились в неровную бахрому. Вдруг маленький лоскуток зна-

мени оторванный стал колыхаясь, как опадающий лист, спускаться на землю. Это произошло в то время когда знаменщик прошел строй 2-го отделения 1-го класса и поравнялся с левым флангом моего 1-го отделения. Приземлился оторвавшийся лоскуток уже посередине моего отделения. Глаза всех кто видел это следили за этим кусочком материи и вдруг, нарушая все правила устава из первой шеренги выскочил кадет первоклассник, наклонился схватил этот лоскуток и встал на место. Подпоручик Богоевич видел, что кадет его отделения сделал непростительный проступок, выйдя самовольно из строя, но причины не знал. Когда рота вернулась в помещение и была подана команда «разойтись», Богоевич позвал провинившегося кадета (фамилию, к сожалению, я забыл) и начал его распекать за такую недисциплинированность да еще во время выноса знамени, но когда узнал причину спросил: «что же ты будешь делать с этим кусочком знамени?» Ответ первоклассника показал, как благоговейно этот кадет относится к корпусному знамени, к его былой славе, как он уже любит свой корпус и как понимает свой долг перед этой реликвией. Ответ его был: «эту святыню я положу в свое Евангелие». Богоевич обнял кадета и сказал: «ты прав, только там этой части Российской Славы и место». Конечно никакому наказанию кадет не подвергнулся.

Я пробыл в Полтавском корпусе всего лишь год, т. к. мой отец перевел меня в Псковский корпус, где учился мой старший брат, но за этот 1914/15 учебный год Полтавский корпус посетил Император Николай 2-ой и Великий Князь Константин Константинович. Кто из них посетил корпус раньше я не помню и да простят мне полтавцы если я ошибся в хронологии. В обоих случаях со мной произошли почти одинаковые происшествия. Повторяю, что не помню, но мне кажется, что первым посетил корпус Император. Можете себе представить сколько волнений и забот было у каждого, начиная от Директора ген. м. Клингенберга до последнего первоклассника. Конечно у каждого были свои заботы. Воспитатели стремились усовершенствовать до предела четкость в строю, в церемониальном марше и в ответах. Ведь только подумать как даже роте взрослых людей трудно ответить в один голос «Здравия желаем Ваше Императорское Величество» или на ходу «Рады стараться Ваше Императорское Величество». Попробуйте выдресировать 120 мальчуганов от

10 до 13 лет отвечать в один голос. В день приезда Государя все офицеры в парадных формах т. е. с эполетами и при орденах по несколько раз осматривали нас, их опытные глаза замечали каждый недочет, наши бляхи и пуговицы мундиров блестят как жар, сапоги начищены не только спереди, но и сзади, а первоклассники должны были показывать чистые руки без траура под ногтями. Головы пострижены под ноль. Но что же делать с теми у кого синяк под глазом, как это оказалось у меня после одной из многих неудачных драк. Отправить в лазарет нельзя, т. к. Государь конечно посетит больных. На счастье Богоевича в его отделении было налицо четное количество кадет и т. к., я как самый маленький должен был стоять во второй шеренге в затылок предпоследнему по росту И. Лошунову. Помню, что все таки Богоевич подпудрил мне синяк мелом, но пока рота стояла вольно в ожидании прихода Государя мел осыпался и фонарь светился во всей своей красе. Ждать нашей роте пришлось довольно долго, но вот послышалась команда нашего ротного командира и он пошел навстречу Государю с раппортом, а затем раздался голос Государя: «Здорово 4-ая рота», на что мы очень дружно и вероятно пискливо ответили: «Здрав жлам Ваш Им-пра-торс Вел-ство!» Обходя строй Государь ласково смотрел на наши счастливые лица. Мы же в благоговейном восторге смотрели в Его лучистые, добрые глаза, которые хоть и скользили по нашим лицам, но замечали очень много. Окончив обход Государь приказал распустить роту, а двух самых маленьких привести к нему. Командир роты передал приказание воспитателям Богоевичу и Чепурковскому, а сам пошел со свитой в ротный зал, где Император сел на принесенный стул окруженный со всех сторон корпусным начальством, адъютантами и кадетами. Что касается кап. Чепурковского то приказание привести самого маленького не доставило ему никаких затруднений. Константин Петров был тихий, опрятный, хорошенький мальчик, хорошо учился и по поведению имел высший возможный бал в 1-ом классе т. е. шестерку. Подп. Богоевичу это приказание пришлось не по вкусу, т. к. самый маленький был я, но у меня был синяк под глазом, хорошеньким назвать меня было нельзя, тихим поведением не отличался и по мнению Богоевича у меня были дерзкие глаза. Поэтому Богоевич решил вопрос просто вместо левофлангового второй шеренги он взял левофлангового первой шеренги. И. Лошунова. Лошунов был блондин с неж-

ным розовым цветом щек поведения и учения вполне приличного, вдобавок был сыном ген.-лейт. кавалера ордена Св. Георгия 4-ой степени и Георгиевского оружия и Государь возможно лично знал ген. Лошунова. Кстати недавно перед приездом Государя ген. Лошунов, уезжая на фронт заехал в Полтаву проститься с сыновьями (старший сын был в 3-ем классе) и на нас произвел восторженное впечатление своим Георгиевским оружием и белым крестиком-мечтой каждого военного. Итак Богоевич передал ротному И. Лошунова, а ротный командир подвел И. Лошунова и К. Петрова к Государю, но Государь, посадив Петрова к себе на колено сказал: «Полковник, я прекрасно понимаю Ваше желание показать мне двух ваших хороших воспитанников, но я достаточно наблюдателен и заметил одного меньше этого (показав на Лошунова) с синяком под глазом и с видом сорванца, вот того мне приведите». Сам я этих слов не слыхал, т. к. не мог пробиться через толпу кадет окружавших Государя, но так мне передавали слышавшие это. Ротный посмотрел на Богоевича и тот ответил: «это Ольденборгер». Пока меня обомлевшего от страха и одновремено от блаженства протискивали через толпу кадет, Государь разговаривал с Петровым. Когда меня подвел командир роты, Государь усмехнулся и сказал: «вот этого мне и надо» и поставил меня рядом с собой справа, т. к. Петров сидел на его левом колене. Часть вопросов к Петрову я не слыхал, но потом говорили, что Государь интересовался отцом Петрова, чином, полком, узнав в каком полку служит отец Государь назвал стоянку полка, спрашивал про семью есть ли у него мама, братья и сестры, а при мне Государь уже спрашивал о том как Петров учится и сколько имеет по поведению. Потом неожиданно для меня обратился ко мне: «Ну, герой, а как твоя фамилия?» Я еще не придя в себя машинально ответил: «Ольденборгер». И к своему ужасу заметил, что в чем то я сплоховал, т. к. сзади стоящие, начиная от Директора, ротного, воспитателей, адъютантов и кадет начали мне подавать какие-то знаки, открывая и закрывая рты всячески стараясь мне что-то втолковать. От всех этих ужимок, я совершенно растерялся не догадываясь в чем дело, что свою фамилию я сказал правильно я не сомневался, а Государь, видя мое замешательство и догадываясь, что происходит за его спиной, т. к. я туда смотрел стараясь понять по движению ртов, что им всем надо, улыбался и спокойно ждал молча, так прошло короткое вре-

мя, показавшееся мне вечностью, но Петров выручил пользуясь тем что Государь на него не смотрит, он осторожно по азбуке пальцами которая у нас была очень в ходу для подсказывания, показал мне слово «ваше» дальше как молнией прорезало мою память и я радостно выпалил: «Ваше Императорское Величество». Вероятно на моей роже была написана такая радость, что Государь рассмеялся, а у всего начальства рты растянулись в сладостные улыбки и мне показалось, а может это было и на самом деле, вздох облегчения прошелся по всей толпе кадет. «Так ты из Прибалтики?» спросил Государь, тут уж я без запинок ответил: «не могу знать Ваше Императорское Величество, но я из дворян Харьковской губернии». Моим отцом и его службой, также, как и семьей Государь не стал интересоваться, а сразу, как говорится, взял быка за рога; тронув пальцем мой синяк и сочувственно качая головой Государь спросил: «с лестницы упал?» а у самого глаза смеются и все лицо выражает еле сдерживаемый смех, «так точно Ваше Императорское Величество» ответил я, опуская глаза перед Государем и догадываясь, что он мне не верит, я покраснел как рак. Государя это еще больше развеселило и он, делая строгое лицо сказал: «Так и мне своему Царю лжешь, знаешь ли ты, что Царю ты всегда должен говорить правду, отвечай знаешь или нет?» — «Так точно, знаю Ваше Императорское Величество» ответил я. Сразу, сменив тон опять на веселый Государь подвинул меня ближе к себе и приблизив лицо к моему уху шопотом спросил: «подрался?» и я к собственному удивлению тоже шопотом ответил: «так точно Ваше Императорское Величество». Государь рассмеялся, а за ним все начальство и окружающие кадеты, т. к. хотя все это было произнесено шопотом, но в тишине было слышно. Узнав что я учусь прилично Государь спросил: «ну, а как с поведением?». Я скис совсем и прошептал еле слышно: «Двойка Ваше Императорское Величество». Государь покачал головой и напоследок сказал: «исправиться надо — обещаешь?» — «Так точно Ваше Императорское Величество», ответил я и, действительно, некоторое время помнил свое обещание и дошел по поведению до четырех, но потом скатился снова на двойку, а в конце года, т. к. я переходя во второй класс по учению был в первом десятке, то Богоевич набавил на тройку, чтоб дать возможность перейти во второй класс.

Как всегда приезд Высочайших Особ сопровождался рас-

поряжением об отмене уроков на три дня.

В том же учебном году Полтавский корпус посетил Великий Князь Константин Константинович. О его предполагаемом приезде было объявлено заранее и кадеты с радостью ожидали всеми любимого «Отца кадет».

Случай происшедший со мной в приезд Великого Князя почти целиком соответствовал случаю в посещение корпуса Государем. Разница была лишь в том, что Великий Князь после роспуска роты потребовал к себе самых больших, но больших он сказал иронически, что командир роты не понял и действительно привел самых высоких. Великий Князь тогда сказал: «Полковник, больших в кавычках». Опять таки привели Петрова и Лошунова, т. к. у меня светился очередной фонарь, но и Великий Князь оказался достаточно наблюдателен и успел заметить меня во второй шеренге. Вспоминая эти случаи мне кажется, что не заметить меня в те времена было трудно. Маленький с волосами цвета соломы, с множеством веснушек на лице делало меня рыжеватым, синяки под глазами и какие то задористые глаза, а по определению Богоевича дерзкие, определенно давали основание подозревать не только шалуна, забияку-драчуна, но и сорванца которого в свободное время, искать надо было там, где в стойке смирно стояли наказаные кадеты.

Во всяком случае Великий Князь потребовал привести меня.

Кадеты побежавшие за мной нашли меня в классной комнате, в самом печальном виде. Только в этот день утром за 2-3 часа выданная чистая гимнастерка была забрызгана чернилами, также, как и пальцы рук. Подп. Богоевич, увидев меня в таком виде, вероятно готов был мне сорвать голову и в его гневном взоре я мог прочесть минимум 8 ч. под часами, но выхода не было и меня подвели к Великому Князю. Я готов был провалиться под землю от стыда, не знаю покраснел я или побледнел, но что мои глаза увлажнились я почувствовал и испугался, думая что заплачу, что уж никак не полагалось бравому кадету, хотя бы и в запачканной рубашке. Но весь мой страх как рукой сняло, когда я увидел, что Великий Князь самым искренним образом смеется над моей жалкой фигурой. Вслед за смехом Великого Князя, лица присутствующих офицеров расплылиль в улыбку и даже глаза моего воспитателя перестали мне угрожать стоянием под часами. Насмеявшись вдоволь Великий Князь спросил меня: «Как

тебя угораздило в такой короткий срок так выпачкаться?» Выслушав мой ответ, который я основывал на спешке, чтобы быть вместе с другими около него, Великий Князь ответил пословицей: «Поспешишь — людей насмешишь». Потом спросил: «когда ты упал с лестницы, когда поднимался или спускался?» Такого коварного вопроса я никак не ожидал и замялся, но Великий Князь, не давая мне ответить добавил: «кто кому набил?». Опять таки не ожидая ответа он перешел на обычные вопросы о родителях, об учении и поведении. Услышав, что по поведению у меня двойка он весело обращаясь к начальству сказал: «я так и думал видно, что сорванец-энергии хоть отбавляй. «Наверное эти чернила вылезли бы мне боком, еслиб не Великий Князь, отпуская меня сказал командиру роты: «перемените ему рубашку, но не наказывайте ведь в спешке всяко бывает».

Говорили, что в этот раз адъютант так бережно охранял шинель Великого Князя, что кадетам несмотря на все хитрости не удалось отрезать «на память», ни одной пуговицы, что очень удивило Великого Князя, привыкшего к этому и всегда возившего с собой запасные пуговицы.

О Великом Князе написано так много, что я не думаю, чтобы кто нибудь мог бы добавить о нем что нибудь существенное, кроме сугубо личных воспоминаний вроде моих; но существует маленький анекдотик, как Великий Князь, посетив один из корпусов увидел правофлангового кадета очень высокого роста и так как Великий Князь был и сам очень высокий, то подойдя к нему и примеряясь спросил его: «как ты думаешь кто из нас выше?» Кадет, скосив глаза на свое плечо и плечо Великого Князя, которое оказалось ниже ответил: «кажется я Ваше Императорское Высочество», на что получил ответ: «не выше, а длиннее».

Еще несколько эпизодов из цикла моих воспоминаний о Полтавском корпусе. Корпусной храм, — посередине проложена ковровая дорожка, по бокам дорожки стоят все четыре роты. Однако мне не повезло при рассчете и я оказался крайним к дорожке. Во время Литургии я не заметил, что согнул колено. Через минуту подошел дежурный в.-у. о. и передал приказание директора стоять смирно. Я конечно выпрямил колено, но это не укрылось от взора моего воспитателя. После службы он спросил причину и узнав почему в. у. о. подходил ко мне сказал: «Раз не умеешь стоять смирно в церкви, то поучись под часами пару часов и сегодня останешься без

сладкого. Увы! Трубочку с кремом-пирожное по Воскресениям пришлось отнести на столик дежурного воспитателя, что он и отметил у себя в черной книжечке. Вот тебе и согнутое колено!

На Рождество Христово, я как и многие кадеты, поехал в отпуск к родителям. От Полтавы до Харькова был один или два специальных вагона 3-го класса для кадет, также были специальные вагоны для ехавших в других направлениях. Если память мне не изменила окончательно, то между Полтавой и Харьковым есть станция «Лозовая» славившаяся на весь юг России жаренными пирожками, как «Тула» славилась пряниками, а «Валдай» колокольчиками. Имея деньги в кармане, но не умея ими пользоваться, я объелся этими пирожками до того, что только голодный 1919 год, заставил меня впервые после «Лозовой» съесть снова такой пирожок. Приехав в Харьков, где у меня была пересадка на Курск, я был совершенно болен, на что обратил внимание один офицер и позвал дежурного жандарма, который вызвал станционного фельдшера. Фельдшер, узнав в чем дело дал мне рвотное, а жандарм посадил меня в поезд на Курск. Приехав домой мне все же пришлось принять целую столовую ложку касторки.

В 4-ой роте Полтавского корпуса никакого цука не было, но не дай Бог первокласснику подраться с второклассником, в тот же вечер в спальне будет устроена темная т. е. второклассники побьют недисциплинированного первокласснику. На Пасху я был оставлен без отпуска, за что не помню, вероятно за совокупность многих проступков. Оставшихся кадет 4-ой роты на время Праздников соединили с оставшимися кадетами 2-ой роты, а кадет 3-ей роты с кадетами 1-ой роты. Однажды некий кадет 4-го класса пытался меня цукать, заставляя подзатыльниками приседать и вращаться о чем я не имел никакого представления, но на его несчастие, а мое спасение, это увидел пятиклассник, и вот тогда, я увидел, что такое кавалерийский цук, т. к. этот пятиклассник цукал моего мучителя долго и упорно, внушая ему чтоб он не смел издеваться над малышами.

Перейдя во второй класс и уезжая на летние каникулы, я не думал, что никогда больше Полтаву не увижу, т. к. во время каникул мой отец перевел меня в Псковский корпус, где учился мой старший брат.

Все же некоторых моих одноклассников по Полтаве, я

встретил в Ялте в 1920 году. Трое из них уже были в 7-ом классе: это Г. Самойлович, с которым я сидел первую четверть на одной парте (в дальнейшем Богоевич пересадил меня в первый ряд для лучшего наблюдения), Николай Михайлов отец знаменитого теперь Югославянского диссидента Михайло Михайлова и из второго отделения все того же Петрова, который хоть и вырос, но все же оставался низкого роста. В шестом классе оказались И. Лошунов, Е. Кунаков, Пилипенко все трое с Георгиевскими крестами 4-ой степени и С. Зубрицкий, а из второго отделения Кальченко. В пятом классе кроме меня оказался Н. Ковалевский, который умер в Стрнище, и в четвертом классе М. Потоцкий. Из названных я списался с Лошуновым, но переписка закончилась его смертью во Франции. Слыхал, что Потоцкий живет, где то под Нью-Йорком в своем поместьи названным им «Ахтырка» в память того, что Миша во время гражданской войны был в 12-ом гусарском Ахтырском полку. Так неужели из всех 60-ти первоклассников 1914 года, осталось нас двое?!

Переходя к некоторым событиям в Псковском Корпусе я должен сказать, что разница между Полтавским и Псковским корпусами была настолько мала, что писать о ней может быть и не стоило, но я все же кое что из замеченного упомяну. В Полтавском корпусе кормили вкусней — сказывался юг России. В Полтаве был борщ, в Пскове щи (борщ конечно вкусней), в Полтаве на завтрак бывала жаренная украинская колбаска с тушеной капустой, в Пскове такого вкусного блюда не было. В Полтаве всегда был пшеничный хлеб, в Пскове только утром и вечером была пшеничная булка, а к завтраку и обеду был черный ржаной хлеб очень часто с закалом, но в Пскове были и свои плюсы: квас из ржаного хлеба, настоящий клюквенный кисель, а на Корпусной Праздник и Тезоименитство Государя, Государыни и Наследника к жаркому давали брусничное варенье. В укладе жизни кадет я не помню какой нибудь значительной разницы, м. б. потому что в Полтаве в 4-ой роте 1-ый класс являлся младшим классом, а 2-ой класс старшим в роте, в Пскове же 2-ой класс оказался младшим в 3-ей роте, т. ч. первые 2 года своей кадетской жизни я был «гражданином второго сорта», как теперь принято выражаться. В Пскове в первую же ночь 3-ий класс устраивал темную всему 2-му классу били больше для острастки. Игры кадет были те — же, только городки в Полтаве заменились рюхами в Пскове. Рюхи много трудней.

В Псков я явился вместе со старшим братом и был зачислен во 2-ое отделение к воспитателю кап. Васильеву по прозвищу «крыса». Это был человек лет сорока с седеющим ежиком и повидимому с крашеными иссиня-черными усами.

Моя жизнь в Псковском корпусе началась с полного конфуза. Первые несколько часов я был еще в Полтавских погонах и вокруг меня образовался кружок любопытных как второго так и третьего класса, которые меня распрашивали про Полтавский корпус. Во время разговора подошел еще один третьеклассник и увидев Полтавские погоны удивленно сказал: «ба-Полтавец — откуда ты взялся?» Для меня было ясно, что он знает, что я из Полтавского корпуса и потому вопрос «откуда я взялся» понял как вопрос о моем появлении на свет Божий и я совершенно уверенно ответил: «меня аист принес». Этот ответ произвел впечатление разорвавшейся бомбы, несколько секунд все смотрели на меня с открытыми ртами, а потом взрыв неудержимого хохота прокатился по роте. Хохотали до слез, до коликов в животе при полном моем непонимании, что собственно их так развеселило. Кто-то побежал за братом, кто-то просто орал на всю роту: «Ольденборгер иди сюда», другие вопили: «блоха валяй сюда» (блоха было прозвище моего брата). Когда привели брата и он узнал в чем дело, он покраснел от злости, дал мне подзатыльник и при общем хохоте отвел меня в угол и принялся мне объяснять мою ошибку. Через два-три дня не только вполне освоил истинный ответ на поставленный мне вопрос, но благодаря прекрасной памяти я выучил всю нецензурную поэзию приписываемую не то самому А. С. Пушкину, не то Баркову. Первое прозвище в Псковском корпусе я получил в связи с этим случаем: «рыжий аист», но вскоре «аист» отпал и я стал рыжим, так-же как и в Полтавском корпусе.

Однажды пришло мне письмо от Полтавцев второго класса первого отделения написанное Лошуновым и подписанное всем отделением, в котором мои бывшие однокашники, шутя укоряли меня в измене славному Петровско-Полтавскому корпусу. Подписал письмо и подп. Богоевич, написав, что, хотя я ему причинял много хлопот он все же жалеет, что не видит меня больше, и что теперь ему некого так часто ставить под часы. Все же пожелал мне полного успеха в Псковском корпусе. Я ответил на это письмо и переписка оборвалась, т. к. особенной любовью писать письма кадеты младших классов не отличались.

Во втором классе Псковского корпуса существовал обычай составлять список силачей на все отделение. Список составляли главным образом второгодники, определение под каким номером поставить того или иного решалось поединком т. н. «чистая». Чистая имела свои правила и проводились эти чистые на утренних занятиях, на которых воспитатели не присутствовали. Конечно, мне прибывшему из другого корпуса нужно было отвести соответствующее место, поэтому мне пришлось вызывать и быть вызываемым пока мое место не утвердилось, но насколько этот вопрос вначале меня заинтересовал, настолько быстро я к нему охладел, отдавшись всецело гимнастике на снарядах.

Псковичи были прекрасные гимнасты по тому времени и на обще-корпусных состязаниях в 1911, 12 и 13 годах взяли первый Императорский приз, — кубок, — который по правилам состязаний остался за Псковичами. Вероятно поэтому уже в третьей роте была наклонная лестница, шесты, канат, кольца, козел, кобыла (конь) и турник (перекладина). С тех пор как я приобщился к гимнастике все мое свободное время и все переменки меня можно было найти только в конце широкого коридора, где помещались гимнастические снаряды. Турник я обожал, мои ладони были вечно в крови из за содранной кожи, но это меня не останавливало. Любил я и наклонную лестницу, которая главным образом и развивала мои мышцы. В третьем классе я уже «крутил солнце» в обе стороны и считался отличным гимнастом. Падал я с турника невообразимое число раз, но всегда удачно без поломов костей или вывихов. Однажды все-таки меня отнесли без сознания в лазарет. Случилось это когда я делал «солнце» и выйдя на стойку сорвался и упал стремглав вниз. Упал я сперва на руки, которые слегка смягчили удар головы о тюфяк, но по инерции меня согнуло и я своими же коленями ударил себя по глазам. В то время мой отец был переведен в Псковский Окружной Суд и я с братом ходили к нему в отпуск. На этот раз пришел только брат и сказал, что я в лазарете, т. к. упал с турника. Отец пошел меня навестить, но войдя в палату, где нас лежало несколько не мог меня найти, пока ему не указали кровать, где я лежал, т. к. от удара коленями по глазам были не простые синяки, но все лицо так опухло, что глаза совсем закрылись и узнать меня можно было только по цвету волос, да надписи на цигеле кровати, где на табличке писались мелом фамилия, имя и болезнь.

К моим воспоминаниям о Пскове относятся также 10 минут пешком от корпуса до квартиры отца. Было очень морозно и сильный ветер. Я не захотел надевать казенные наушники, надевать башлык, что разрешалось после — 25° по Реомюру, я считал ниже своего достоинства т. к. только шпаки одевали башлыки, а собственные наушники я забыл взять. Эти десять минут стоили мне отмороженных ушей, несмотря, на то что я их перед выходом из здания натер до красна. Отец заметил, что мои уши побелели и растер их снегом, но все же недостаточно или было поздно и на утро были не уши, а лопухи все в пузырях коричневого цвета, которые потом я долго мазал гусинным жиром.

В Пскове мне довелось во второй и последний раз видеть Государя. Это было в конце 1916-го года и я был в третьем классе. Поезд, Ставки Верховного Главнокомандующего должен был остановиться в Пскове на какое то короткое время и корпус повели встречать поезд. Было очень холодно и мы долго стояли «вольно» в ожидании прихода поезда, было даже разрешено натирать уши и нос снегом.

Когда поезд пришел было уже темновато. Государь в походной форме вышел и обошел наши роты здороваясь поротно и отдал сразу же распоряжение отвести нас в корпус. Во время обхода рот Государем в окне одного из вагонов показался Наследник помахал нам рукой и отошел.

Как известно в Феврале по ст. ст. произошла «великая бескровная» и я будучи в третьем классе никак не мог понять, как может Россия быть без Царя. Никаких определенных воспоминаний, касающихся этого времени в памяти не задержалось кроме, везде мелькавших, красных бантов.

Однажды все кадеты были предупреждены, что после Литургии мы должны будем присягать Временному Правительству. Сам факт присяги несовершеннолетних юношей и мальчиков был настолько из ряда вон выходящей глупостью, что мы получили приказание из 1-ой роты во время чтения присяги поднять не два пальца правой руки, а кукиш, что мы с удовольствием исполнили. Наши воспитатели не могли не заметить этого, но никаких разговоров по этому поводу не было.

Второй случай, который мне запомнился: это то, что по какому то поводу в здании корпуса устраивался какой то аукцион, на котором присутствовала самая разношерстная публика. Для каких целей устраивался аукцион — не имею

понятия. Аукционером был кадет 7-го класса высокий, красивый брюнет б. м. недавно упомянутый в «Перекличке» кавказский князь Торханов. Последним предметом на этом аукционе был портрет тогдашнего премьер министра Керенского. Портрет оцененный в один рубль сразу был поднят на два рубля, какой-то революционной девушкой с огромным красным бантом, после чего аукционеру приходилось долго уговаривать публику набавлять. В конце концов портрет был продан за два рубля семьдесят пять копеек, под ехидный смех собравшихся вокруг трибуны кадет.

По окончании учебного года, я перешел в четвертый класс и с братом уехал в Курск, но узнав, что корпус будет эвакуироваться в Казань вернулись в Корпус к эвакуации, чтоб ехать вместе с корпусом. В августе 1917 года корпус эвакуировался несколькими эшелонами. Разместили нас в здании Духовной Академии, в которой увы! гимнастических снарядов не оказалось. Занятия начались в начале Сентября. Впервые в корпусе появились сыновья разночинцев, которых мы называли «пролетами» от слова «пролетарий», но они были в двух младших ротах.

Вторую роту составляли два отделения пятого класса и два отделения четвертого класса. Во второй роте было что то вроде цука не кавалерийского, а кадетского. Во-первых, во второй роте уже не полагалось без причины бегать по коридору, нужно было уже самому следить за опрятностью и чистотой формы. В четвертом классе разрешалось носить прическу ежик не длинее ширины большого пальца, а в пятом классе разрешался даже пробор, но волосы не должны были быть длинее ширины двух пальцев. Почему такая вольность разрешалась в таком строгом корпусе как Псковский, а в многих других разрешалось только с шестого класса ответить не берусь.

После октябрьской революции и обстрела из нашего здания отхода юнкеров, пришла банда красногвардейцев и не найдя оружия кроме берданок пригодных для обучения приемам, вреда нам не причинила, потребовала снятие погон. С погонами нам, конечно, не хотелось расставаться, но выхода не было и мы, сняв погоны вырезали из них щитки с буквами «Пс. К» нашили эту эмблему на левый рукав гимнастерки.

В мае 1918 года я перешел в 5-ый класс, брат в шестой и мы уехали к родителям в Курск.

На этом заканчиваю свою кадетскую жизнь в Российских

корпусах, которая возобновилась отправкой меня из Добровольческой Армии, согласно приказа Генерала барона П. Н. Врангеля, сперва в Феодосийский интернат, а потом в Крымский корпус.

Сергей Ольденборгер К. К. К.

—

Л. В. Сердаковский

Глава из готовящейся к печати книги

Чему Господь свидетелем меня поставил.

ГЛАВА 2. — КАДЕТСКИЕ ГОДЫ

Оба брата моей матери кончили Тифлисский кадетский корпус, и, конечно, я всей душой рвался туда же. Моя мать была категорически против этого. Она считала, что военная карьера не дает материального обеспечения, в чем она убедилась на примере своего отца, братьев и мужа. Но я, девяти лет отроду, проявил твердость характера: только корпус! Отец не поддержал мою мать, и она махнула рукой — пусть идет! За три недели до экзамена на моих глазах на Головинском проспекте автомобиль раздавил моего пса Тузика. Это, вероятно, поразит западных горе-специалистов по русским делам: в 1914 году в отсталой России в каком-то азиатском Тифлисе вместо верблюдов и ишаков по улицам уже бегали автомобили и даже давили собак! Отец сразу же повел меня в ближайшую кондитерскую Науменко, где я ел мороженое, поливая его горькими слезами.

Из-за этого первого детского горя я выдержал вступительные экзамены только удовлетворительно. Для поступления в Тифлисский корпус, обслуживавший большой Кавказский военный округ, этого было недостаточно. Было предложено три других корпуса в центре России, из которых мои родители выбрали Вольский, как ближайший к Тифлису. Это был трагический 1914 год. Объявление войны застало нас в сердце Кабарды, Нальчике. Съехались три сестры — все офицерские жены — Тамара Думбадзе из далекого Омска, Елена Нижарадзе из Царицына и Нина из Тифлиса. Летние каникулы были скомканы. Мы все поехали в Тифлис чтобы попрощаться с дядей Ираклием, уходившим на фронт со своими гренадерами. Для отцовской родни война началась трагически: в первом же бою был убит мой двоюродный брат Дионисий, только что произведенный в офицеры. Ровно за 10 лет до этого

в самом начале русско-японской войны был убит его отец — пехотный офицер. Попрощавшись с родственниками, уезжавшими в Действующую Армию, отец, мать и я выехали в далекий неведомый Вольск. Разлука с Кавказом воспринималась тогда мною как большое огорчение. Потом я понял, что это была удача, давшая мне возможность пожить на берегах великой русской реки, столь отличной от кавказских Куры, Арагвы и Терека. Я испытал суровую русскую зиму и очарование постепенно расцветающей русской весны, познакомился со среднерусской природой и архитектурой и воочию убедился, как велика и разнообразна была Россия. Без этого мое представление о России ограничилось бы Кавказом и Крымом, драгоценными, но не типичными жемчужинами в короне Российской Империи.

Вольск оказался маленьким уездным городом, еще более провинциальным, чем Владикавказ. Известен он был лишь красивым видом на Волгу, печенежскими курганами, в которых прятались когда-то пугачевцы, и окрестными монастырями.

В городе было много церквей и несколько совсем не внушительных присутственных мест. Высоких домов я не помню даже в центре. Была тут еще одна весьма сомнительная достопримечательность: Вольск послал своим представителем в Государственную Думу А. Ф. Керенского. На весь город было два генерала: директор кадетского корпуса и мой отец, который недолго выдержал в этой провинциальной тишине и укатил в Москву. Я жил в корпусе и только по праздникам приходил в отпуск к матери, поселившейся в маленьком, но очень уютном и теплом деревянном домике. Всю первую ночь будущий вояка проплакал.

Утром проснулся от страшного грохота: барабанщик выбивал подъем над моей головой. Было темно и холодно. Когда мать на следующий день пришла навестить меня, я, глотая слезы и забыв о своих настойчивых приставаниях «Хочу в корпус!», просил ее сейчас же взять меня домой. Мать всполошилась и собралась идти к директору. Дежурный офицер, воспитатель уговорил ее подождать, уверяя, что именно такие малыши «маменькины сынки» потом становятся хорошими кадетами. И действительно, я скоро привык к кадетской жизни и навсегда полюбил эти замечательные русские учебные заведения.

Вольский корпус незадолго до моего поступления был пе-

реформирован из «исправительной школы» в обыкновенный кадетский корпус. От прошлого осталась только строгая дисциплина и желтый погон. Отношение воспитателей и преподавателей было, как и в других корпусах. Они не ограничивались формальным выполнением своих обязанностей, а старались подготовить нас к высокому офицерскому служению. Как они это делали, показывает случай, происшедший со мной. Я шел с матерью по улице и встретился с офицером в неизвестной мне форме Я не знал, нужно ли его приветствовать и прошел мимо. На вечерних занятиях наш отделенный офицер-воспитатель задал нам два вопроса: первый — как надо относиться к человеку в несчастье? Ответ ясен: внимательнее, чем обычно. Второй вопрос: какое самое большое несчастье для офицера? Для нас, сыновей офицеров, ответ тоже был ясен: попасть в плен к неприятелю. «Правильно», — сказал воспитатель, — а вот вчера я видел, как Сердаковский не отдал чести пленному турецкому майору, то есть офицеру, попавшему в несчастье, (в Вольске были поселены пленные турецкие офицеры), к которому надо было бы быть вдвойне внимательным. Ты понял?» — «Так точно, понял!» И запомнил на всю жизнь.

Я думаю, что русские кадетские корпуса были лучшей средней учебной школой в мире. Громадная заслуга в этом принадлежит царственному поэту, писавшему под скромными инициалами К. Р. Великий Князь Константин Константинович, генерал-инспектор военных учебных заведений, был широко образованным и отзывчивым человеком, знатоком и ценителем русской литературы, поэтом и драматургом, написавшим «Царя Иудейского». Очень любил молодежь. Благодаря своей романовской памяти, Великий Князь запоминал всех кадет, которых встречал, помнил их фамилии, корпуса, в какие училища и полки они выходили. Кадеты его обожали, а малыши старались незаметно срезать пуговицы с его сюртука и пальто себе на память. Память о К. Р. бережно хранится всеми бывшими кадетами, «последними могиканами», которые твердо верят, что рано или поздно им на смену придет в России новое поколение кадет «суворовцев».

В гражданскую войну белых часто называли «кадетами», совмещая представление о мальчишках в погонах, дравшихся против «вооруженного авангарда мирового пролетариата», красной армии, с сокращенным названием буржуазной партии конституционных демократов. Стремясь использовать

историческое и культурное наследие ненавидимого ими царского режима, большевики в своих политических целях создали по примеру кадетских корпусов суворовские и нахимовские училища. Форма была у них совсем такая же, за исключением звезды, серпа и молота, заменивших корону и двуглавого орла. В старых корпусах никакой политграмоты не было, а в новых училищах настойчиво вбивался марксизм-ленинизм. В этом противоестественном сочетании сказалась вся ложь и цинизм КПСС. С одной стороны великий русский полководец Суворов, глубоко верующий человек и русский патриот с его «С нами Бог, мы русские!», с другой — безбожники и ненавистники России Маркс и Энгельс, считавшие славянство удобрением для немецкой расы. Живи Суворов, Кутузов и Нахимов в дни октября, они были бы расстреляны как «золотопогонники». А потомки убийц царских генералов и адмиралов кощунственно используют их имена для укрепления своей марксистской диктатуры в России. Обмануть можно один-два раза, но обманывать бесконечно — нельзя. Советская молодежь — будущее страны, как всякая молодежь — чутка к фальши и лжи. Рано или поздно ей придется сделать выбор между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и своими шефами Суворовым и Нахимовым — с другой. Можно не сомневаться, что молодежь выберет Суворова, а не Маркса, и тому есть доказательства. В 1960-х годах в советских вооруженных силах возникла оппозиционная «Кадетская лига», созданная бывшими суворовцами. Название «кадетская» было принято, чтобы подчеркнуть преемственность суворовцев и нахимовцев от царских кадетских корпусов. По словам одного из его участников, сила этого движения была в дружбе и доверии друг к другу, в стремлении быть полезным России и в понимании ложности коммунизма. Члены «Лиги» подвергаются постоянным репрессиям, но дух ее жив. Известно, что с ослаблением настоящей или воображаемой угрозы Советскому Союзу извне патриотическая пропаганда временно сдается в архив.

В советской печати появились руководящие статьи против ношения царских орденов, о которых вдруг вспомнили, когда немцы стали подходить к Москве, и о разнице между советскими училищами и старыми кадетскими корпусами. Другая, мол, идеология, разные цели, разный классовый состав и т. д. Я думаю, что поздно. В минуту опасности пришлось выпустить на свободу духов славного русского прош-

лого, начиная от Св. Князя Александра Невского до генерала Драгомирова. Но загнать их обратно в ящик Пандоры будет гораздо труднее. В критический момент русская военная молодежь — настоящие и бывшие суворовцы и нахимовцы вспомнят, чьи имена они носят и к чему это их обязывает.

С переходом во второй класс я был переведен в Тифлисский корпус.

После Вольска Тифлис показался мне столицей. Война тут ощущалась мало: появилось больше военных в новой защитной форме. Как-то в субботу, идя с одноклассниками из корпуса домой, я встретил отца. Желая похвастаться, я скорчил рожу. Отец остановился и сказал: «Возвращайся в корпус и доложи, что не умеешь становиться во фронт». Делать было нечего, я вернулся в корпус. «Ты знаешь этого генерала?» — спросил дежурный офицер. «Так точно, знаю». — «Как его фамилия?» Я молчу, но... все-таки пришлось сказать. Дежурный распек меня и оставил без отпуска. Но и отцу досталось от моей матери, когда она узнала причину моего опоздания. Мы, одиннадцатилетние мальчишки, были очень горды своей кадетской формой и родством, по словам К. Р., с «великой военной семьей». Это чувствовалось во всем. В театре, во время антракта мой отец, старый генерал, и я, кадет 2-го класса, стояли рядом, т. к. в антрактах военным сидеть не полагалось. Эта традиция пошла из Петербурга, где в театрах бывал Государь. А какое чувство национальной гордости и воинского единства вызывали звуки русского национального гимна «Боже Царя храни», этого музыкального шедевра!

Уже тогда у меня зародился живой интерес к политике. Помню, как отец и его друзья, такие же отставные генералы, обсуждали поражение 2-ой армии генерала Самсонова. Огорчение было общим, но никому не приходило в голову, что это якобы предрешило исход войны. Было ясно, что это жертва для спасения союзной Франции, большая, но местная, неудача на одном фронте, в то время, как на других — австрийском и кавказском — были победы.

Жизнь в корпусе шла своим чередом. Появились новые воспитатели из раненых офицеров. Один из них не очень подходил для этой роли, но магический белый крест на его груди — орден Св. Георгия — с лихвой окупал его светские недостатки. Однажды он крикнул перед построенной третьей ротой: «Эй, жирнай, выйди из строя!» «Жирнай» — правнук

светлейшего князя Барятинского, победителя Шамиля и личного друга Императора Александра Второго, неповоротливый и невозмутимый толстяк, неуклюже потоптался и вышел из строя. Инцидент был исчерпан.

Кадеты внимательно следили за ходом войны. В младших классах собирали портреты союзников: английского короля Георга Пятого, двоюродного брата нашего Государя. Они были очень похожи друг на друга. (Знаменитый знаток отечественной истории и великий советский государственный деятель Никита Хрущев был поражен, увидев, что в кабинете английского премьер-министра висит портрет Государя Николая Второго. Антони Иден объяснил высокому советскому гостю, что это портрет не русского Императора, а его двоюродного брата, английского короля Георга). Кадеты охотились за портретами французского президента Пуанкарэ с лентой и звездой на фраке, сербского короля Петра и черногорского короля Николая. Исторический штрих: когда, в то время еще князь Николай Черногорский приезжал в Россию, Император Александр Третий провозгласил за него тост как за «единственного друга России». Особенно популярны были бельгийский король Альберт и сербский престолонаследник Александр. Кадеты первой роты волновались, что из-за нашей скорой победы они не успеют попасть в действующую армию. На мраморной доске появились фамилии георгиевских кавалеров — бывших тифлисских кадет. Среди них был наш родственник князь Коци Нижарадзе. Он командовал, если не ошибаюсь, 82-ым пехотным Дагестанским полком. Его солдаты подобрали на поле боя маленькую девочку, турчанку, которую полк удочерил. Она была крещена Александрой в честь Императрицы и получила фамилию по полку — Дагестанская. Я ее видел потом в Тифлисе, где она никак не могла освоиться в гостинных, но по-русски уже болтала.

В тифлисском корпусе было воистину смешение языков — Абашидзе, Азери, Ахвледиани, Балбашевский, Барнов, Бебутов... и так до Якунина, — список моего отделения, который я не забыл за 65 лет. Почти в каждом классе были персы, включая принцев династии Каджар. Поначалу им было трудно с русским языком, но их тянули изо всех сил, и начальство, и товарищи-кадеты. Пребывание в русских корпусах и училищах делало персов, сиамцев и других иностранцев друзьями России. Это была дальновидная политика царско-

го правительства. Я дружил с Турабом Азери, сыном персидского генерального консула, потом окончившим знаменитый французский Сен-Сир. Для неправославных посещение церковных служб было необязательно, но многие ходили добровольно. Службы были короткие, «строевые», пел свой кадетский хор. 8-го ноября, в день корпусного праздника, на Св. Михаила, приезжал епархиальный архиерей со своим хором, и тогда происходило соревнование между певчими. 14 января, в день Св. Нины, просветительницы Грузии, устраивался бал в Заведении Св. Нины — тифлисском втором институте «благородных девиц». Приглашались туда старшие кадеты. Мне удалось побывать на этом балу только раз, и то фуксом.

ГЛАВА 4 — ФЕВРАЛЬСКИЕ ЦВЕТОЧКИ И ОКТЯБРЬСКИЕ ЯГОДЫ

В Тифлисе революция подкралась как-то незаметно. На улицах исчезли городовые, кое-где появились красные флаги. Неприятное впечатление производили войска, марширующие с этими флагами. Играли «Марсельезу», — до «Интернационала» докатились позже. Никакого энтузиазма среди населения я не заметил, но, конечно, наблюдения 13-тилетнего мальчика были ограничены. Новый Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич выехал из Тифлиса в Ставку, но Временное Правительство не допустило его к должности и немедленно уволило. Это была одна из самых больших ошибок февральских умников: Николай Николаевич был популярен в армии, особенно среди солдатской массы («не любит генералов») и своим авторитетом мог бы остановить начавшийся развал. Мне особенно запомнился день, когда пришло известие об отречении Государя. Корпус с оркестром на правом фланге был построен в парадном зале. Директор корпуса генерал-лейтенант С. С. Дурново кратко сказал об отречении и закончил так: «А теперь в последний раз за здравие Его Императорского Величества Государя Императора — ура!» Грянул гимн и такое «ура», какого я никогда в жизни не слышал. Мы кричали до хрипоты, и офицеры-воспитатели не могли нас остановить. Почти у всех на глазах были слезы. В своих монархических чувствах тифлисские кадеты не были исключением. То же самое было и в других корпусах. В Одесском корпусе кадеты сожгли красный флаг и промаршировали по городу с обугленным древком, что привело к серьезным осложнениям. Показательный случай рассказывает генерал Позднышев: «Синий император-

ский поезд шел без задержек, держа направление на Оршу, Смоленск, Вязьму, Царское Село. Все было мирно и спокойно, как всегда... На больших станциях царский поезд встречали и провожали местные власти... Подходя к одной из маленьких станций, поезд сильно замедлил ход. Вдали на платформе стояло множество людей. Вдруг, как огневая искра, прорезая мглу, донеслись звуки «Боже Царя храни». Как будто теплая радостно-дрожащая волна заполнила души человеческие. Свита бросилась к окнам. Пехотный полк шел на фронт. Часть рот стояла в строю, другие бежали вдоль царского вагона и кричали исступленно-восторженно: ура, ура, ура!...»

Дома настроение было скептическим. Большинство родственников и знакомых считало, что устраивать революцию во время тяжелой войны с внешним врагом и, буквально, накануне победы — безумие. В корпусе революция обрадовала лишь нашего ротного каптенармуса, не долюбливавшего «дворянчиков». Было приказано снять с погон вензеля нашего шефа Великого Князя Михаила Николаевича, бывшего Наместника на Кавказе, где его любили и помнили. Характерна была реакция кадет: вензеля сняли, но кто мог доставал накладные офицерские «М» с короной и цеплял на погоны. Было отменено титулование «Ваше Превосходительство и было приказано называть директора корпуса «господин генерал», а инспектора, старого и заслуженного действительного советника — «господин инспектор». Хорошо еще, что не «товарищ!» Было также отменено становиться во фронт. Отдавая дань говорильному недержанию, было приказано выбрать двух представителей от класса. У нас выбрали недавно переведенного из России второгодника, невозмутимого Хана Михтулинского и меня. В чем именно состояли наши обязанности — не знали ни мы сами, ни начальство. За все время мы имели только один деловой разговор с кем-то из преподавателей, и это все. Выбирали ли своих представителей малыши третьей роты — не помню.

Октябрьский переворот был воспринят в Закавказье как узурпаторский акт, грозящий политическим и экономическим хаосом, и вызвал спешное образование Закавказского комиссариата, вскоре распавшегося на Грузинскую, Азербайджанскую и Армянскую республики. Ни о каком отделении от России не было речи; это была санитарная мера временного отрыва от центра анархии. Кавказский комиссариат и его

наследники — республики считали себя не самостоятельными государствами, а членами Российской Федерации. Ни одна из грузинских партий об отделении от России не заикалась. Их азербайджанские и армянские товарищи повторяли слова Гегечкори, что считают Закавказье только «частью России». Сепаратистские и антирусские настроения обозначились позже, уже в эмиграции. Эти влияния имеют свою историю: сначала они поддерживались Австрией, потом Польшей, затем частично англичанами и, наконец, Германией. Позиция Соединенных Штатов в русском вопросе была ясной и твердой. Государственный Секретарь Роберт Лансинг писал в 1918 году, что Америка «сделает все возможное, чтобы защитить интересы России...

В начале войны ни одна армия по духу не могла сравниться с русской; только благодаря преданности армии был преодолен недостаток артиллерийского снабжения. Россия выполнила свой долг великой державы, положив начало победы над Германией. Русский народ заслужил право рассчитывать на помощь в его попытках самому распоряжаться своими собственными делами... Мы должны твердо стать против анархии, классовой тирании и большевистского террора...»

Из разговоров старших мне особенно запомнился спор между Николаем Думбадзе — одним из четырех братьев-генералов, о которых шутя говорили, что на них держится Российская Империя, — с видным грузином большевиком Цхакая. Неискушенный в политике генерал говорил мало, но толково, а Цхакая сыпал цитатами, именами и цифрами и доказывал неизбежность конечной победы коммунизма. Это был мой первый урок политграмоты.

Порча русско-грузинских отношений затронула и мою семью. К нам приехала из Царицына сестра моей матери княгиня Елена Нижарадзе с двумя сыновьями и дочерью. Ее муж поехал дальше в Баку, где ему было предложено штаб-офицерское место в новой азербайджанской армии. Там не хватало своих офицеров, и военный министр, царский генерал Мехмандаров набирал офицеров-грузин. Пережив в Царицыне ужасы красного террора и экономическую анархию, Нижарадзе попали в свободную Грузию, у младших Нижарадзе, не знавших ни слова по-грузински, грузинский шовинизм, которого они не чувствовали, живя в мирное время в России. Я же как кадет и кавказец отталкивался от растущего в Грузии местного шовинизма и тянулся к обще-российскому еди-

нству, декларированному в лозунге Добровольческой Армии «За единую и неделимую Россию». Много желчи и чернил было пролито противниками «единой». А вот совершенно такая же формула принята в присяге флагу Соединенных Штатов.

Вместо обычной мальчишеской пикировки «кадеты — гимназисты» между мной и моим кузеном начались стычки по национальному признаку — «ваши бояре и холопы», «ваши князья и кинтошки». Грузинские князья часто бывали темой для острот. Раз в Париже в присутствии князя Дадиани кто-то из русских сострил, что если у грузина есть пять баранов и сам шестой, то он уже и князь. «Это не всегда так, — сказал Дадиани, — я знаю одного грузина, у которого 180 миллионов баранов, а он все-таки не князь».

В Тифлисе появились германские войска. Это было гораздо лучше турок, но все-таки немцы были врагами. В других частях России они приносили с собой освобождение от большевистского террора и порядок, и поэтому это забывалось. В Грузии порядок был и без них. Грузинское правительство, лавируя в сложной международной обстановке, старалось задобрить немцев. Немцев сменили англичане, и шотландские юбки стали объектом шуток тифлисских кинто. С англичанами, как с союзниками России, кадеты пытались объединиться, но мешало незнание языка.

Первая годовщина независимости Грузии была отмечена торжественным парадом. В длинной процессии шли красивейшие девушки и юноши всех частей Грузии. Особо выделялись пшаты и хевсуры в рыцарских доспехах времен крестоносцев. Эти два маленьких племени были потомками западных рыцарей 4-го крестового похода, не дошедших до Святой Земли и вместо Иерусалима взявших в 1204 году Константинополь. Контратака Алексея Комнена отрезала часть крестоносцев от выхода в Мраморное море. Рыцари осели на черноморском побережье Кавказа, смешались с местным населением, и их правнуки сохранили доспехи 13-го века. В первой колеснице ехала красавица Нина Утнелова, изображавшая Грузию. Странная вещь человеческая память: сколько фамилий забыто, а эта случайная осталась, запомнилась, как и фамилия примабалерины тифлисской оперы Бауерзакс и балетмейстера Вакарец, которых я видел только на сцене казенного театра, и то редко. Во второй колеснице во всем красном восседала Революция. К моему возмущению

она оказалась моей кузиной Муней, не посмевшей сказать об этом дома. Изображай она что-либо другое, никто бы ее не попрекнул, но княжна Нижарадзе в роли Революции — неприлично!

Вскоре Нижарадзе переехали в Баку, и весной 1919 года я поехал их проведать. Политически между Тифлисом и Баку была большая разница. В Грузии чувствовался порядок и некоторая, явно временная, но все же устойчивость. В Азербайджане, имевшем гораздо меньше своей интеллигенции и офицерства, было неспокойно. Ощущалась близость турок, заинтересованных как в бакинской нефти, так и в своих мусульманских соседях. Большую тревогу вызывало другое, еще более опасное соседство: русские большевики, всячески подстрекавшие бакинский пролетариат и обострявшие национальные противоречия.

Азербайджан жил под знаком политических событий: религиозные чувства уступали место политическим страстям. Одним из моих ярких детских впечатлений была мусульманская процессия в Баку, куда мы приехали в гости. Шла громадная полуголая толпа мусульман-шиитов. Под клики «шахсэй-вахсэй» люди били себя цепями и кололи кинжалами, кровь текла на тротуар. Не было ни полиции, ни зрителей: европейцам рекомендовалось сидеть дома с запертыми дверями. Это была настоящая Азия. В Грузии было тоже не легко, но надо отдать справедливость грузинской социал-демократии, правившей страной в короткий период ее самостоятельности. За исключением ошибочной политики по отношению к Добровольческой Армии и чрезмерного доверия к обещаниям их европейских товарищей по Второму Интернационалу, грузинские меньшевики проявили государственную зрелость и распорядительность в исключительно тяжелых условиях. Когда начался распад Кавказского фронта, и солдатские массы, потерявшие всякий воинский вид, потекли на север, домой, грузинское правительство направляло до отказа набитые эшелоны на Баладжары в обход Тифлиса. Этот маневр сохранил столицу Грузии. Председатель грузинского правительства Ной Жордания имел полное основание заявить, что «наша политика спасла нас от разгрома самовольно снявшихся с фронта полков», что «мы избежали гражданской войны, уберегли себя от внешних авантюр, удержали все завоевания революции . . .». Сакраментальное упоминание о «завоеваниях революции» было обязательным ритуалом тех смутных времен.

Деникинские войска очистили от большевиков Северный Кавказ, и бело-сине-красный флаг сменил серп и молот на северных границах Грузии. Надо было налаживать отношения с новыми соседями, официальным представителем которых приехал в Тифлис генерал Баратов. Это был удачный выбор. Баратов был осетин, прекрасный офицер генерального штаба, знавший и любивший свой родной Кавказ, где его считали своим. Он отбывал ценз генерального штаба в Северском драгунском полку, приняв на год первый эскадрон от моего отца. В Первую мировую войну Баратов командовал экспедиционным корпусом в Персии, в который входила Кавказская кавалерийская дивизия. Получив приказ связаться с английскими войсками в Месопотамии, на которых сильно наседали турки, Баратов отправил туда казачий отряд сотника Гамалея. Казаки проделали труднейший переход через безводную пустыню, и связь с англичанами была установлена. Это было сенсацией, прославившей Баратова. Советское правительство сразу учло опасность его пребывания, как представителя Добровольческой Армии в грузинской столице и приняло соответствующие меры. Местные большевики бросили в экипаж Баратова бомбу на Верийском спуске. Генерал остался жив, но ему пришлось спешно ампутировать ногу. По желанию отца я навестил генерала в военной больнице и был поражен его бодростью. Но своей миссии — примирения грузии с белым командованием он физически выполнить не мог. Его заменил нижегородский драгун полковник Ден. Ден хорошо знал Тифлис и грузин, но не имел такого авторитета и связей как Баратов. В эмиграции Баратов создал Союз русских военных инвалидов и развил кипучую деятельность по сбору пожертвований. Маленького хромого генерала в черкеске с орденом Св. Георгия знала вся Зарубежная Русь и ее иностранные друзья. Баратов умел находить и поддерживать нужные связи с «сильными мира сего». Кажется в 1924 г. я пришел к Баратовым на 1-ый день Пасхи. Генерал куда-то торопился. Он внимательно осмотрел меня с головы до ног — я был еще в военной форме — и сказал: «Сырную пасху попробуешь потом, а сейчас поедешь со мной к Патриарху Димитрию. Мне сообщили, что там будет Король Алексанdр». Тут опытный стратег сделал тактическую ошибку: вместо того, чтобы нанять такси, мы поехали на трамвае. И когда, наконец, доплелись до резиденции Патриарха, было поздно: Король уже уехал.

Баратов умер в тридцатых годах в Париже, но созданный им Союз русских военных инвалидов за границей продолжает существовать и до сих пор.

После отъезда Баратова из Тифлиса отношения между генералом Деникиным и грузинским правительством стали ухудшаться. Вместо серьезного совместного обсуждения тревожного положения обе стороны соперничали в упрямстве в спорах о мелких пограничных вопросах. Английские военные представители на юге России пытались примирить белых и Грузию, но это только вызвало обвинения со стороны Грузии в том, что англичане пристрастны к Деникину. Грузинское правительство начало по-настоящему беспокоиться и приобретать оружие только тогда, когда исчез прикрывавший их с севера белогвардейский заслон, и части красной армии вошли в Терскую область. Мобилизация была объявлена в Грузии в апреле 1920 года после падения Азербайджана, что решило и судьбу Грузии. На фоне этих грозных событий восторг грузинских социал-демократов по поводу юридического признания Грузии 27-го января 1921 года Верховным Советом Союзников представляется верхом наивности, и это было не событием «величайшей важности», а очередным самообманом Великих Демократий и введением в заблуждение демократий не великих. Армения была уже в руках большевиков, а Грузия окружена со всех сторон советскими войсками. В начале февраля 1921 года местные большевики создали «грузинский совнарком» в маленьком местечке Шулаверы и обратились с призывом о помощи к командующему 11-ой советской армией Геккеру. 11-ая армия перешла границы Грузии в нескольких местах. 27-го февраля грузинская армия оставила Тифлис, и на третий день Шулаверский совнарком въехал в столицу Грузии. Независимая Грузия, официально признанная советским правительством, 7-го мая 1920 года, перестала существовать. Все старания грузинского социал-демократического правительства сохранить страну, строго придерживаясь нейтралитета, и расчеты на помощь западных демократий оказались тщетными. Не помогли ни визиты знатных гостей — делегации Второго интернационала с бельгийцем Вандервельде и французом Альбертом Тома, ни старания не раздражать своих недавних товарищей по революционной работе. Надо было не ждать, пассивно, своей очереди восхождения на советский эшафот, а действовать активно: заключить военно-оборонительный

союз с Азербайджаном, Арменией, горцами Северного Кавказа, и прежде всего с Добровольческой Армией, которая признала независимую Грузию почти на два года раньше правительства Ленина (25 сентября 1918 г.). Ленин прекрасно понимал, какую опасность для советского режима представляли бы объединенные антисоветские силы. «...если бы все эти маленькие государства пошли против нас, — писал он потом, — нет сомнения, что мы потерпели бы поражение. Это прекрасно понимает каждый. Но они не пошли, потому что понимали, что большевики более добросовестны...».

Уход белых поставил закавказские республики лицом к лицу с беспощадным и коварным врагом. Конечно, критиковать через 60 лет много легче, чем принять правильное решение на месте, в условиях революционного угара и военной беспомощности. Подтвердилась пословица, что чужим опытом никто не богатеет. Трагедия закавказских республик ничему не научила ни прибалтийские страны, ни великие демократии Запада. Часто говорят, что политика, мол, грязное дело. Это не совсем так. Хирургическая операция тоже грязное дело — кровь, гной, опасность заражения. Но руки и намерения хирурга должны быть чисты. То же самое относится и к политике. Подлинный государственный деятель — не тот великий комбинатор, который в интересах своей страны или класса или идеологии, не говоря уже о личном честолюбии, прибегает к обману, идет на компромисс с совестью и не щадит человеческие жизни, а тот, кто помнит уроки истории, разбирается в сложностях мировой обстановки и сознает свою ответственность перед нынешним и будущим поколениями.

По существу вопрос идет сейчас не столь о «демократизации» тоталитарных режимов, сколь о христианизации или хотя бы моральном упорядочении политического мышления и поведения «сильных мира сего». **Л. В. Сердаковский**

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Е. Лазарев — 6 долларов; А. Боголюбов — 6; В. Данилов — 8; П. Харьковский — 100; О. Чебышев — 14; С. Якимович — 20; И. Квятковский — 10; Д. Саринов — 10; Г. Грейц — 2; А. Руссиан — 4; В. Величков — 3; П. Пагануцци — 50; В. Донцов — 8; А. Иордан — 8; Б. Белоусов — 4; Е. Грис — 3; Е. Кормилев — 5; Л. Хантель — 20; В. Высоцкий — 10; С. Якимович — 10; Т. Е. Пухтаевич — 500; Объединение Лос Анжелес — 100; Объед. Сан Франциско — 100 долларов.

Итого: 1001. — доллар.

ЭВАКУАЦИЯ РУССКОЙ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ЮГОСЛАВИИ.

Приближалась осень 1944-го года. Участились воздушные рейды американской авиации. Редко проходили спокойно дни без завывания сирен, предупреждая население столицы о приближении формации бомбардировщиков. Вылетали они с баз северной Африки и южной Италии и, соединившись в одну формацию, продолжали свой путь на север в направлении Белграда.

Когда же эта армада, несущая смерть и ужасы разорения, приближалась к Белграду, раздавались душу-раздирающие звуки сирен, жизнь города замирала, улицы пустели, все скрывались в бомбоубежища или погреба домов. Проходило время в томительно-нервном ожидании — что будет дальше? Будут ли бомбить или, разделившись на три формации, полетят дальше бомбить Вену, Будапешт и Плоэшти. Если улетали, то опасность бомбежки оставалась, т. к. возвращаясь на свои базы, оставшиеся бомбы бросали на Белград, причиняя небольшие разрушения со сравнительно малым числом убитых и раненых.

Бомбили Белград довольно редко, но бомбежки были варварски-жестокие, не считаясь с тем, что Югославия была союзницей. Для увеличения эффекта уничтожения, бомбы скрепляли цепями, «стелили ковры» и разрушениями прорезали новыя улицы, убивая, калеча всех, кто попадал под этот «град смерти». Каждая бомбежка уносила сотни жизней жителей столицы. Население было терроризовано налетами и жило в страхе от бомбежек своими союзниками.

Так проходили дни, недели. Полное отсутствие официальных сведений порождали различные толки о положении на фронтах, но было все же очевидным, что немецкие войска отступают, красная армия неудержимо приближается к Балканам.

Наступили тревожные дни для Русской Белой эмиграции. Явилась необходимость решения: оставаться на местах или уезжать в Германию, воспользовавшись набором на работы? Каждый по своему приходил к одному из этих решений.

Немецкие окупационные власти, в виду создавшегося положения, предоставили возможность заранее эвакуироваться семьям чинов Русского Охранного Корпуса и всем русским эмигрантам, желающим воспользоваться этой возможностью. Был установлен день, час и место сбора.

В Русском Доме шла регистрация и выдача документов. Советовали брать с собою самое необходимое и ценное в ограниченном количестве, сколько могли нести сами.

Подошел назначенный день эвакуации.

Ранним пасмурным осенним утром со всех сторон города шли люди, неся в руках свой багаж, к месту сбора на угол улиц Короля Милана и Милоша Великого. Занимали место в порядке очереди на тротуаре и ставили перед собою багаж, то «имущество», которое могли уложить и понести сами без посторонней помощи. Уходили, кто из собственного дома, оставляя все то, что было создано тяжелым трудом многих лет, а кто из скромной, уютно обставленной, квартиры, заперев дверь и взяв ключ с собою на память, а кто из маленькой комнатки со скромной обстановкой, где-то на окраине города. Двадцать четыре года прожитых в стране, давшей приют и материальную помощь русским беженцам в трагические дни испытаний, предоставившей возможность каждому устроить свою жизнь и остаться **человеком.** И эти двадцать четыре года оставались позади со всеми их радостями и горестями.

Начали подготовку к погрузке. Разбили всех на группы. Вскоре подошли грузовые автомобили для перевозки на станцию Земун, где приготовлен был эшелон. Автомобили остановились перед группами. Началась погрузка. Взяв свой багаж, не спеша, подходили к грузовику и, помогая друг-другу подниматься в кузов, занимали места на скамьях. Закончив погрузку первой партии, автомобили тронулись в путь. Вытянувшись в колонну, пошли по пустынным улицам к новому мосту через Саву. Был ранний час и город еще спал. Замедлив ход, переехали мост и, набирая скорость, стали быстро удаляться от Белграда. Исчезали в утреннем тумане обрывистый берег Савы, покрытый зданиями, Калемегдан, Патриарший Дом, Кафедральный Собор и только крест на колокольне, как бы благославляя уезжающих, оставался виден на небе. Каждый был занят своими мыслями. Некоторые, прикрыв лицо платком, старались скрыть набегавшие слезы, некоторые крестились и шептали молитвы... Трагедия повторилась: как двадцать четыре года тому назад, тоже осенью, покидали русские люди свою Родину, так и теперь расставались со спавшей родной страной и ее народом.

Колонна автомобилей подошла к станции и остановилась у путей, где стоял длинный состав товарных вагонов. Так

же, как и при посадке, помогали друг другу высаживаться из кузовов автомобилей. Со своим багажом шли к поезду и собирались группами перед вагонами. Колонна автомобилей ушла обратно за следующей партией. Сделав несколько рейдов, все были перевезены из Белграда к поезду. Ожидали начало погрузки. Время подходило к возможному приближению к Белграду формации американских бомбардировщиков и люди стали волноваться, но сопровождающие эшелон особенно не спешили, что еще больше действовало на нервы стоящих у вагонов. Наконец объявили о погрузке и скором отходе поезда. Просили поспешить. Те кто могли, влезли без посторонней помощи в вагоны и, сначала, принимали багаж, а затем помогали влезть в вагоны детям, женщинам и пожилым людям. Вскоре никого не осталось на путях около поезда. Начальник станции подал знак отправления. Паровоз засвистел, запыхтел и поезд тронулся. Застучали колеса, замелькали станционные здания, дома пригорода и поезд, увеличивая скорость, вышел в открытое поле. Удалялись от Земуна, а на горизонте был виден Белград. Подходили к открытым дверям вагона посмотреть на него. Поезд продолжал свой путь и на повороте изчез вид на Белград. Прощай наш город, быть может, навсегда.

Закрыли дверь вагона. Через маленькие боковые окна поступало мало света и в вагоне был полумрак. Не было ни нар, ни скамеек, ни даже соломы, но приходилось мириться с действительностью и как-то устраиваться «удобнее», используя для этого то, что каждый имел, то-есть свой скромный багаж.

Поезд, не останавливаясь на станциях, продолжал свой путь. Прошел Румы, Сремские Карловцы и приближался к Новому Саду. Не доезжая моста через Дунай, резко затормозил и остановился. Раздались тревожные гудки паровоза. По вагонам передавали о возможном воздушном налете. Те, кто могли, покидали поезд и спешили укрыться в кукурузе недалеко от полотна железной дороги, но многие оставались на местах. Проходило время в нервном напряжении ожидания налета, но «налетчики» не появлялись. Паровоз загудел отбой. Возвращаясь к поезду, заметили на поле плакаты с надписью **«минировано»**, но все закончилось благополучно, никто не наткнулся на мину. С трудом, подсаживая друг-друга, влезали в вагоны и, подождав немного, поезд медленно пошел к мосту. Взорванный мост был примитивно восстановлен

для движения и его вид навел страх на всех пассажиров. Поезд пополз по этому фантастическому сооружению, благополучно добрался до берега и через несколько минут остановился на станции «Новый Сад». Остались следы недавней бомбежки. Крыло вокзала было разбито бомбами и уничтожено пожаром, пути были изрыты воронками разорвавшихся бомб и только часть их была поправлена. В воздухе пахло гарью. Объявили, что поезд задержится на час и пассажиры могут отлучиться на это время. Прежде срока, из боязни опоздать, все были в вагонах и в назначенное время поезд отошел.

Первый день «эмиграции» подходил к концу. Стало смеркаться. В вагонах темнело. Освещения не было и пассажиры спешили устраиваться на ночлег. Смолкли разговоры. Утомленные необычными переживаниями дня, засыпали, а поезд, продолжая свой путь, приближался к границе с Венгрией. Станция Суботица. Последняя остановка на территории Югославии.

Утро встретили в Венгрии. Поезд стоял на маленькой станции и пассажирам предлагали получить легкий завтрак. Первый раз за сутки, каждый с удовольствием выпивал кружку горячего эрзац-кофе с маленьким бутербродом. Отправление поезда задержали, чтобы предоставить возможность пассажирам отдохнуть от неудобств товарных вагонов и предупреждали, что следующая остановка будет через несколько часов в Вене. Просили не покидать района станции. Закончилось время отдыха. Гудок паровоза предупредил о скором отходе. Пассажиры спешили в вагоны и, когда перон опустел, начальник станции дал знак отправления.

Несмотря на предупреждение, что поезд будет идти без остановки, его несколько раз задерживали на станциях и только под вечер он прибыл в Вену и стал вблизи вокзала напротив барака. По вагонам передали, что в бараке будет выдаваться горячая пища и желающие могут получить ее. Давали котелок супа-баланды с куском хлеба и на второе кашу — замазку, но все же ели это с аппетитом, а многие брали добавку. Были голодны. Взятые с собою в дорогу продукты, были съедены, а купить не имели возможности, нигде и ничего не продавалось. Утолив голод, пассажиры уходили в вагоны или оставались на пероне. Не было известно, когда и куда отправят поезд. Наступил уже поздний вечерний час.

Освещена станция была очень слабо. Перон пустел. Пассажиры уходили в вагоны.

Поздно вечером поезд тронулся. Застучали колеса, закачались вагоны, убаюкивая людей утомленных долгим путем в неизвестность. Так шел он весь остаток ночи, иногда останавливаясь на станциях.

На рассвете прибыл на маленькую станцию, где задержался до утра. Это был конечный пункт путешествия — станция маленького австрийского провинциального городка «Матхаузен».

Было солнечное, теплое осеннее утро. На станции была тишина, чистота и порядок. Отсутствие признаков участия страны в войне, удивило приехавших. Пассажиры выходили из вагонов на перон и были довольны, что закончилось это тяжелое путешествие в товарных вагонах, но официально не было известно о дальнейшем следовании. Высказывались различные предположения, что будто бы разместят всех по домам этого городка на временное жительство или же отправят всех в распределительный лагерь для устройства на работы и на постоянное жительство. Всех беспокоило неизвестное будущее, особенно тех, кто должен был заботиться о своих детях или стариках.

Прибыла группа немецких военных. Обратились к приехавшим, знающим немецкий язык с просьбой быть переводчиками и помочь им в работе. Отозвались несколько человек. Через переводчиков сообщили, что всех сначала отправят в приготовленный для них лагерь, расположенный в окрестностях этого городка, откуда постепенно расквартируют на постоянное жительство, а желающих устроят на работы. В лагерь перевезут на автомобилях женщин с детьми, пожилых людей и багаж, а остальные пойдут пешком. По прибытии в лагерь все получат завтрак. Просили взять свой багаж и выйти на площадь перед вокзалом и там подождать прихода автомобилей. В поданные военные грузовики усадили женщин с детьми, пожилых людей, погрузили багаж и тронулись в путь, а остальные зашагали по дороге, растянувшись в длинную колонну. Медленно двигалась колонна людей, усталых от всего пережитого ими за эти несколько дней. Проходили мимо каменоломни, где работали люди под вооруженной охраной. Встретили группу в серой, потрепаной одежде в сопровождении вооруженной охраны с собаками. Их серые, худые, усталые лица с впалыми глазами, полных грусти, смот-

рели на проходивших с удивлением и кто-то из них крикнул по-русски: «Вы не знаете куда вы идете!» Никто не обратил тогда внимания на этот выкрик, но после убедились в его значении...

Вдали показался лагерь. Настроение приподнялось и усталость забылась. Появилась надежда на скорое получение отдыха и пищи. Подошли к лагерю. Высокая в два ряда изгородь из колючей проволоки ограждала не распределительный, а лагерь иного назначения. Стало понятным значение выкрика русским обитателем этого лагеря. Вход в лагерь преграждал закрытый шлагбаум, а у калитки была караульная будка и стоял часовой. Шлагбаум не поднимался. Колонну «пришельцев» задержали. Ждали, когда подтянутся отставшие.

Подняли шлагбаум и стали входить на территорию лагеря. Широкая асфальтированная улица вела вглубь лагеря и с двух сторон ее были расположены бараки на боковых улицах, а вдали виднелись наблюдательные вышки. Люди в сером с метлами под наблюдением охранников с собаками убирали улицы. Насельников лагеря не было видно; они или сидели в бараках или были на работах.

Пройдя большое здание, повернули направо в боковую улицу и шли вдоль бараков. Окна были открыты, а через решетку смотрели на проходящих обитатели бараков и что-то говорили на иностранных языках. И вдруг послышалась родная речь: «Смотрите ребята, вот идет к нам пополнение! Знаете ли вы куда вас привели? Не знаете — так скоро узнаете!...» Ужасающие по своему содержанию выкрики людей за решеткой и вид их исхудалых лиц с ушедшими в глубь черепа глазами, производили угнетающее впечатление и непроизвольный страх за свое будущее охватывал всех проходящих. Неужели же ожидает всех та же участь, как этих несчастных людей за решетками окон. «Нет, не может быть. С нами не поступят так» — убеждали себя, стараясь отогнать ужасные мысли.

Следующий поворот налево в улицу между бараками и через ворота вошли в другую часть лагеря, где не было бараков, а громадные палатки-маркизы стояли стройными рядами в открытом поле, но и здесь была кругом изгородь из колючей проволоки. Вошли все и закрылись ворота.

Надо было устраиваться в «новом жилище». Забрав свой багаж, уходили в палатки-маркизы с надеждой, что не на

долгое время придется оставаться в них. Внутри полумрак. Брезентовый пол и на нем в несколько рядов с проходами лежали матрасы с подушками набитые соломой и одеяла, а из посуды только солдатские котелки. Это все, что было предоставлено приехавшим, но все-таки можно было удобнее устроиться и отдохнуть, чем в товарных вагонах. К сведению обитателей на доске были выставлены правила и расписание жизни в этом лагере с указанием времени выдачи пищи, пользованием баней и так далее... В одном из пунктов говорилось, что покидать территорию лагеря можно только, получив разрешение от комендатуры, это означало условный домашний арест.

Начался первый этап новой беженской жизни в лагере Третьего Райха по правилам и расписанию выставленным на доске с ожиданием дальнейших распоряжений комендатуры.

Население лагеря увеличивалось. Прибыл еще один эшелон русских эмигрантов из Югославии и почти каждый день являлись группы или одиночки бежавших из провинции.

Посещали в лагере своих знакомых те, которые уехали на работы в Райх, и все они советовали как можно скорее покинуть лагерь, так как репутация его была очень плохая, но никто не знал в то время, что именно творилось на его территории. Это был лагерь особого назначения. Внешне не были заметны признаки, указывающие на то, что в действительности происходило в лагере. Как будто жизнь в нем протекала в нормальных условиях. Даже устраивались концерты симфонического оркестра с участием прекрасных солистов певцов. Все-таки многие, по настоянию знакомых, уезжали из лагеря.

Представители различных предприятий приезжали в лагерь и предлагали работы. Процесс приема на работу происходил по принципу отбора и был унизительного характера. Кандидатов выстраивали в одну шеренгу и наборщик, проходя перед строем, выбирал себе, по своему усмотрению, «подходящий товар». Приходилось терпеливо переносить все это, ради получения возможности избавиться от опеки лагерного начальства.

Время шло. Наступили холода. Стало необходимым всех оставшихся выселить из лагеря и их расквартировали по хуторам австрийских крестьян.

Так был закончен первый этап новой беженской жизни.

Что видели в лагере за время прибывания в нем, и, что узнали о нем после.

Были в лагере прекрасно оборудованные бани. С разрешения лагерного начальства ходили в баню группами. В то время никто из посетителей бани не предполагал о другом ее назначении и только после окончания войны стало известным, что в этой «бане» происходило массовое убийство заключенных. Вместо воды пускали смертоносный газ и трупы погибших сжигали в особых печах, находившихся рядом с баней.

В утренние часы, по широкой аллее перед палатками, водили команду заключенных под вооруженной охраной с собаками. Каждый из заключенных нес большой камень. Дойдя до конца аллеи, камни складывали в кучу. Через короткий промежуток времени, камни несли обратно. Так проделывали они эту «прогулку» несколько раз. Возможно, что это странное занятие считалось утренней гимнастикой, но нам оно выглядело, как издевательство над беззащитными, изнуренными голодом людьми. Из сожаления бросали им куски хлеба и счастливец, поймавший его, с жадностью съедал. Бывали случаи, когда кусок хлеба не долетал до них, а падал около дороги. Чтобы поднять кусок хлеба, заключенный выходил из строя, но на оклик конвоира, собака набрасывалась на него и его попытка, часто, оканчивалась укусом собаки или ударом приклада конвоира.

Уборку палаток и мусора делали заключенные, тоже под наблюдением охраны. Уборщики, как бы случайно, выворачивали мусор из банок на землю и руками собирали его. Если находили что либо из пищи, быстро запихивали в рот или за пазуху, чтобы не заметили охранники. Видя, что делают несчастные, голодные уборщики, некоторые обитатели беженского лагеря заворачивали часть своей пищи в бумагу и клали в банку для мусора.

О многом еще можно было вспомнить и написать, что происходило на наших глазах, как издевались над несчастными заключенными и жутко становится при мысли: «А что же делалось там, в том лагере особого назначения, за двойным высоким забором из колючей проволоки и с вышками для стражи, вооруженной пулеметами?».

В. С. Данилов.

Голос с Родины.

Помещаем короткий рассказ Виктора Астафьева из его сборника рассказов, изданного Пермским книжным издательством в 1977 году, присланного нам С. Рудником.

ЧТОБЫ БОЛЬ КАЖДОГО

В глубине Грузии есть местечно Гелати. Здесь курятся сизой растительностью склоны гор и по белым развалинам старой академии, в которой, по преданию, учился гениальный певец этой земли Шота Руставели, ползут и переплетаются бечевки мелколистого растения с могильно-черными ягодами, которые даже птицы не клюют.

Здесь же стоит тихий и древний собор с потускневшим от времени крестом на маковице. Собор, воздвигнутый еще Давидом-строителем в далекие и непостижимые, как небесное пространство, времена.

Все замерло и остановилось в Гелати. Работает лишь время, оставляя свои невеселые меты на творениях рук человеческих.

Вот дарница — огромное деревянное дупло, куда правоверные, приходившие поклониться Богу и памяти зодчих, складывали дары свои — хлебы, фрукты, кусочек сушеного мяса или козьего сыра. Дупло источено червями, издолблено птицами и градом, но все еще крепко, как мамонтова кость, дупло не меньше, чем в пять обхватов, а оказывается, из того самого орешника, что растет по всем почти средне-российским лесам, а годно лишь на удилища. Как произрос и сплелся в единый ствол целой рощею этот кустарник? Дар земли! Чудо, отысканное где-то и употребленное во славу Господню и во благо людям.

Неподалеку от дарницы вкопан в землю огромный керамический чан — все для тех же подношений, но уже вином. Я открыл ржавую, нынешних времен железную крышку. Чан был пуст. Со дна его метнулась ужаленно и соскользнула слепая, бледно-желтая от тьмы лягушка.

Я быстро захлопнул крышку чана.

В чистом и высоком небе качался купол собора с крестом, а неподалеку, совсем по-российски, беззаботно пел жаворонок, трещали кузнечики в бурьяне да заливались синицы в одичалом саду.

Медленно и тихо ступил я в собор. Он был темен от копоти. С высокого купола по стенам собора скатывались тяжелые серые потеки. В разрывах черной копоти, в извилинах нержавеющих потеков виднелись клочки фресок. И то проступал скорбный глаз пресвятой Матери-Богородицы, то окровавленная нога распятого Спасителя, то лоскут святой одежды, поражающий чистотою красок.

Мне объяснили: по дикому обычаю завоеватели-монголы в каждой православной церкви устраивали конюшни и разводили костры. Но царь Давид ставил собор на века и меж кровлей купола по его велению была налита прослойка свинца. От монгольских костров свинец расплавился, и потоки его обрушились на головы чужеземных завоевателей. Они бежали из Гелати в панике, считая, что их карающим дождем облил православный Бог. И подумал я: «Вот если бы на головы современных варваров, устроивших конюшни в священных храмах Родины моей, пролился такой же карающий свинцовый дождь...».

Грузины сохраняют собор в том виде, каким покинули его ужаснувшиеся завоеватели.

Печально сердце Гелатского собора, хмур и обветрен лик его, вечна и скорбна тишина в нем. Память темным и холодным крылом опахивает здесь человеческое сердце.

Совсем уж тихо, с опущенной головой покинул я осквернённый, но не убитый храм и теперь только заметил у входа в собор массивную гранитную плиту, уже сношенную ногами людей.

На белой, грубо тесаной плите вязь причудливой грузинской письменности. Иные буквы и слова уже стерты ступнями человеческими.

Но грузины наизусть знают надпись над прахом Давида-строителя и охотно переводят ее, не забывая упомянуть при этом, что грузинский царь был насколько-то сантиметров выше Петра Великого и потому так огромна плита на могиле его.

На плите остался завет творца: «Пусть каждый, входящий в этот храм, наступит на сердце мое, чтобы слышал я боль его...».

Все вокруг приглушило дыхание, вслушиваясь в мудрую печаль нетленных слов.

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ.

При составлении исторического очерка к 200-летью со дня основания Первого Московского кадетского корпуса, среди других материалов, мне удалось получить фотографию с портрета основателя корпуса графа **Зорича**, который до революции находился в Петербурге, в Таврическом дворце. На этом портрете сразу бросается в глаза большой Мальтийский крест на груди генерала. Вспомнив, что наш корпусной нагрудный знак представляет собою тоже Мальтийский крест, с вензелем Императрицы Екатерины II на нем, я подумал — уж не с этого ли портрета взята идея нашего знака? — и сообщил об этом предположении П. Ф. Рербергу, окончившему после нашего корпуса, специальные классы Пажеского Его Императорского Величества корпус, нагрудный знак которого тот же Мальтийский крест. Вскоре я получил ответное письмо, интересное содержание которого я хочу сообщить Екатерининцам, а также кадетам других корпусов, интересующимся нашим прошлым. Вот оно:

«Твое предположение, что идея нашего нагрудного знака взята именно с этого портрета, считаю вполне вероятной. Да, оно наверное так и было! Нужно сказать, что мне неоднократно приходилось бывать на Мальте и посещать там музей, который содержится в идеальном порядке и чистоте. Много там интересного и особенно приятно мне было видеть портрет, во весь рост, в огромной позолоченной раме, Императрицы Екатерины II. Это лучшее изображение Императрицы, которое я когда либо видел, а в либретто музея было указано, что портрет этот был сделан в знак особо дружеских отношений между Россией и Мальтой, представитель которой Шевалье **Лита**, был очень любезно принят и даже проживал в Ст. Петербурге. В 1799 году Наполеон заняв Мальту, выгнал Гросмейстера **Регана** и всех Мальтийских кавалеров с этого острова.

Европа была в огне, куда деваться? Конечно, в давно уже дружественную Россию. Император Павел I широко открыл им двери и, когда поднялся вопрос куда их поместить, решили отдать им, дворец графа Воронцова — дворец чудный, построенный Растрелли и расписанный его художниками, к тому же в центре столицы. Через некоторое время рыцари сообщили что им негде молиться и Император Павел приказал немедленно построить им капеллу. Вырубили часть дивного парка и в 6 месяцев построили чудную церковь,

ставшей впоследствии церковью всей петербургской католической аристократии и всего католического дипломатического корпуса. Император принял титул Гросмейстера Мальтийского Ордена, но для утверждения этого акта нужно было получить благословение Папы Римского, который наотрез отказался благословить православного Императора... Тут пошли раздоры и дрязги, но несмотря на это Павел I утвердил российский кавалерственный орден Св. Иоанна Иерусалимского, т. е. Орден Мальтийского Креста. Был создан капитул ордена Иоанна Иерусалимского трех степеней, причем уже вторая степень была наследственной. В 1801 году Император Павел был убит, его сын Император Александр I устранив почти все начинания своего отца, предложил Мальтийским кавалерам искать себе новое пристанище, т. к. сам он отказывается от наследственного права стать Гросмейстером ордена. Воронцовский дворец опять опустел... тогда Император приказал поместить в нем, созданный еще при Императрице Елизавете, корпус пажей, с подчинением его Управлению Военно-Учебных Заведений. Таким образом с 1802-го года Пажеский Его Величества корпус стал Военно-Учебным Заведением; в память прошлого в зале первой роты, на огромной мраморной доске, были золотыми буквами выгравированы «Заветы Мальтийских Рыцарей», а нагрудным знаком Пажеского корпуса был утвержден Мальтийский крест. Орден Мальтийских рыцарей ведет свое происхождение от «Ордена Госпитальеров», т. е. ордена санитаров и фельдшеров, образованный в Иерусалиме для ухода за раненными и больными Крестоносцами. Впоследствии санитарам пришлось охранять и оборонять их госпиталь, таким образом образовался воинствующий орден — «Орден Иоанна Иерусалимского», с белым восьмиконечным крестом. Под давлением турок, орден перебрался сначала на Родос, а потом в начале 1500-х годов на Мальту, где в 1530-х годах, при Гросмейстере **Паризо-да-ла-Валетт,** выдержал **трехлетнюю** осаду. Потерпев неудачу, турки навсегда покинули Мальту, оставив там, до сих пор прекрасно содержащееся, мусульманское кладбище». Таково было содержание письма Рерберга, которое, как мне кажется, полезно было бы сохранить как документ нашего прошлого.

24. 11. 1979 г., Ваттвиль, Швейцария.

Составил **Н. Веденяпин.**

ВЛАДИМИРСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ УЧЕНИКОВ РУССКИХ ШКОЛ 1980 г.

Во Владимирском соревновании на исторические темы, ежегодно проводимые Нью-Йоркским кадетским объединением, приняли участие Св.-Сергиевская гимназия в Нью-Йорке, и церковно-приходские школы в Лейквуде и Наяке. Сочинение писалось на тему:

«Гражданская война на юге России и значение Белаго Движения».

Конкурсная комиссия в составе Е. В. Перковой, Г. Н. Сперанского, А. Б. Иордан и Н. В. Козякина присудила следующие награды.

Первая награда в размере 100 долларов присуждена ученице Св.-Сергиевской гимназии Наталии Честной. Переходной Владимирский стяг в течении года хранится в этой гимназии. Сочинение награжденной печатается в этом номере журнала.

Вторая награда в размере 75 долларов присуждена ученику церковно-приходской школы в Лейквуде Николаю Лукъянову.

Третья награда в 50 долларов присуждена ученице церковно-приходской школы в Наяке — Екатерине Будзилович.

Редакция поздравляет награжденных с успехом и благодарит руководителей и преподавателей школ за их труд на пользу нашей молодежи.

—

Наталия Честная

уч. Св.-Сергиевской Гимназии

Гражданская война на Юге России и значение Белого Движения.

После октябрьского переворота большевистские вожди заявили, что власть бралась ими по настоянию большинства солдат, рабочих и крестьян. Однако власть их распространялась вначале лишь на Петербург, затем после семидневной вооруженной борьбы была взята Москва, но лишь в 1926 году смогли они полностью овладеть территорией России.

Чтобы избежать советской власти, почти все окраины Империи объявили свою независимость. Но если вновь образовавшиеся государства ставили своей целью не допустить большевиков на свою землю, то русские патриоты, убежденно непримирившиеся с советским режимом и разочаровавшиеся в возможности подпольной борьбы с ним, преследо-

вали иную цель: восстановление порядка на земле Русской, расторжение позорного Брест-Литовского мира и уничтожение советов. Эти жертвенно и самоотвержено преданные родине люди первыми откликнулись на призыв генерала Алексеева, организатора и вдохновителя Белого движения, который еще в мае 17-го года предлагал Керенскому сформировать армию, гарантируя в один день мобилизовать в нее 5 тысяч офицеров.

2-го ноября 1917 года генерал Алексеев прибыл на Дон к атаману генералу Каледину и провозгласил сбор Добровольческой Армии в Новочеркасске. Первыми кадрами армии стали 40-50 юнкеров Константиновского училища, а в течении ноября 17-го года родилась первая воинская часть — Юнкерский батальон. 27-го ноября батальон вступил в жестокий бой с намного превосходящими силами большевиков, причем только на следующий день была получена поддержка казачьих частей, вдохновленных подвигом «орлят разрушенного гнезда», как называл ген. Алексеев героическую военную молодежь, сражавшуюся под его командованием. Этот первый бой, которым был взят Ростов, положил основание последовавшей многолетней борьбе русских национальных сил.

Донское правительство не сочувствовало и не поддерживало молодое Белое движение, потому что боялось, что существование антибольшевистской организации может спровацировать выступление красных. Так и случилось. Не считаясь с декретом о самоопределении, большевики двинули отряды красной армии на Дон. Разложившиеся под влиянием советской агитации казаки не оказывали красным сопротивления, лишь единицы вместе с добровольцами сдерживали наступление. Потерявший веру в своих казаков генерал Каледин застрелился. Ген. Корнилов решил идти на Кубань, где еще оставалось независимое правительство. Он хотел поднять казаков там. Под его командой и верховным руководством духовного вождя армии ген. Алексеева в ночь на 10-ое февраля 1918-го года начался знаменитый первый «ледяной» поход. Почти около каждой станицы происходили бои. Вооружение отбивали у красных. Тем не менее малочисленная, но сильная духом Белая армия имела огромные преимущества над красными бандами: в ней поддерживалась железная дисциплина и всех бойцов вдохновляла одна великая цель. Героические подвиги сражавшихся в рядах армии

свидетельствовали о высоком подъеме духа добровольцев. Ген. Марков водиночку взял бронепоезд. Ген. Алексеев в критический момент боя вышел сражаться в строю, как последний резерв армии. Белую армию называли «армией крестовых походов сражавшуюся за Гроб Господень в образе России».

Когда в конце марта армия подошла к Екатеринодару, кубанское правительство уже не существовало, лишь полковник Покровский привел с собой около 3 000 казаков — остатки кубанских полков. Ген. Корнилов решил взять Екатеринодар, чтобы организовать там центр армии. Во время штурма полегло более половины состава армии. В дом где находился штаб армии упал только один снаряд и убил только одного человека — самого ген. Корнилова. Его заместил ген. Деникин, но он уже не пользовался таким авторитетом, и не обладал такой безрассудной отвагой, как Корнилов. Деникин скомандовал отступление и вывел армию на нижний Дон, куда к этому времени подошел отряд полк. Дроздовского и вместе с восставшими казаками освободил Новочеркасск.

В августе 1918 года, Добровольческая армия выступила во второй Кубанский поход и очистила от большевиков западную и восточную Кубань.

Новоизбранный атаман Дона ген. Краснов начал формировать Донскую Армию. На Черном море, где условия борьбы были несравненно сложнее контр-адмирал Саблин в апреле 18-го года вывел русский флот из Севастополя в Новороссийск в следствии занятия немцами всей Украины и Крыма. В августе 1918-го года армия ген. Деникина заняла Новороссийск впервые получив выход на Черное море. В декабре «Всевеликое Войско Донское» влилось в состав только образовавшихся Вооруженных Сил Юга России, под командованием ген. Деникина. Вскоре фронт дотянулся до Каспия и даже перешел на закаспийскую область Туркестана.

Во всем районе Каспийского моря в то время царил небывалый хаос. Там хозяйничали большевики и англичане, местное население организовало бандитские шайки, шла резня между татарами и армянами. Лишь горстка русских морских офицеров патриотов всеми силами отстаивали честь и славу государства Российского, интересы русской земли, терзаемой красными предателями и так называемыми «союзниками». В феврале 1919-го года капитан Пышков по приказу Деникина перешел в порт Петровск и организовал Морскую Добровольческую силу, которая еще долго сражалась

с красной и английской флотилиями, силы которых значительно превосходили силы героических защитников России.

Тем временем Добровольческая армия, одерживающая блестящие победы по всему фронту разгромила 150-тысячную армию Сорокина на Кавказе. Были взяты Харьков, Киев, Царицын. На Каспийском море возникла Белая флотилия пополнившаяся рыбаками из мятежной Астрахани. Белый Добровольческий флот господствовал в Черном и Азовском морях.

В то же время была совершена главнейшая стратегическая ошибка, предрешившая исход освободительной борьбы. Колчак свои главные силы бросил на соединение с малозначительной в Белом движении армией ген. Миллера, а ген. Деникин пошел на Москву. Это дало возможность большевикам разбить каждого из них в отдельности. Конница Буденного прорвала фронт близ Воронежа и войскам пришлось отступать в ноябре в труднейших условиях, которые усугубились свирепствовавшей в рядах армии эпидемией тифа. Остатки армии откатились к Черному морю, где войска разделились на три группы: одна ушла в Крым, другая на Кавказ, третья в Одессу. В Крыму ген. Деникин передает командование ген. барону Врангелю, который освобождает от красных всю северную Таврию. Одновременно с этим прекращается какая бы то ни было помощь англичан. Поляки, забывая свои обязательства по отношению к Врангелю подписывают сепаратный мир с большевиками. В конце октября красные вторглись в Крым. 1-го ноября 1920 года остатки Белой армии грузятся на корабли и покидают пределы России. Героическое Белое движение терпит неудачу. На много десятилетий, на срок до сегодняшнего дня Россия погружается в мрак большевизма.

Было много причин поражения Белой армии. Во-первых, оторванность частей друг от друга и отсутствие в следствии этого единого стратегического плана. К тому же среди Белых вождей, прекрасных полководцев, не было крупных политиков. Единственный лозунг выброшенный Белым движением был «за Единую и Неделимую», мало понятный народу. Ошибку пытался исправить ген. барон Врангель, издавший земельный закон, но было уже слишком поздно. Во-вторых, под властью большевиков была наиболее густо населенная и наиболее промышленная европейская часть России, когда Белые войска испытывали дефицит вооружения и боеприпа-

сов. Кроме того Белые власти не имели полиции в своем тылу.

Но даже проигранное Белое движение имело огромное значение. Возникновение его доказало, что не все были предателями, что лучшая часть народа продолжала оставаться верной своим идеалам и была готова бороться за Веру, Царя и Отечество.

Кровь кадетов и юнкеров, обагрившая русскую землю, вдохновила на подвиг русский народ; многие последовали примеру юношей, почти мальчиков, героически отстаивавших честь Родины.

Белое движение подняло знамя борьбы, под которым, впоследствии, сражался Борис Савинков, поднявший антибольшевитское восстание в двадцати трех городах России.

Белое движение частично сняло с русского народа его тяжелейшую вину и моральную ответственность за общечеловеческую трагедию XX века, национальный позор русский — екатеринбургское злодеяние. Жизнями своими лучшие представители русского народа искупили его вину.

—

Последние Георгиевские кавалеры в Крымском Кад. КорпусеВ.-фельд. В. Левин. Кадеты: Д. Писарев, П. Котляревский, С. Якимович, С. Цикаловский, Б. Павлов и С. Слюсарев.

ХРОНИКА

Отголоски съезда.

Наш однокашник М. Потоцкий прислал редакции номер газеты «Комюнити Пресс» от 19/10/1980 г., издающийся в городе Лейквуде США, в котором на второй странице помещено его интервью, данное корреспонденту этой газеты. Статья, украшенная фотографией строя кадет на седьмом съезде в Париже, сообщает что бывшие кадеты русских кадетских корпусов до сих пор продолжают поддерживать взаимную связь, встречаясь каждые двагода в разных концах мира. В 1980 году встреча была организована в Париже, где собралось 650 (!) кадет, членов их семей и гостей. За два года до этого встреча была проведена в Венецуэле. Статья о русских кадетах в американской газете нас и обрадовала и развеселила обилием развесистых клюквенных украшений в области русской истории и географии, подтвердив лишний раз удаль американских репортеров и русскую поговорку «Век живи, век учись». **Н. В. К.**

ВТОРОЕ ЧУДО НА МАРНЕ.

10-го ноября 1980 года на собрании французской Ассоциации Парашютистов в Сэнт Иллер (на Марне) один из возглавителей этого союза полк. Жан Делкорд произнес длинную речь перед фронтом французских Комбатантов и представителей русской секции Нац. Союза Комбатантов, стоявших в строю вместе с отрядом русских «Витязей» в формах.

В своей речи, полной признательности России и ее армии, полк. Делкорд указал, что **«Без жертвенной помощи России не могло бы совершиться «чуда на Марне» в 1914 году»**, и привел знаменитые слова маршала Фоша: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим мы обязаны прежде всего России».

Полк. Делкорд описал также подробно героическое поведение русского Экспедиционного корпуса во Франции и на

Салоникском фронте, как и, после нашей революции 1917 года, русского Легиона Чести на франц. фронте. В своей речи этот благородный представитель французской Армии подчеркнул недопустимость отожествления сов. Союза с Россией и закончил словами: **Да спасет Бог святую Русь!**

После этого, знаменщики Союза русских Участников Войны пронесли русские знамена перед знаменами французскими, склонившимися перед ними...

Столь торжественное и волнующее отдание благодарной дани национальной России, совершенное на берегах Марны в годовщину Победы 1918 г., свидетель этой церемонии по справедливости назвал: «Второе чудо на Марне».

Об-во Охранения Русс. Культ. Ценностей направило Нац. Ассоциации Парашютистов письмо с благодарностью за совершенный ими акт признания решающей роли России в начале Великой войны, закончив словами:

«Есть конечно французы, имеющие правильное представление о событиях и не смешивающие подлинную Россию с ее палачами-большевиками, заключившими позорный Брест-Литовский мир, но давно уже нам, представителям старой России, не приходилось слышать такого волнующего выражения признательности нашей Родине, какое высказали вы сегодня на берегах Марны».

Париж, 1. 11. 80. **Вл. Авьерино.**

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Письмо кн. Г. Гагарина.

(публикуется с сокращениями)

16 ноября 1980 г.

Дорогой Николай,

Благодарю тебя за твое письмо от 5. X. 780.

Еще до получения твоего письма, получил «Перекличку» № 25, с твоей статьей «Наше поколение». Мне хочется сделать кое-какие примечания, т. к. у нас на Западе Европы не было такой определенности позиций. Пишу исключительно по памяти, не пользуясь своими записками и справками (до них надо добраться). Воспоминания мои главным образом

относятся к жизни в Бельгии, пожалуй самом крупном центре русской студенческой молодежи до войны.

Моя жизнь прошла, после окончания корпуса, в русской университетской среде, которая конечно сильно повлияла на мое развитие и на последующее мировоззрение. Говоря о своих чувствах и переживаниях, я думаю, могу с уверенностью говорить от имени всего нашего поколения учащегося в ВУЗ-ах, до того мы были сплочены и «дышали одним воздухом».

Главной, преобладающей нашей задачей было учиться, добиться диплома и подготовить себя для служения на пользу родине, когда настанет время. Я не хочу создавать впечатления будто мы усидчивс зубрили, не забывая об этой цели. Нет, соблазнов было много, молодая жизнь кипела, еще надо было подрабатывать на стороне так как стипендии не хватало, и многие сошли с заданного пути не дойдя до конца. Но для политики, или «политиканства» — как мы это называли, места не было. Во всяком случае до получения диплома. Нас интересовало все, что происходило «за чертополохом». Прислушивались к сведениям о новых стройках, о ГОЭЛРО и т. п. на родине. Искали всякие возможности контакта, как например, встречи с советскими моряками в Антверпене, бесед с недавно выехавшими из СССР. Помню, с каким интересам мы читали статьи Шульгина после его «тайной» поездки в Россию, и последующий удар после разоблачения его Бурцевым. Конечно, живо обсуждались похищения генерала Кутепова и генерала Миллера. С большим интересом мы посетили павильон СССР на выставке 1937 года в Париже.

Кругом создавались партии: Младороссов, Нацмальчиков, Евразийцев и еще какие-то, людьми вне нашего тесного круга ВУЗ-овцев. Иногда, в разговоре, тебе предложат примкнуть к одной из них. Придешь на одно собрание и больше не появляешься. Не до этого было...

Единственная организация, имевшая большой успех среди нас, была «Дружина». Дружина была организована офицерами русской армии, чтобы дать военную подготовку русской молодежи, лишенной воинской повинности. Нам претила сама идея принадлежности к политической партии, где отбор производится по благочестивому следованию Партийным правилам, а не по личным способностям и научным достижениям людей.

Кончили мы университет в самый разгар кризиса, когда надо было браться за любую работу и, вместе с тем, приходилось терпеть враждебность местного рабочего населения, обвинявшего нас в том, что мы у них «вынимаем хлеб изо рта». Это касалось всех русских. О какой тут думать политической доктрине и становлении нового поколения?

Хочу упомянуть одно происшествие из нашей тогдашней жизни, оставившее глубокое впечатление не только в моей памяти. До войны в Брюсселе устраивалось много благотворительных балов, из которых ежегодно выделялись четыре — одним из этих, организовывавшийся окончившими высшие учебные заведения, для сбора на стипендию молодым студентам. В том году (кажется 1938) вузовцы устроили вместо бала концерт Рахманинова, во дворце изящных искусств. Зал был переполнен. Моя тетя, председательница дамского комитета, принимала вдовствующую королеву Елизавету (супругу короля Альберта). Все поздравляли председателя нашего объединения с успехом, а он сильно волновался, думая о расходах и, особенно, о гонораре. Когда же он пришел расчитываться с Рахманиновым, последний сказал: «они же студенты, они бедные» и отказался от гонорара... До сих пор не могу вспомнить об этом происшествии без волнения.

Говоря о стипендиях, не следует забывать деятельность М. Федорова.

Так мы жили до войны. Политическими вопросами мы занялись, вернее сказать они нас настигли, с началом войны и, в особенности, финской войны; когда газеты стали писать о «геройской защите авангарда европейской культуры (Финляндии) против нашествия монгольских орд (русских)» и об уничтожении ежедневно 350 000 русских с потерей двух финнов. Это задело национальное чувство. На западноевропейском фронте симпатии большинства из нас были на стороне англичан и французов, против немцев.

Когда Гитлер напал на Бельгию, русская молодежь хлынула главным образом во Францию (бельгийцы отказывались заниматься нами и советовали уходить во Францию или Англию). Я держал курс на Англию, куда мы и добрались с моим другом, тогда как на дорогах Франции немцы переловили наших беженцев и вернули домой.

О моем участии в войне, в рядах свободных французов генерала де Голля и о симпатии к русским в их борьбе пого-

ворим в следующий раз. Собственно, только с этого времени я стал заниматься политическими вопросами и у меня создалось определенное воззрение на то, что происходит в мире, на роль различных народов в истории и на положение наших русских заграницей.

По товарищески жму руку, твой
Гриша.
кн. Г. Гагарин

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ.

Редакция нашего журнала обратилась 29-го июня 1980 года к А. И. Солженицыну за разрешением печатать в Нашем журнале его статьи. 9-го октября 1980 г. мы получили от Всероссийской Мемуарной Библиотеки, возглавляемой А. И. Солженицыным следующий ответ.

ВМБ

Всероссийская Мемуарная Библиотека.

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Подтверждаем получение Вашего письма от 29 июня с. г. и просим простить за задержку с ответом.

При письме получено письмо писателя Каратеева от 9-го января 1964 г. и два номера издаваемого Вами журнала «Кадетская Перекличка».

Вы можете перепечатывать в Вашем журнале те статьи Солженицына, которые были в русской прессе, кроме статей большого объема.

Александр Исаевич благодарит и шлет привет.

Н. Яценко
библиограф

ОТВЕТ РОТМИСТРУ Л. ОЛЬХОВСКОМУ.

(См. № 26)

К сведению ротм. Ольховского сообщаю, что отдание чести с обнаженной шашкой у плеча, вынося ее сначала в положение «на караул», и затем отведя руку согнутую в локте вправо, с соответственным поворотом головы, наши кавалерийские офицеры в Николаевском Кавалерийском Училище называли «по ефрейторски». Думаю, что офицеры училища знали, что говорили нам, юнкерам из «парных часовых», обучая нас несению караула у квартиры генерала барона Врангеля.

Андрей Бертельс-Меньшой.

27-го февраля, 1981 г.

Глубокоуважаемый г-н Редактор,

Дорогой Николай Васильевичъ,

Хочу поблагодарить Тебя за очень интересный и содержательный № 26-ой «Кадетской Переклички».

Особую благодарность хочу выразить славному Тифлисцу, кадету **Перепеловскому,** за его блестящий доклад о «Белом Движении», прочитаномъ на Седьмомъ Съезде кадет в Париже, на которомъ мне не удалось присутствовать.

Прочитавъ этотъ докладъ въ «Кадетской Перекличке», я был сильно взволнован, так как снова переживал все там описаное. Прекрасная осведомленность, правдивость, без всяких прикрас.

Как непосредственный участникъ всех этих событий, с ноября 1917-го года, по ноябрь 1920-го года, почти все время в строю рядовым, (в чине Поручика), я сердечно благодарю К. М. Перепеловского, за его большую работу для составления такого блестящего доклада.

Председатель **«Союза Участников Первого Кубанского, генерала Корнилова, похода.**
Кадет Первого Кадетского корпуса.
Гв. Капитан **В. Высоцкий.**

Дорогой Николай Васильевич, прилагаю при сем чек на 30 долларов, 20 на продолжение подписки на журнал и 10 в Фонд издательства.

Дружески Твой, **В. Высоцкий.**

—

Брюссель 24 января 1981 г.

Господин Редактор! Дорогой Однокашник!

Убедительно прошу тебя, поместить в следующем номере «Кадетской Переклички», ниже приведенное оповещение:

Годовое собрание, Объединения Кадет
КНЯЖЕ - КОНСТАНТИНОВЦЕВ в Бельгии

1) Георгий Станиславович Гуторович, Председатель Объединения, просит освободить его, по причине болезни, от должности Председателя.

В благодарность за показанный пример, верного хранителя кадетских традиций и за его долголетнюю работу для организации кадетской связи и взаимопомощи — Объединение, просит Георгия Станиславовича Гуторовича, пожиз-

ненно остаться **Почетным** Председателем Объединения Кадет **Княже - Константиновцев** в Бельгии.

2) **Выборы Председателя и Правления.**
Председатель: Иванов Е. А. (В-Ф. 8-го вып. 1-го Р.К.К. 1928 г.).
Секретарь: Ветров И. И.
Казначей: Рекк Б. В.

3) **Распределитель «Кадетской Переклички».**
Е. Иванов.
Адресс:
Почт. счет № 000-0181337-44
Банк Брюссель - Ламберт:
№ — 310-0360163-88
Mr. Ivanoff E.
Av. Charles Michiels
178' B-te: 11
1170 Bruxelles.
Belgique.

С кадетским приветом!

Председатель:

Е. Иванов.

Париж, 8 марта 1981 г.

Дорогой Николай Васильевич!

Всякие домашние дела, связанные, прямо или косвенно, с болезнью моей жены, не позволили мне поблагодарить Вас сразу же за присылку № 26-го «Переклички», благополучно мною полученного.

Этот номер журнала с отчетом А. Д. Шмемана и приветствиями Съезду представляет собой ценное свидетельство о верности кадет старым кадетским традициям. Все кадеты, еще «россиийские», должны быть признательны своим младшим однокашникам, кадетам зарубежным, создавшим за пределами нашей родины прочные кадетские организации, дружные и активные, со своим печатным органом, благодаря которому это свидетельство переживает всех нас и будет долгие годы служить памятником русскому кадету.

Мое впечатление от напечатанного доклада моего: текст набран тщательно, с вполне приемлемым количеством опечаток, вполне невинных, (15) и двумя небольшими пропусками.

Но есть все же одна опечатка, которую я не могу оставить без протеста. На странице 39-ой, 12-ая строка сверху, в слове «столько» выпущена буква С, и образованное таким образом слово «ТОЛЬКО» искажает смысл всей довольно длинной фразы. С этим «не только» получается, что партия социалистов-революционеров товарища Керенского все же вдохновлялась, кроме обиды на большевиков, не пожелавших разделить с ними власть, еще и соображениями воссоздания Великой России, чего я вовсе не хотел сказать.

Я думаю, что следовало бы как-то исправить получившийся ляпсус в следующем номере «Переклички», приведя мою фразу (в ее подлинной транскрипции).

В кратком вступлении «От редакции» я, к сожалению, не увидел очень меня интересовавшей Вашей собственной оценки, и может быть критики моего доклада. Между тем я уверен, что свободная уже от несколько эмоциональной атмосферы, царившей на Съезде, она заставила бы многих читателей, в особенности тех, кто не присутствовал на Съезде, прочесть доклад более внимательно.

Во всяком случае я буду очень Вам благодарен за сообщение мне, когда Вы сможете это сделать, заслуживающих внимание откликов читателей «Переклички» на мой доклад, если, конечно, таковые отклики будут, доброжелательные или ругательные. Последние особенно интересны, так как я хотел бы не оставлять их без ответа, может быть даже на страницах «Переклички», если Вы предоставите мне эту возможность.

Еще раз благодарю Вас и за «Перекличку» и, заранее, за исполнение последней просьбы и шлю Вам мой сердечный привет.

Уважающий Вас

К. Перепеловский

Замеченные опечатки:

Страница 20, 2 стр. снизу — угрожавшие — вместо — угрожавшее.

„ 26, 16 стр. сверху — 8 — лишнее.

„ 27, 19 стр. сверху — дале — вместо — далее.

„ 29, 15 стр. сверху — 20-20 % вместо — 20-25 %.

„ 46, 14 стр. сверху — создавшейся — вместо «создававшейся».

„ 49, 7 стр. сверху — Украинских — вместо — Украинского.

„ 49, 22 стр. сверху — показало — вместо — оказало.
„ 54, 3 стр. сверху — сохранили — вместо — сохраняли.
„ 59, 18 стр. сверху — двинулась — вместо — двинулись.
„ 59, 16 стр. снизу — усилиям — вместо — условиям.
„ 60, 18 стр. сверху — войдут — вместо — пойдут.
„ 60, 16 стр. снизу — выяснялось — вместо — выяснилось.
„ 64, 5 стр. снизу выпущено: «защитника правого дела».
„ 64, 2 стр. снизу — оставил — вместо — ставил
„ 67, 12 стр. сверху — указывавших — вместо — указывавшее.
„ 74, 5 стр. снизу выпущено «и были».

От Редакции:

В статье К. М. Перепеловского «Белое Движение», напечатанной в № 26 нашего журнала на стр. 39-ой, 12 строке сверху, в слове «столько» выпала буква «с» и образованное таким образом слово «только» исказило смысл всей фразы, конец которой следует читать «... а их антибольшевизм вдохновлялся не столько соображениями воссоздания Единой Великодержавной России, сколько обидой на большевиков, не пожелавших разделить с ними власть».

Приносим автору извинение за допущенную типографскую ошибку.

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

В Белградѣ, Югославія 30-го января 1981 года, скончался и похоронен в гор. Сараево инженер - полковникъ

Николай Русанов,

кадет 8-го выпуска 1928 г. Русского Кадетского Корпуса и офицер югославской армии, окончивший военную Академию в Белграде.

ПАМЯТИ ГЕН.-МАЙОРА К. Р. ПОЗДЕЕВА

2-го января с. г. на 94-ом году жизни ушел от нас один из старших и доблестных генералов В. В. Донского, последний командир Л. Гв. Его Величества Казачьего полка ген.-майор **К. Р. Поздеев,** в прошлом кадет 16-го выпуска, окончивший в 1905 году Донской Императора Александра III кад. корп. и Николаевское Училище. В Первую мировую войну он находился в составе своего родного Л. Гв. Казачьего полка. В гражданскую войну особенно отличился при взятии Новочеркасска в 1918 году. Был несколько раз ранен.

Похороны состоялись в Париже. В большом зале собрания при музее Л. Гв. Казачьего полка стоял гроб с телом покойного; покрытый русским национальным флагом. На крышке гроба лежал его кивер, ордена и парадная сабля перекрещенная с ножнами. В ногах у гроба составлен был «костерек» из трех алых пик (треножник), к которому прикреплены Лейб-Казачий и Лейб-Атаманский штандарты (одна гвардейская бригада). Во время отпевания 6 января и погребения их держали штандартные представители соответствующих полков при ассистентах и. д. адъютанта. Парные часовые в почетном карауле сменялись каждые пять минут, чтобы дать возможность не только однополчанам, но и представителям других полков гвардии нести почетный караул. Покойный в течении последних 16-ти лет возглавлял Гвардейское Объединение. Служил епископ Георгий настоятель Анзерского храма, прихожанином которого был покойный. В три часа дня, после отпевания, катафалк и процесия сопровождавших его автомобилей отбыли на кладбище «Ст. Женевьев» где состоялись похороны.

Не стало еще одного из наших старших командиров и однокашников по Донскому корпусу. Царствие ему небесное!

Со своей стороны и от лица всех кадет Донского корпуса приношу искреннее и глубокое соболезнование его неутешной супруге Ольге Федоровне и дочери Ирине Константиновне, а также Л. Гв. Казачьему и Российскому Гвардейскому Объединениям.

Кад. 37 вып. **Дмитрий Саринов**

От редакции:

Нас просят сообщить, что в извещение о смерти В. П. Гума, данном в № 27 нашего журнала, не по вине редакции вкрались следующие неточности: покойный скончался не 17 декабря, а 16-го. В хорватской армии он был майором. Капитаном 1-го дл., он закончил свою службу в королевской югославской армии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список кадет Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса,

Находившихся в корпусе от 1919 г., когда корпус покинул Новочеркаск и до его расформирования в Египте в 1922 г. (Включая Британскую Школу).

32-ой выпуск Дон. Кад. Корп. Измалия (Египет)

1. Клементов Сергей В-вах. остался, как воспитатель в Буюк-Дере.
2. Похлебин Святослав В-ур. (позже в Болгарии был произведен ген. Черячукиным в В-вах.)
3. Егоров Иван (георгиевский крест) В-ур.
4. Ештокин в-ур.
5. Ханженков Валентин в-ур.
6. Авилов Михаил в-ур.
7. Штейн Федор в-ур.
8. Алимов Вячеслав (Г. кр.)
9. Апостолов
10. Асеев
11. Барышников Владимир
12. Беклемшиев Михаил
13. Белоусов
14. Бирюков Дмитрий (Г. крест).
15. Болдырев Степан (Г. кр.)
16. Букин Михаил (Г. кр.)
17. Бурыкин Борис

18. Быкадоров Николай
19. Вальков
20. Васильев Всеволод
21. Гончаров Юрий
22. Глушихин
23. Данилов Антон
34. Диков
25. Дьяконов
26. Егоров Анатолий
27. Зубов Павел
28. Иконников Николай
29. Калинин Петр
30. Каменев
31. Кузмицкий
32. Кумшацкий Николай
33. Максимов
34. Маслов
35. Мацкевич Вячеслав
36. Мацкевич Евгений
37. Мельников
38. Логвинов Константин
39. Микишин Федот
40. Никитин
41. Павлов Владимир (Г. кр.)
42. Панкратов
43. Попов Иван
44. Попов Анатолий 64
45. Попов Николай
46. Пиховкин
47. Полковников Юрий
48. Плешаков
49. Рыковский Георгий (Г. крест).
50. Семашко Аркадий
51. Свеколкин Владимир
52. Сказкин Павел
53. Степанов Санжа
54. Сутулов Сергей
55. Талалаев Владимир
56. Толоконников
57. Тулаев Владимир
58. Тулаев Сергей
59. Туроверов Сергей
60. Цымлов Георгий
61. Харченков
62. Шляхтин Анатолий
63. Штудендорф
64. Щетковский Николай
65. Ясыркин Виталий

Список составлен по памяти. Принимая во внимание, что 32-ой выпуск имел три отделения и в каждом отделении по 35 кадет максимум, что дает в общем до 105 человек, а в этом списке всего лишь 65 человек и плюс 11 кад. кончили в Югославии с 34-ым выпуском, можно считать, что 30 человек остались дома, погибли или пропали без вести.

33-ий выпуск 7-го класса

1. Авилов
2. Алимов
3. Александров
4. Асеев
5. Бурыкин
6. Данилов
7. Гершенцвейг
8. Глушихин
9. Гончаров
10. Лученков
11. Захаров
12. Егоров Анатолий
13. Егоров Иван
14. Конев
15. Косоротов
16. Кузнецов
17. Ештокин
18. Епифанов

19. Диков
20. Гребенников
21. Кумшадский
22. Климентов 2
23. Логвинов
24. Ляшенко
25. Маглинов
26. Мельников
27. Мацкевич 1
28. Мацкевич 2
29. Волошинов
30. Панкратов
31. Первухин
32. Похлебин
33. Полковников
34. Поляков А.
35. Полухин
36. Попов Анатолий
37. Попов Иван
38. Пушин
39. Степанов Санжа
40. Сизякин
41. Сутулов
42. Сюсюкин
43. Рыковский
44. Рузский
45. Рудаков
46. Талалаев
47. Тулаев
48. Троицкий
49. Трембовельский
50. Жученков
51. Цымлов
52. Никишин
53. Хохлачев 3
54. Ханженков
55. Шевелев

34-ый выпуск 6-ой клсасс

1. Арнаутов
2. Арендт
3. Александрин
4. Араканцев
5. Аскончинский
6. Беклемешев (младший)
7. Борман
8. Бугураев Глеб
9. Быкадоров Николай
10. Беляев
11. Будников
12. Букин Петр
13. Белопольский
14. Ганин
15. Греков
16. Григоров
17. Гибер
18. Горлов
19. Говорухин
20. Данилов
21. Демидов
22. Денисов
23. Долгопятов
24. Дуброво Владимир
25. Добрынин
26. Дьяков
27. Згерт
28. Зайцев
29. Карпов
30. Кануков
31. Кононов Николай
32. Кривов
33. Косоротов Андрей
34. Котоврасов Н.
35. Крутилин
36. Корнеев Петр
37. Лавров Артемий
38. Левчак
39. Лукьянов
40. Лобачев
41. Матвеев
42. Миронов
43. Монин
44. Муравьев

45. Наполов
46. Никулин
47. Полковников (старш.)
48. Пивоваров Арсений
49. Попов Михаил
50. Писарев
51. Процыков
52. Похлебин (млад)
53. Почикаев
54. Родионов Влад.
55. Родионов Сергей
56. Рындин Андрей
57. Ревунов
58. Савин Юрий
59. Самсонов
60. Сочивец
61. Тарасов
62. Талалаев Влад.
63. Филин Аркадий
64. Фирсов
65. Харламов
66. Хохлачев Андрей.
67. Хрипунов
68. Чернозубов Мих.
69. Духопельников Бор.
70. Яновский

33-ий выпуск 7-го класса, фактически стал последним выпуском Донского Корп. в Египте, т. к. в 1922 г. Дон. Корп. был закрыт, Шефство Корпуса, сразу же было передано Донским Атаманом Ген. Богаевским в Донской Корп. находившийся в Югославии.

Вторая сотня

35-ый, выпуск 5-ый класс

1. Белотелкин Артем
2. Белотелкин 2
3. Будников
4. Быкадоров Мих.
5. Астахов Влад. 1
6. Великанов Петр 1
7. Голубинцев 1
8. Герасимов Мих.
9. Гугняев
10. Ганин
11. Демин Мих.
12. Духопельников 1
13. Долгополов
14. Дураков
15. Детров
16. Белоусов
17. Зуйкин
18. Жвирблис
19. Князев Модест
20. Крюков 1
21. Косоротов Александр
22. Лавров
23. Лозинский
24. Логвинов 2
25. Максимов
26. Малов
27. Мухин
28. Монин
29. Муравьев
30. Павлов
31. Персианов
32. Попов Николай
33. Попов Сергей
34. Попов Василий
35. Пузащатов
36. Райков
37. Стефанов
38. Сапаров
39. Селикин
40. Синятников

41. Тарасов
42. Харламов
43. Харитонов
44. Хохлачев
45. Черников Ник.
46. Цепляев 1
47. Шелякин 1
48. Шелякин 2
49. Широков
50. Ярон

36-ой выпуск 4-ый класс

1. Астахов Александр
2. Артеменко
3. Андронович
4. Агеев
5. Алимов 2
6. Беликов Виктор 1
7. Буравлев
8. Буланевич
9. Великанов Иван 2
10. Власов
11. Васильев 1
12. Арефьев
13. Богаевский Ник.
14. Балашевич
15. Владимиров
16. Волошинов
17. Гуков
18. Голущенко
19. Григорьев
20. Дукмасов
21. Дураков Петр 2
22. Диков 2
23. Иконников
24. Жуков 1
25. Жуков 2
26. Жуков
27. Зуев
28. Карпов
29. Коновалов
30. Курлюков
31. Кутитонский
32. Козин Виктор
33. Ковалев
34. Князев Аркадий
35. Климов Исай
36. Климов Юрий
37. Котляр Алексей
38. Колесников
39. Кузнецов Генадий
40. Лаврухин
41. Линьков
42. Лобов
43. Любимов
44. Лупилин Вас.
45. Ляхов
46. Маноцков
47. Матасов Григ.
48. Матасов Тихон
49. Миронов 2
50. Макаров 1
51. Петров Мих.
52. Петров Ник.
53. Писарев Мих.
54. Поляков Юрий
55. Попов Георгий
56. Протопопов
57. Пекунтиков
58. Поляков Георгий
59. Рая
60. Рубанов
61. Рудаков Ник.
62. Рудухин 1
63. Свечников Вл.
64. Стефанов Ник.
65. Сулин Виктор
66. Старооконский
67. Спиридонов
68. Сазонов
69. Савельев
70. Севрюгов

71. Сонин
72. Слюсарев 1
73. Слюсарев 2
74. Сулацков 1
75. Сулацков 2
76. Суляев
77. Текучев
78. Таннакин Мих.
79. Тарковский
80. Трубников
81. Тихонов
82. Хохлачев 2
83. Чеботарев
84. Чумаков Иван
85. Черников Федор
86. Черячукин
87. Флоров Иван
88. Флоров Вас.
89. Фильчуков
90. Цори
91. Цирюльников Пав.
92. Цирюльников 2 Ефим
93. Цуканов
94. Шебанов
95. Шевченко
96. Шурупов
97. Щербаков
98. Щучкин
99. Ушаков
100. Яссон Георгий
101. Яковлев Юрий

3-тья Сотня

37-ой выпуск 3-ий класс

1. Андреевский
2. Андреевский 2
3. Арсеньев
4. Аскончинский
5. Аникин
6. Банников
7. Беликов 2 Всеволод
8. Барсуков
9. Безполудинов
10. Борисов
11. Болдырев Ник.
12. Болдырев Олег
13. Бродский
14. Булюбаш
15. Валуев
16. Васильев
17. Голубинцев 2 Петр
18. Греков Григорий
19. Греков Ник.
20. Гречановский
21. Дембашевский
22. Дерябкин
23. Денисов Ник.
24. Девитт 1
25. Девитт 2
26. Демчинский
27. Добровольский
28. Духопельников Петр
29. Дубинин
30. Елиазаров
31. Ершов
32. Заставный
33. Золотарев
34. Князев 3 Игорь
35. Кадатсков
36. Киселев
37. Кириленко
38. Кирьянов
39. Кононов 2 Анатолий
40. Королев 1
41. Королев 2
42. Котляр Ник.
43. Крюков
44. Крипаков Пав.
45. Кунаков Александр
46. Кузнецов Ник.

47. Кундобин
48. Левицкий
49. Литвинов
50. Лидко
51. Лосев
52. Любимов
53. Ляхов
54. Лобов
55. Непенин
56. Наумов
57. Макаров 2
58. Оболенский
59. Орлов
60. Пашков
61. Пухляков
62. Поляков 2 Евг.
63. Панфилов
64. Порохин
65. Попов Анд.
66. Попов Алек.
67. Попов Сергей
68. Рапп
69. Рухляко
70. Рудухин 2
71. Рыковский
72. Сальнокив 1
73. Сальников 2
74. Семилетов 1
75. Семилетов 2
76. Свирин
77. Сенченков 1
78. Сенченков 2
79. Селитринсков
80. Сидоров
81. Сидорович
82. Скомиченко
83. Скрынников
84. Спиридонов
85. Соколов 1
86. Соколов 2
87. Сорокин
88. Студенцов 1
89. Студенцов 2
90. Студенцов 3
91. Студенцов 4
92. Студеникин
93. Тектов
94. Титов
95. Тищенко
96. Трофимов
97. Фофанов
98. Феценко
99. Ушаков
100. Чернов
101. Черевков
102. Чернышевич
103. Чернов 2
104. Цирюльников Ром.
105. Шебанов 2

37-ой выпуск 3-го класса Донского Корпуса, является последним классом Донского Императора Александра III Кад. Корпуса. Это прием в 1919 г. в 1-ый класс, а в 1922 г. Дон. Корп. уже был закрыт и 3-ий и 4-ый классы были переведены в «Британскую Школу» в Буюк-Дере.

Список составлен Бывшим кад. 4-го класса Александром Астаховым и прислан мне из Бельгии (Льеж), апрель 1975 г. Америка, Лейквуд — 1980 г.

Дмитрий Саринов.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.28

Printed by "Monastery Press", 8011 Champagneur Ave., Montreal,
Quebec. H3N 2K4. CANADA.